

В 2(61) ВРАТА СИБИРИ

Тюмень-2023

16+

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:
АНО

«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
ИВАНОВ Л.К.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 2 (61)

БЕЛКИН С.В.
ЕГОРОВ С.И.
ЕФРЕМОВА Л.Г.
КОЗЛОВ С.С.
ФЕДОСЕЕНКОВ М.А.
ШЕСТАКОВ С.А.
ШИРМАНОВ И.А.
ЯРКОВ А.П.

Тюмень
2023

Содержание

ПОБЕДИТЕЛЬ ФИЛОФЕЕВСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

Аркадий ЗАХАРОВ	Серафим – чин ангельский.....	3
-----------------	-------------------------------	---

ПРОЗА

Сергей КОЗЛОВ	Между тем и этим светом	16
Михаил ЗАХАРОВ	<i>Рассказы</i>	30
Александр ДРАЧЁВ	Покорение Сибири Ермаком	47
Елена КАПИТАНОВА	Северяне	55
Михаил ЧАЙКОВСКИЙ	Просветлённый.....	61
Мила РОМАНОВА	Дорогое удовольствие	66

ПОЭЗИЯ

Тамара ЗУЕВА (26), Наира СИМОНЯН (44), Станислав ЮРЧЕНКО (51)

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Надежда НИКУЛИНА	<i>Стихи</i>	70
Наталья ГОНЧАРОВА	<i>Рассказы</i>	75
Вита АКИМОВА	<i>Стихи</i>	80
Андрей АНДРЕЕВ	Три желания	83
Сергей МЯЧИКОВ	<i>Стихи</i>	87
Валерий НЕУДАХИН	Радуга над Чуйским трактом	91
Владимир МОЛДОВАНОВ	<i>Стихи</i>	97

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Станислав ЛОМАКИН	Тайное обаяние живописи.....	102
-------------------	------------------------------	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий САЗОНОВ	Свежее дыхание Сибири	105
Галина МАНАЕВА	Возвращаясь к напечатанному	107
Вероника СОТНИКОВА	Предложим миру нашу школу	113
Наталья КОСПОЛОВА	Звездные контуры земных дел.....	120
Владимир МОСКОВКИН	Военфельдшер	125

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Елена КРЮКОВА	Беспредельный простор	134
Нина СТРУЧКОВА	Отклик на книгу Анатолия Омельчука «Может быть когда-нибудь»	143
Эдуард АНАШКИН	От себя не убежишь, или «Анатомия побега»	147

НАШИ ГОСТИ. ДОНЕЦК ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Михаил АФОНИН (156), Ирина ГОРБАНЬ (161), Александр КУЧЕРЯВЫЙ (164),
Наталья ЛИТВИНЕНКО (168), Владислав РУСАНОВ (177),
Вячеслав ТЕРКУЛОВ (188)

Елена АДИНЦОВА,		
Виктория СЕМИБРАТСКАЯ	Ночное	152
Фёдор БЕРЕЗИН	Героев не хватило.....	160
Анна МАТВЕЕНКО	Жабка	171
Татьяна СТОЛЯРОВА	Огнеупорщик	180

Литературная хроника	192
Коротко об авторах	195

ПОБЕДИТЕЛЬ ФИЛОФЕЕВСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

Аркадий ЗАХАРОВ

СЕРАФИМ – ЧИН АНГЕЛЬСКИЙ

Рассказ о бывшем

*Север – воля, надежда, страна без границ,
Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья...*

(Владимир Высоцкий)

Как и всякая жизнь, река начинается с капельки, которая, соединяясь с другими, себе подобными, образует сначала ручеек, а тот, на бегу объединяясь с такими же братьями, становится бурным потоком, принимает в себя притоки, чтобы стать сперва речкой, а по истечении верст и времени – рекой. И получившая жизнь и имя река эта несет свои воды по камням и отмелям, одолевает перекаты, крутится в суводях, подмывает яры, растекается по заливным лугам и, отдохнув в заводях, слегка успокаивается в своем величии, чтобы уже не зная препятствий, нести свои воды к своему неизбежному концу в безбрежном Океане. У всякой жизни есть начало и предначертанный конец. А река – это не просто водная гладь: она – живой организм, полный изнутри скрытой жизни, несущий жизнь прибрежным обитателям и помогающий выжить поселившимся поблизости и связавшим с ней всю жизнь.

Для начала любой жизни всегда необходимы двое. Вот и для рождения нашей красавицы сошлись две непокорных речки: Катунь и Бия. Сошлись, слились, побурлили и объединились в объятиях, дав жизнь дочке, самой величавой на свете, с русским именем Обь, а у остяков известной как Ас. И русским, и остякам она стала надежной кормилицей, путем сообщения и тайным божеством, которому не забывали и доверять, и кланяться. Много повидала Обь за тысячелетия, много вынесла суденышек на своей груди, больших и совсем маленьких, но ни единому не отказывала и всякому находила место и на стрежне, и в заводях – по потребности. Вот и теперь приняла она в свой стрежевой поток крошечный осиновый челнок, у местных именуемый «облас», с одиноким загребаящим остяцким веслом в усталых руках. В носу обласа – скрытая под листом бересты поклажа. На гребце неприметная крестьянская одежда: не привлекает взор и не отлагается в памяти. Разве что поверх фуражки и на плечах – кусок неводной дели, пропитанной дегтем против комаров. А вот кисти рук гнусу доступны, и на тыльных сторонах ладоней красные волдыри и расчесы: весло из рук нельзя выпустить и приходится терпеть. Гребец проклинает зуд и гребет с остервенением: солнце опускается, и пора выбирать место для ночевки и отдыха. Но вот и подходящая заводь нашлась, и облас уткнулся в береговой песок. Гребец потянулся на своем месте, постарался расправить затекшие от неподвижности ноги и выбраться на сушу. Однако занемевшие конечности не захотели слушаться. Пришлось яростно колотить по ним кулаками до тех пор, пока застоявшаяся в жилах кровь не возобновила движение.

Тогда гребец повторил попытку высадки и, опираясь на весло, выступил из обласа. Ноги подчинялись ещё плохо, и не разгибалась поясница. Ему бы передохнуть, растянуться на песочке. Но некогда: уже смерчется, помощи ждать не приходится, и надо пошевелиться. Гребец потянул за нос обласа, челнок легко подался и вскоре был перевернут кверху днищем на сухом месте, чтобы укрыть на ночь своего владельца. А хозяин собрал сухой плавник и развел костерок поблизости. От огня и тепло ему, и дымок от комаров спасает, и чай из листьев дикой смородины. Хозяин достал из припасов кусок сала, отрезал, пожевал, запил кипятком и, постелив под обласом лист бересты, растянулся на нем, закутав от гнуса лицо и руки. Усталость навалилась, и наш герой провалился в сон.

Пока он спит, есть время рассказать, кто это такой, и что его выгнало в трудный и долгий путь на углу суденьшке по великой реке.

В деревушке Бочкарево, что на реке Тальменка, впадающей в Обь возле Искитима, земляки зовут этого парня по-деревенски просто – Сима. И никто не догадывался, что при крещении он был наречен как Серафим. Да еще и Адамович. Потому что народился он в семье потомственного сибирского священника, бочкаревского батюшки Адама Седых.

Сима, хотя и сын священника, от других парнишек почти ничем не отличается: со всеми играет в бабки, ставит сети на карасей, вскапывает огород, косит сено для домашней скотины, скачет верхом на пегой кобылке и любит читать всё на свете, не только Писание. Разве что по праздникам поёт в храме, а вечерами лихо играет на гармошке-хромке. Ну, это не очень-то большое отличие от его друзей Пашек, Ванек и Сережек, для которых он всегда просто Сима и иногда даже Симка. Свой парень, хотя и с крестиком на шее. Да кому его крест мешает, казалось бы. Оказалось – далеко не так.

Жизнь деревенского батюшки далеко не мед. Одними скудными подавляниями за службы и требы не прокормиться. Да и храм содержать надобно. Приходилось ему и домашнюю скотинку держать: кобылку, корову, овец, хрюшку и гусей. А ещё и огород немалый, а на нем картошка, капуста и всякая мелочь. Всей поповской семейке доставалось на нем трудиться. А если сами не успевали, то добросердечные прихожане подсобляли. Кто по доброте душевной, а кто, из бедности, в счет оплаты за услуги: крещение, отпевание, освящение и всякое прочее, иногда вплоть до венчания. А что селянину делать, если расплатиться нечем? Ведь батюшка по-своему тоже трудится, не отказывает, по доброте своей отмаливает грехи тяжкие и немалые.

Вот эта доброта отцу Адаму потом повернулась своим черным боком, на котором людская неблагодарность обозначилась. И даже того хуже.

Со всем домашним хозяйством батюшки успешно управлялась его жена – матушка Степанида, женщина дородная, проворная и праведная. К чему бы ни прикоснулась – все приходило в порядок: в горнице чистота, в печи хлебный дух, в хлевах скотина сыта и ухожена, а под окнами цветы – незабудки. При всех своих заботах матушка умудрялась быть в курсе всех деревенских новостей и сплетен, которыми с ней охотно делились соседки и подруженьки. От них и донеслось, что сынок ее Сима давно уже тайно встречается с дочерью упертого старовера Петра Меринова – Анной. К новости Степанида отнеслась снисходительно: мало ли кто по молодости и глупости с кем загуливает. Анна девка ухоженная, работающая и здоровая. Одно плохо, что она из семьи упрямых беспоповцев. А может, то и хорошо: погуляют и разойдутся. Неединоверческой свадьбе не бывать.

Однако молодые мечтали иначе. Петр Меринов, прослышав о выборе дочери, в негодовании взвился: «С вероотступником загуляла! С никонианцем – троеперстником! От старой веры отошла! Отца с матерью послушай! Тебе давно подходящий жених предназначен из наших, староверов – Игнат Пестряков. Ждем его с лесозаготовок. Теперь вечерами дома сиди! Ослушаешься – проклянущу и лишу приданого. И не реви: бабьи слезы – божья роса». У Аннушки слезы ручьем: «Не пойду за корявого Игната, мне Сима люб, пуще жизни!»

Пятеро братьев Мериновых сестренку любили, жалели и помочь ей решили по-своему и неуклюже, как в деревне принято. Вечерком, после гулянки, подловили гармониста на безлюдье, окружили с недобрыми лицами: «Разговор к тебе есть. Отвяжись от нашей сестрички, не улещай, не соблазняй её. Мы тебе, вероотступнику, её не выдадим и душу загубить не дадим. А не отстанешь – изловим и забьём до смерти». И в качестве задатка, чтобы не сомневался, отвесили Серафиму пару горячих.

Всем известно – братья Мериновы – парни серьезные, шутить не станут. Если пообещали – сделают. Только и Серафим не заробел. Братьям покориться даже не посулил. Растянул гармошку и заиграл-запел:

...Разлука, ты разлука, чужая сторона,

Никто нас не разлучит, лишь мать сыра-земля...

Не поняли братья намека, что Симу и Анну только смерть и разлучит. Услышали о разлуке, поверили и отступили. Но случилось ровно наоборот: смерть их не разлучила, а соединила навечно. Так иногда бывает.

Тяжко заболела матушка Степанида, ослабела до того, что всё из рук валится. Жар, слабость, круги в глазах, жизнь не мила. Да ещё забота, что мужики в доме не кормлены, корова не доена, скотина голодная. Встать бы, управиться, да мочи нет. Изба приходит в запустение, пылью зарастает, а сын и муж того не видят. Вот уйдет Степанида в вечность – пропадут они без женского пригляда. Близость вечности вынуждала об этом крепко задуматься. И Степанида удумала. Мать и на смертном ложе о своих детях страдает. Когда однажды ввечеру Сима по наущению знахарок отпаивал её отваром марьяна корня, она собралась с силами, приподнялась на подушках и прошептала: «Приведи ко мне невесту свою Аннушку, я благословлю вас на жизнь».

Непросто оказалось вызволить Аннушку из домашнего заточения, выманить на огород и оттуда, задами, доставить её в поповскую горницу. Так и предстала она перед умирающей: в простецком домашнем платице и босиком. Только не смутила своим видом Анна матушку Степаниду: отвлекли и затмили сиянием голубые глаза, полные сострадания и любви к её единственному сыночку, прислонившемуся к девичьему плечу.

Из оставшихся сил, на последнем дыхании приподнялась Степанида с иконой в руках и молвила тихо, но отчетливо: «Ближе подойдите, дети мои. Перед ликом Божьей матери благословляю вас на брак, долгий и единственный. Живите долго, в радости, любви и верности, рожайте детей и соблюдайте божественные Заповеди. Адам! Обвенчай их через сорок дней. Такова моя последняя воля». И отошла.

А Аннушка с того часа осталась в доме Седых. Отец Адам последней воле жены перечить не стал, и когда минули и похороны, и поминки, и сорок дней, и из стаи гусей остались последние два, обвенчал Анну и Серафима в деревенской церкви. На церемонию собрались немногие: те, кто не стеснялся обнаружить свои убеждения перед новой властью, не жалующей православие. А со стороны невесты из двоедан-староверов вообще никто,

кроме её пяти братьев, ради счастья сестренки переступивших запрет отца. А осерчавший на весь несправедный мир Петр Меринов засобирался уехать из Бочкарево на Томь, в таежный скит, подальше от овладевающей всем бесовщины.

Впрочем, мелкие бесы по имени комсомолысты и безбожники немалым числом собрались перед храмом и попытались сорвать праздник венчания, но в воротах храма встали братья Мериновы, а кто-то ударил в набат. На истошный призыв колокола сбежалась уже большая толпа, и комсомолысты были рассеяны верующими. Бесенята с угрозами удалились, но пообещали вернуться и посчитаться. На прощание отец Адам призвал всех к миру и всепрощению, напомнив, что сам Христос был первым коммунистом, о чем свидетельствует его Нагорная проповедь. Нагорную проповедь никто из бочкаревцев не читал, но батюшке поверили и разошлись с миром, не тая на комсомольцев зла.

Не таковы оказались воинствующие безбожники и комсомольцы.

Но за скудным свадебным столом в доме Седых никто о них не думал, гости старались веселиться и даже немного выпили домашней браги. А у кого стол богаче? Последних гусей в печи запекли. В России, говорят, вообще страшный голод.

С того вечера в жизни семьи Седых было несколько недель настоящего счастья. Я не могу сказать благоденствия – его тогда ни у кого не было. Но молодым окружающие несчастья были неведомы, они радовались наступившей законной близости, и их переполняли ощущения прекрасного будущего. Ненадолго.

В один из дней из Искитима пришла подвода, а на ней отряд из ГПУ. Без долгих разговоров люди в кожанках арестовали отца Адама как «чуждый советской власти элемент», обыскали весь дом, перерыли всё в церкви, денег и золота не нашли, озлились, конфисковали кобылку Пеганку и забрали у Серафима гармошку как предмет религиозной агитации. Отец Адам попробовал возразить: «А гармонь зачем забирать? Побойтесь Бога!» Ему ответили: «Нам лучше знать – зачем. И бояться некого – бога нет». «Если есть бесы, то и Бог должен быть», – усомнился батюшка. «И где ты видел бесов?» – засмеялся главный в кожанке с орденом. «Передо мной стоят», – ответил Адам и получил прикладом винтовки по пояснице. За дерзость попа из избы вытолкали, посадили в телегу между двумя конвойными и увезли. Может, в Искитим, может, в Новониколаевск. Никто не знает, никто не слышал, никто больше не видел.

Остались Сима и Анна жить вдвоем в большом доме. Без гармошки – не до нее теперь. Затаились и почти успокоились. Однако ненадолго.

От тяжелого сна Симу пробудили крикливые чайки. Солнце уже поднялось, и птицы приступили к кормежке на заливе, в котором явно скопилась мелкая рыбёшка. Сима невольно залюбовался чайками: если и есть на земле птица красивее и удачливее, то едва ли намного она превзойдет чайку, которая прекрасно летает, ныряет и плавает, ходит по берегам и никого не боится. Особенно, если в стае. Впрочем, и Симе пора пожевать. К своему сожалению, он обнаружил, что взятые с собой припасы неуклонно убывают, и пожалел, что не поставил с вечера сеть – была бы прибавка к еде. Похоже, что вода начинает спадать, и рыба должна ловиться. Сегодня же вечером сеть надо опробовать.

Решив так для себя, Сима столкнул облас в воду и выгреб на самую середину. Когда река убывает, вода уходит от берегов, посредине русла образуется как бы ложбина, по которой несет смытый мусор. Если встроиться в эту струю, а встречного ветра нет, то можно почти не грести: стрежень сам подхватит лодку и понесет её, минуя заводи и затопленные тальники. Надо лишь изредка подруливать. Можно пока и расслабиться.

Весло у Симы отличное. Легкое, кедровое, похожее на гусиное перо. Старательный остяк сработал его в национальных традициях. Широкая лопасть, в треть всей длины весла, изогнута и окрашена от намокания. На рыбалке она способна заменить стол, хоть для разделки улова, хоть для трапезы. Веретено переменного сечения. Та треть, что ближе к лопасти, овальная. Такая в руке не крутится и в захвате устойчива. Верхняя треть – прямоугольная, чтобы положенное поперек обласа весло не покачилось и не выпало. А на вершине весла – мульга – поперечная рукоятка, за которую удобно держаться при гребле и при необходимости заменяющая багор, чтобы поднять затонувшую от улова сеть.

Но даже прекрасное весло становится неподъемно тяжелым, если махать им четвертые сутки без перерыва на отдых. Ноги без движения затекают, поясницу ломит, плечи болят, а руки весло не держат, и оно норовит вывалиться, что грозит бедой.

Единственное весло потерять страшно. Даже выронить его в воду нельзя. Без весла в руках гребца, облас станет неуправляемым, и покинуть стрежневое течение никак не удастся. Река будет нести беспомощный челнок до самого океана, если, конечно, встречный ветер и противная волна не прибьют его к берегу или, того хуже, не занесут в затопленные кусты. Поэтому Сима привязал весло за мульгу длинной тетивкой. Страховка не помешает: на реке он один, и если что – никто не поможет. Река – не дорога, на обочине не переждешь. Но может случиться и того хуже.

Река – точно не дорога, но водный путь, на котором встречаются пароходы, большие и малые, пассажирские и буксиры с составами из барж. Не приведи Бог, окажись неуправляемый облас на судовом ходу, его непременно стопчут против всякого на то желания рулевого. У водного транспорта тормозов нет, на буксире состав барж в тысячу тонн, который, если даже капитан буксировщика скамандует «стоп машина и полный назад», по инерции догонит ведущего, навалится на буксир всей массой и потопит. А потому ни один судоводитель отвернуть от ничтожного обласа на фарватере не сможет и даже не подумает: за спиной государственный груз и личная ответственность за него перед суровым законом. Конечно, пожалеет несчастного рыбака, но помочь не сможет: ничего не поделаешь – судьба такая. Сам виноват.

А если обласу удастся увернуться и избежать столкновения, его настигнет поднятая пароходом волна, опасная для низкобортной посуды, если гребец в ней зазевался и не развернул челнок к волне носом.

Сима, выросший на мелководной Тальменке, законов большой реки почти не ведал и постигал их уже по ходу плавания. Однако быстро усвоил, что зевать и дремать в пути нельзя. Встречные суда стали попадаться всё чаще. В основном буксирные пароходы тянули баржи с рудничной стойкой, шпалами или с надписью «изотерм». Непривычное сельскому уху слово означало, что эта баржа – плавучий ледник, набитый мороженой рыбой, отловленной ещё зимой и предназначенной для прокорма горняков Кузбасса. Из количества изотермических посудин следовал вывод, что рыбы в Оби ловится очень много, а требуется ещё больше.

По оживлению на берегах, редким моторкам, дымному облаку на горизонте и дровяным складам Сима догадался, что уже скоро он достигнет Новониколаевска или, как его стали теперь называть – Новосибирска. А значит, ему угрожает реальная опасность быть на реке задержанным как неизвестный бродяга без документов. А пока будут разбираться: кто он, откуда бежал, зачем и почему, облас со всем имуществом исчезнет как и не бывало. И всё пропало! Охватывал страх сродни предсмертному. Руки дрожали.

Серафим отложил весло, нащупал на груди латунный, из ружейной гильзы крестик и взмолился: «Святой Боже! Святой крепкий! Святой бессмертный! Помилуй мя! Пронеси в потоке мимо вражьих сил, злобных глаз, нечистых рук! Помилуй, ради спасения рабы твоей смиренной Анны и безгрешного сына ея!»

Симе было чего опасаться. Для советских властей и их органов Серафим Адамович Седых, сын священника – врага народа, беспартийный, несудимый представлял собой не просто чужеродный элемент, каких в тайге пряталось много, а беглого и дезертира из трудовой армии, подлежащего за это суду и репрессиям. Вплоть до высылки в Нарымский край. Только он о последствиях для себя не задумывался. А вспоминал, как однажды пришли за ним люди с наганами, дали одеться и заявили, что он как сын врага народа мобилизован в трудовую армию на Прокопьевские шахты. И если повезет, заслужит, то, может, и вернётся когда-нибудь. Аннушка взревела и бросилась на грудь Серафиму.

А конвоиры захохотали, оттолкнули несчастную женщину и без лишних слов увели Симу на сборный пункт в Искитиме. Там подобных ему скопилось достаточно для загрузки целого плашкоута, который прицепили к буксиру «Спартак» и отправили к месту выгрузки в Кузбассе. Не скоро это случилось, а Аннушка стала жить одна при огороде и корове Милке.

Как Сима работал на шахте и о порядках в трудовой армии, он не очень рассказывал. От работы не увивал, но и не надрывался. Махал кайлом в забое, рушил уголёк и норму добычи выдавал. Забойщиков кормили лучше других трудармейцев и не давали захиреть. От ежедневных упражнений с тяжелой каёлкой у Симы развились плечевые бицепсы, как у циркового борца. Время тянулось мучительно медленно. Ночами на общих нарах в бараке он долго не засыпал, всё ворочался и вспоминал свою далекую Аннушку, такую мягкую, ласковую и теплую. Вестей от неё не было, и о себе ему сообщать не разрешали. А от голода, холода, изнурительного труда и привязчивых хворей трудармейцы постоянно вымирали. Армейское начальство естественная убыль деклассированных элементов особенно не беспокоила: на смену убывшим регулярно присылали других, и поток их не иссякал. Опустевшие места на нарах заполнялись новичками, которые приносили вести с воли. Скажем прямо – не утешительные. Но всё равно их жадно слушали.

И вот однажды, среди новичков Серафим узнал своего земляка из Бочкарево – Игната Пестрякова, сына бывшего лавочника, который, едва отдохнув после лесоповала, вновь угодил теперь уже на шахты, из которых не чаял выкарабкаться. Но земляк – всегда земляк, даже и под землей, и Сима поспешил узнать новости с родины.

«Ах, Сима! – вздыхал Игнат. – Не повезло нам с тобой. Разве мы виноваты, что мой отец на дому лавку держал, а твой отпевал покойников? Их за это со свету свели, нас в эту дыру законопатили, а в Бочкарево теперь ни лавки, ни церкви нет. За керосином и спичками приходится ехать за со-

рок верст, а чтобы окрестить младенца, так и вовсе нет никого – церковь заколочена, а образа, какие удалось спасти, растащили по домам. Анну твою мельком видел, когда их с сынком твоим в Нарым увозили. А ты и не знаешь, что у тебя сынок родился? Славный такой, вылитый ты, но неокрещеный, и как называли – не ведаю. Из района в сельсовет пришла разрядка набрать десять девок и молодых бабенок из числа супротивных власти для отправки на рыбные промыслы. Всё село перешерстили – супротивных искали, да до контрольной цифры одной не хватило: одни комсомолки кругом. Тогда остановились на Седых Анне, не посмотрели, что она с ребёночком. Посчитали, что раз она член семьи врага народа, то и ребёнок таким вырастет».

Серафима как громом ударило: у его любимой Анны родился сынок, крохотный ангелочек, маленькое солнышко. И безжалостные бесы везут их, а может, уже довезли, в неизвестность, в комариные болота, глухую тайгу, холод и сырость, в которых и ссыльные мужики не все выживают, а молодая мать с ребёночком – даже подумать страшно. Серафим не долго думал. Решил, что надо бежать из трудармии немедленно. Пока тепло и сухо, можно успеть. Главное – отыскать семью. А что потом – определится на месте.

Сбежать из трудармии – небольшая проблема. Многие бежали, но до бежали не все. Кому-то не повезло – попались по дороге. Немногим улыбнулась удача. В ссыльно-каторжной Сибири к беглецам, если они не варнаки, всегда сопутствовало людское сочувствие. Молодому и красивому страннику, бегущему на выручку своей любимой, подсобили: и накормили, и одели, и укрыли, и верный путь указали. Через короткое время достиг Серафим своей деревеньки: известие о побеге и розыске туда так запоздало, что ищи ветра в поле.

Братья Мериновы встретили Симу приветливо: повинились, что когда забирали Анну, в деревне их не было – плотничали в чужом поселке. А то бы... Один леший знает, что бы случилось... Может, и перестреляли бы братьев. Едва они успели сестренкину корову с выпасов к себе увести. И решение Симы искать семью они хором одобрили: «С реки она никуда не денется. И на реке, и возле каждый человек виден как на ладони. А баба с ребенком завсегда найдется. Собирайся, пока не поздно: дом ваш не разграблен стоит. Хотят в нем избу-читальню поместить, но твоего возвращения опасаются. И облас ваш лежит нетронутым, как был положен, так на берегу и остался. Поможем снарядиться...»

Облас Адаму Седых ладил знакомый остяк и от души постарался. Весной, в разгаре сокодвижения, свалил он большую осину, сплавил бревно вниз по речке, выкатил на берег и старательно обтесал изнутри и снаружи, сделав заготовку, похожую на большое огуречное семечко. А потом, долго и старательно выскабливал сердцевину, разводил борта и смолил кедровой смолой. Лодочка получилась легкая, ходкая и вместительная. Для двух человек со снастями и уловом вполне достаточная. Отец Адам обласом был доволен и оплатой остяка не обидел. Батюшка любил рыбалку. Она сану не возбранялась – все Апостолы заядлые рыбаки были.

Ближе к ночи братья пришли на пустынный берег Тальменки провожать Серафима. В носовой части обласа пристроились необходимые в дальнем плавании: котелок, топор, кружка, телогрейка-безрукавка, брезентовый дождевик, ряжевая сеть, с ведро картошки, кулек с горохом и немного соли. «Небогато, – хмыкнули братья и добавили большой шмат сала, десяток вареных яиц и чуток сухарей. – Не обессудь, чем богаты, тем и радь». А один из братьев, Иван, снял с пояса свой неразлучный рыбацкий нож: тонкий,

острый, с наборной из бересты рукояткой. Таким хорошо разделявать рыбу, а упадет в воду – не утонет. «Не жалко?» – засомневался Сима. «Да он мне не пригодится, – отмахнулся Иван. – Меня служить призывают на Дальний Восток. Зачем он мне там?»

Симе помогли сесть в облас, угнездиться поудобнее, перекрестили и оттолкнули от берега, плыть в неизвестность. Краем глаза Сима заметил, как все пятеро смотрят вслед отплывающему на вертлявой душегубке. Отыщет ли он в великих просторах Богом данную любовь свою?

Некоторые уверяют, что молитва истинного праведника всегда доходит до адресата. Видимо, мольбу Серафима на небесах услышали и дали ему без помех миновать суетливый рейд в черте Новосибирска. Озабоченный великой стройкой город не заметил одинокую лодочку и пропустил её мимо пристаней и причалов, мостов, элеваторов и угольных складов. Дети купались, женщины полоскали белье, старики удили, грузчики опорожняли баржи, и никому из них до проплывающего мимо не было дела. И хорошо.

Теперь Серафим надеялся только на свои силы. Исчезла боль в руках от непрерывной гребли. Сима втянулся в ритм обязательных движений, мускулы стали привыкать и перестали ныть. Но возникла другая беда: мозоли от жесткого сиденья. Они давали знать о себе еще хуже, чем боль в плечах. Подложенная телогрейка помогла лишь слегка. Только лежа грести никому не удавалось и приходилось терпеть. И Сима терпел.

Хуже того: припасы еды неуклонно сокращались. Организму требовалась подпитка для сохранения сил, которые ещё понадобятся. Но и тут Симе повезло. В один из дней на реку выпала подёнка: метляк, бабочка однодневка, массово вылетающая из воды утром, чтобы, поплясав над поверхностью, умереть, покрывая речную гладь подобно снегопаду. Рыба как будто того и ждет: жирует, спешит нажраться, потеряв осторожность. Река от этой жировки как бы вскипает, и Сима поспешил распустил сеть. Такая рыбалка одно удовольствие: плывешь по течению, а рыба ловится, успевай выпутывать. Хотя невелика у Симы сетёшка, а добыла изрядно, больше, чем надо. Пришлось искать подходящий бережок, чтобы разобраться с уловом и просушить сеть – иначе она сопреет.

Попались в основном язи, но был и десяток сырков, которым Сима очень обрадовался. Сырок рыба жирная и нежная, его достаточно распластать, немного присолить, разложить на солнце и через пару часов можно есть. С сырков Сима и начал шхерить: на весле поперек обласа, вода рядом, кишки в воду, икру в кружку. С язями провозился дольше: крепкая рыба, костлявая. Наварил ухи, нажарил на рожнах впрок – дня на три. Присолил немного сырков. А еще повезло тут же наткнуться на полянку полевого лука. Обрадовался и нащипал целую охапку: к рыбе хорошая прикуска. Хлеба-то нет. Жирную уху пил из кружки, а икру поджарил на дне котелка. Насытился, тут же и заночевал. А утром, когда сеть просохла, двинулся дальше.

Метляка пронесло, и река заблестела зеркалом. Тихо, безветренно, но небо серое, и комары оживились. А ласточки носятся над самой водой, так и стригут поверхность. Замечательные птички – ласточки-береговушки. В недоступном другим песчаном яру своим тонким носиком проковыривают для себя длинные норки, в которых живут и выводят потомство. Песчаный яр норками сплошь продырявлен. Подземных гнезд в нем тысячи. А береговушки знают каждая – свое и не ошибаются. А потому сохраняют мир и не ссорятся. Хороший пример людям, которым даже на сибирских

пространствах тесно и не ладно. Однако низкий полет ласточек не к доbru, а к затяжному ненастью, которое под обласом не переждешь, а в нем от сырости не укроешься. Хорошо бы избушка бакенщика попалась, чтобы напроситься в гости и переждать. С севера уже потянуло холодком, а за свежестью обязательно последует дождь. И Сима покинул стрежень и направил облас к берегу, на котором показалась большая и длинная поленница дров, а за ней небольшая избушка сторожа дровяного склада пароходства. Едва успел причалить и выдернуть на песок облас, как ударили первые капли. Не думая о себе, Сима заторопился спасать и укрывать поклажу под обласом, дождевиком и листом бересты. А из избушки уже спешил на помощь хозяин, хромая и спотыкаясь: «Скорей беги в избу, сейчас ударит!»

Ливень не замедлил ждать, гром ударил, и над водой засверкало. Но в избушке было сухо, тепло, топилась буржуйка, и кипел чайник. А еще в ней были широкий топчан вместо кровати, длинный стол под окном и пара чурок в роли стульев на земляном полу. Стены сложили основательно, на мху, двери сплотили крепкие, даже окно застеклили, а на пол досок не нашли. А может и пожалели для временного жилья.

Хозяин назвался Макаром Ламбиньым, одновременно сторожем и начальником дровяного склада пароходства. Всю зиму жители ближних деревень валили прибрежные березники, пилили их на метровые поленья-швырок и свозили на береговой склад. За это получали от пароходства сущие копейки, но и тем бывали довольны. В глуши даже копеечку «заработить» большая удача. А с весны и до конца навигации к яру пристают пароходы и пополняют дровами запас котельного топлива. Макар дрова им отпускает, кубометры учитывает, получает от капитанов специальные дровяные талоны и заносит операцию в амбарную книгу химическим карандашом. По местным масштабам Макар – большой начальник, он состоит в штате пароходства, получает зарплату и продуктовый паек мукой, солью и даже чаем. А ещё у него есть огородик, на который постоянно набегает зверье из леса, и его приходится отлавливать, потому что ружьё Макару не выдают.

Пароходы у него бункеруются не часто, примерно раз в неделю, а в промежутке Макару общаться не с кем, и потому он нежданному гостю рад и для него немедленно испечет лепешки на рыбьем жиру. Поведав гостю всю свою подноготную, он тактично намекнул, что следует ответить тем же: «Куда и зачем несет тебя, паря?»

Сима радушному хозяину простодушно открылся, всё о себе рассказал. Чем поверг Макара в состояние глубокой задумчивости, не мешавшей ему одновременно заводить тесто для лепешек. Сковороды в его хозяйстве не имелось, и лепешки Макар пек прямо на верхней плоскости буржуйки. По тому, как они у него получались, было заметно, что это дело ему привычное. Если бы не привкус рыбьего жира... Но Сима и таким был рад.

За окном бушевало, на реке поднялась волна, и гостевание предполагалось долгое. Керосиновая «летучая мышь» слабо освещала стол. На чай Макар не поскупился и заварил прямо в кружках. «Вижу, не врешь ты, паря, – разговорился он, наконец. – И понимаю твоё горе всем сердцем. У самого зимой жена умерла. Пошла к проруби по тонкому льду, провалилась, выбралась, но неимоверно простыла. Свалилась в горячке, а доктора на сотню верст вокруг не сыскать. Всех знахарок в кучу собрал, лечили травами и припарками, но бестолку. Знакомые охотники привезли топлёный барсучий жир, да промешкали, опоздали. Не дождалась Нюра лекарства. Я ночами перед образами на коленях стоял – старался для своей Нюры выздоровление вымолить. Не услышали небеса моей мольбы, не сжалились,

не помиловали. Умерла моя единственная. Озлился я тогда на всех богов, снял образа и с обрыва выкинул. Надеялся, что за святотатство разразит меня гром. А гром так и не грянул. С той поры живу один, тоскую, но другой бабы мне на дух не надо. Гляжу – и ты мне под стать в супружеской верности. И не случайно к моему берегу тебя Бог прислал. Не забыть эту девичью баржу. Больше месяца назад подвалил ко мне на бункеровку буксирчик «Товарищ», а у него на хвосте паузок полный девок и баб. Погнали их на рыбные промыслы. Команде буксира самим загружаться не хотелось, так они девок заставили. А те и рады на земле размяться. Нагрузят на бабенку три швырка, она на трапе качается, натужно кашляет, того и гляди – свалится. А конвойные балдеют, скалятся. Я что поделаю? Отвернусь и молчу. Только бабы с ребенком среди них я не заметил. Может, не разглядел. А может – её на погрузку не поставили...»

«И куда паузок повели – не скажешь? – почти простонал Серафим. Тяжелое предчувствие как обухом ударило: усопшую жену Макара звали Нюрой – просторечное от Анна. И у Симы – тоже Анна. Случайное совпадение имен или посланный свыше знак, знамение от святых угодников, чтобы спешил со спасением? – Так куда повели паузок?»

«На рыбные промыслы – куда еще, а на какие – дело секретное, я и не спрашивал. Но до какой пристани – сказать могу, хотя и не должен. У меня все бункеровки в книге зафиксированы: число, время, название, откуда и куда следует. По осени я журнал в пароходство сдам. Зачем он им – не знаю. Но записи мои строго секретные. Однако тебе открою: «Товарищ» пошел до пристани Колпашево. Наверное, там их сборный пункт. До Колпашево тебе три дня плыть, когда погода установится. А пока у меня отдохни и мозоли залечивай.

Легко сказать – отдохни. Когда ему жена с младенцем ночами из ума не идёт, как живая является, зовёт на выручку, что и не уснуть. Руки сами к веслу тянутся, а за окошком ненастье барабанит каплями по обласу. Два дня провалялся на жестком макаровском топчане Сима, а когда дождь и волна утихли, в путь снова засобирался. Суровый мужик Макар на прощание чуть не прослезился. А на память подарил рукавицы-верхонки и бутылку барсучьего жира: «Моей не пригодилось – может, твоей поможет: на баржонке девки были простуженные. А без рукавиц твои голые руки комары съедят, и не доплывешь». Сима молча перекрестил Макара, поклонился избушке, перекрестился сам, сел в облас и оттолкнулся веслом. Теперь он знал, куда ему плыть и где искать.

Через три с половиной дня на пологом берегу перед Симой и впрямь возникло Колпашево. Уже не поселок, но ещё и не город: пассажирская пристань с большим дебаркадером, магазины, склады Рыбкоопа, рыбозавод, лесозавод, хлебопекарня, райком партии, сельсовет, почта, больничка, школа, суд и отдел милиции с камерой предварительного заключения. Необходимый для центра Нарымского округа набор учреждений, самым значительным в котором считалась милиция. А потому население, в массе состоящее из первопоселенцев с небольшой примесью остяков, старообрядцев, сбежавших от царской власти, сосланных царской охранкой политических и их потомков, кулаков, скрывшихся от советской власти, спецпереселенцев и политических сосланных в Нарым уже советской властью и тонкой прослойки советской интеллигенции, по понятным причинам оказалось малообщительным и неразговорчивым. До такой степени, что выведать что-нибудь о барже с деви-

цами и ее возможном местонахождении не удалось. Кроме того, что пароход «Товарищ» ушел к Томску порожняком, без состава. Это давало надежду, что искомый паузок причален где-то поблизости. На безлюдном берегу, между многочисленных лодок кроме мальчишек-удильщиков и бродячих вороватых лаек расспрашивать было некого, за исключением странного гражданина с отрешенным от окружения видом, присевшего на борту одной из обсохших посудин. Невысокий, бородатый, в пестрой навывпуск рубахе под потрепанной поддевкой, в сыромятных чарках на ногах, но при этом в городской фетровой шляпе, он привлекал внимание. На Симин вопрос мальчишка-удильщик хмыкнул сопливым носом: «Ссылный бездельник. Ненормальный: целыми днями на берегу торчит...»

Сима обрадовался, подошел, поздоровался и осторожно поинтересовался, не видел ли уважаемый товарищ поблизости баржонку, полную молоденьких женщин. Товарищ пронзил спросившего сверху донизу внимательным взглядом, оценил его усталый и потрепанный вид, заметил крестик на шее, догадался, что перед ним не бродяга, и негромко, но отчетливо произнес: «Видел, как не увидать такую большую людскую беду:

«Если б ведать судьбину твою,	Не гадалось ставшее мне,
Не кручинить бы сердца разлукой	Что, по чувству сестра и подруга,
И любовь не считать бы свою	Не своей отдалилась вине
За тебя нерушимой порукой.	Ты от братьев сурового круга».

Загадочный встретился Симе собеседник. Но его хитрый уход от существа вопроса стерпел и продолжил выпытывать: «И где эти люди теперь? Куда их выгрузили? В Колпашево, вроде как, их нет». «А их здесь и разместить негде. На Васюган страдалиц увезли, в бывший скит, что недалеко от устья. Там их держат, «сортируют» и насильно распределяют. Вдруг обнаружилось, что на вновь созданных промыслах ссылные мужики рыбу во множестве добывают, а обрабатывать её некому, сами не успевают, и уловы пропадают. План не выполняется! Вот и придумали принудительно бабами недостаток рабсилы восполнить. Везут их со всей Сибири, плохо одетых, в открытых небу паузках, как скотину. Не все, не все длинный путь переносят:

«Есть демоны чумы, проказы и холеры,
Они одеты в смрад и в саваны из серы.
Чума с кошницей крыс, проказа со скребницей,
Чтоб утолить колтун палящей огневицей,
Холера же с зурной, где судороги жил,
Чтоб трупы каркали и выли из могил».

Страшную картину нарисовал дяденька. Сима даже поежился, почуввав неладное. На прощание уточнил: «Назовись, как вспоминать тебя, дяденька?»

«Вспоминай слугу божьего Николая. Николая Ключева из Олонца! Удачи тебе в поиске суженой», – отвечивший Николай и снял шляпу.

А Сима отогнал от обласа любопытных собак, столкнул его на воду и взялся за весло: Васюган – река заметная, мимо не проскочить. Теперь уже скоро Серафим найдет тебя, желанная Аннушка!

Берега Васюгана тоскливые, потому что вытекает он из крупнейшего в мире болота, оброс тальниками, ольхой, осиною и березами. Вода в нем темная,

а над ней темно от кровососов, налетающих тучами. Лезут в мельчайшие отверстия в одежде, забиваются в нос, рот и не дают дышать. Не понять, как старообрядцы их выносили и в такой среде выживали. Гнус терпели, а новые порядки не стерпели. Ушли в глубину болот, забросив все столетние постройки. В них и разместили теперь распределительную спецбазу трудармии для мобилизованных женщин. Без охраны, но с комендантом, который здесь мнит себя выше Бога. К нему приезжают вербовщики с рыбоучастков, отбирают живой товар, и комендант отпускает его им по спискам. В ожидании своей очереди отошавшие на жидких казенных харчах девки болтаются по берегу и ищут для утоления голода прошлогоднюю клюкву, свежую крапиву и редкие грибы в березовой гриве. Особо везучие пытались на крючок из булавки ловить окунишек. И даже надергивали! К одной такой и подъехал Сима на своем обласе: «Нет ли среди вас Мериновой Анны с сыночком?» И получил ответ, что «среди них её точно нет, но она лежит с другими неизлечимыми доходягами в чахоточной и может ещё жива. А ребенок её ещё по дороге помер, что Анну и доконало. Спеши, может, ещё успеешь живой застать. А лучше выбирай среди нас любую здоровую». Злые у них были шутки, от безнадежности.

Сарай для неизлечимых на поверку оказался добротным амбаром с полами, но без окон. Свет и воздух проникали в него через полуприкрытую дверь. Приглядевшись к сумеркам, Сима увидел прямо на полу, на тощей подстилке из сухой осоки три фигуры, в одной из которых, исходящей надрывным кашлем, сразу опознал свою Анну. Упал на колени, обнял, заплакал: «Что с тобой, моя милая? Аннушка, я здесь, я твой Сима, я нашел тебя!» Анна узнала его по голосу: «Сима, поздно ты нашелся! Я уже умираю». И зашлась в непрерывном кашле. «Нет, моя дорогая, это у тебя не получится. Не для того я плыл за тобой тринадцать суток, грёб из последних сил, терпел и гнус, и ненастье, чтобы схоронить тебя в этих болотах! Не дам тебя смерти, поперёк ей встану, а тебя вытащу! Хватит ей и сыночка нашего».

Бегом выскочил из амбара, домчался до обласа, отыскал бутылку барсучьего жира и скорее обратно. Спасибо Макарушке за лекарство. Он как в воду глядел! Торопливо приподнял ослабевшее тело Анны, развязал тесемки на рубахе и поразился её худобе. Не мешкая, принялся натирать её вонючим снадобьем выше груди и на спине между лопатками. Затем старательно укутал Анну в меховую телогрейку, сгреб осоку под изголовье, уложил поудобнее и наказал: «Это ещё не все. Потерпи – я скоро».

Анна сквозь полубред и слабость поняла, что теперь она ни за что уже не умрёт, ей грезилось, что сам Господь прислал на изгнание её хвори своего серафима, который сохранит её под своим белым крылом. Из остатков сил приподнялась на жестком ложе: «Сима, я заждаюсь тебя!» – и закашлялась тяжело, до слез и обморока.

А Сима побежал на край скита, где на бугре заметил роскошные лопухи мать–и–мачехи. Быстро нарвал полный котелок свежих листьев, залил водой и вскипятил на костерке, который развел у амбара поблизости. Отвар перелил в кружку, остудил и разболтал в нем ложку барсучьего жира. «Пей до дна, – строго приказал он Аннушке. – Лекарство сладким не бывает. Бог даст, выздоровеешь. А я тебя буду отпаивать трижды в день». Затем уложил, укутал Анну и лег рядом, чтобы ночью согревать её своим телом.

Комендатура кандидаток в трудармию кормить не очень то старалась. Раз в день полагалась жидкая каша и все, хватит им. Быстрее на рыбоучастки разъедутся, а там и откормятся. При таком рационе здоровый недолго протянет, а уж больной – тем более. Поэтому Сима догадался: нашел

на Васюгане уловистое место и выставил сеть. Рыбы попадалось много, но в основном сорная: щука, окунь, сорога. Крупная, не очень жирная, но с голодухи сгодится. И соседкам достанется.

Время шло, чудесный барсучий жир иссяк, но и кашель почти совсем сократился. Стала Анна выходить на солнышко, ожила мужними заботами. Стала пробовать рыбу чистить. Сима за ней приглядывал строго, чтобы одевалась, не застужалась и продолжала пить отвар мать–и–мачехи: «От простуды это наилучший чай. Насушу листьев впрок, чтобы и зимой пить». И засушил целый ворох.

Однажды к ним подошел приезжий человек в хромовых сапогах и кожаной фуражке, оказавшийся вербовщиком: «Как совсем оздоровеете, приезжайте к нам в Нижневартовск, на новый рыбоучасток. Условия хорошие: оплата, кормежка, общежитие, спецодежда. Я к вам пригляделся и уверяю – у нас не пропадете. А здесь – осень скоро, об этом не думали?»

Думали, часто думали, куда дальше подаваться. Оказалось, кроме Нижневартовска, некуда. Никто их нигде не ждет. В Бочкарево путь отрезан – в отцовском доме теперь изба-читальня, а сам Сима в розыске. Пошептались супруги ночью и надумали испытать судьбу, чтобы поймать удачу. Хуже, чем сейчас, уже никогда не будет.

Поутру заявился Сима к коменданту спецбазы. Тот как раз оказался в настроении. Накануне его похвалили за выполнение плана поставки трудовых резервов на промыслы. По этому случаю он даже слегка «принял на грудь» и позволил себе расслабиться. А тут, как назло, местный рыбак явился и метрику кажет на Меринову Анну. Просит себе в жены. Посмотрел комендант в списки, а в них нет такой фамилии, давно исключена как усопшая естественной смертью. Одной больше – одной меньше. Плевать. Ему что – признать чудесное воскресение и исправлять отосланные списки, отзываться донесение? За такое головотяпство начальство не погладит. Нехорошо даже стало от такой перспективы. Стукнул комендант по столу так, что блюда зазвенели, рывкнул на всю конторку: «Я вам покажу женитьбу! Марш отсюда, чтобы я вас никогда не видел. Убирайтесь, куда хотите, и немедленно!»

Выжидать и медлить чета Седых не стала. Быстренько собрались и погрузились. В носовой части обласа Сима постелил помягче, уложил Анну, укрыл от ветра и погнал челнок навстречу солнцу. Впереди у них великая Обь, широкий простор, воля, любовь, счастье и долгая дружная жизнь. Аминь.

ПРОЗА

Сергей КОЗЛОВ

МЕЖДУ ТЕМ И ЭТИМ СВЕТОМ

*Александр Зайкову, герою
и автору этой истории*

*Вместо эпитафии
– Нам там весело было!.. – улыбается
и рассказывает человек, который
вернулся с Того света, а рассказывает
он о палате реанимации
и об онкологической больнице...*

1

– Третья операция, – подмигивает хирург, – Бог любит до трёх, – это он так подбадривает.

– Бог всех любит, – успевает ответить Александр, прежде чем анестезиолог приложит к его лицу «маску Морфея», – А в ней не морфий?.. – подумает вместо положенного и рекомендованного доктором отсчёта. А ведь у греческого бога Морфея ещё и папаша был – Гипнос... Гипнос...

И всё. Провал. Будто и не было ничего и никого, и никогда. Абсолютное небытие... Таких провалов было уже два. Две операции. Третья решающая, но что тебе до того, если ты об этом ничего не знаешь ввиду полного своего отсутствия. Тут не как на футбольной трибуне или у телевизора – за любимых игроков-хирургов не поболеешь. Получится у них пенальти по опухоли? Очнулся, как говорится, уже после матча – не то, чтобы заново родился, потому как есть главный вопрос – будешь ты дальше жить или нет? Был ли толк от всех твоих мучений, включая пребывание в онкологической клинике, которое само по себе то ещё испытание. Реабилитация, химия, когда тебя выворачивает наизнанку до самых пяток, и, собственно, та самая жизнь, за которую борешься, уже не мила, просто инстинкт самосохранения всё же сильнее, а потом говорят-радуют, нужна ещё операция: маска-темнота... и снова реабилитация, химия... И результат: Бог любит до трёх... От такой любви и на луну вить, и на стенки бросаться...

От такой любви...

И вдруг рвануло куда прямо в этой непролазной темноте. Потянуло, как пылинку сквозняком... И вроде тебя нет, но вдруг обозначилось твоё я – то самое сознание, тела нет, а сознание есть, и несёт его сквозь эту тёмную материю вселенной – как её ещё назвать-то?

Ёжик в темноте! Почему ёжик? Он же в тумане должен быть? Смешной такой... Ёжик на рисунке внучки Оленьки... Он несёт больному деду яблочко красное с зелёным листочком. Смешной такой... Прямо видно, как лапками топ-топ... Рисунок Оли – ёжик – последнее на что посмотрел на окне в палате, когда покатали в операционную. А ведь многие собратья по несчастью смотрели на ёжика и улыбались. Идёт, пыхтит, яблоко несёт. Целебное, наверное, и сам по себе ёжик целебный... За ёжиком через тёмную материю Вселенной! Ага, вот так правильнее будет, с заглавной буквы.

И потом понимаешь, что зрение у тебя (хотя и тьма непроглядная вокруг) не земные сто восемьдесят градусов, и даже не на триста шестьдесят, а какое-то объёмное... И – вперёд, и – назад, и – внизу, и – вверх. Наверное, поэтому человеку, покидающему наш трёхмерный мир, независимо от его образования, социального статуса, научного и литературного таланта, описать увиденное точно так же априори невозможно! И важно: нет там времени!!! Нет ощущения его течения. В жизни, бывает, засмотришься на что-то, впадёшь в созерцание, увлечёшься неким процессом или действием – и только тогда потеряешь ощущение времени, чтобы потом очнуться и понять: о, сколько его убежало... А здесь его просто нет. И чтобы сосредоточиться в этом многомерном безвременье, нужна какая-то точка притяжения... точка света.

«Я уже знаю, что мне потом скажут: это галлюцинации от наркоза. Чего ж тогда первые два раза мультики не показывали? А именно во время самой решающей операции, после которой хирург подозрительно отводил глаза в сторону: видать, не всё гладко прошло... Ну, да Бог ему в помощь всегда и на всякое время!

А я вдруг ощутил себя парящим в необъятном просторе. Как над морем... Морем Света... И ещё деталь, может, и маловажная, но интересная: парил я вертикально (как если бы имел тело), и море света стояло передо мною вертикально...»

Потом вспомнилась книга и фильм «Солярис». Станислав Лем и Андрей Тарковский. Там – планета – разумный океан – загадочный, но всё же враждебный...

А тут – будто возвращение домой, где тебя ждут и любят. «Любят» – ключевое слово. И эта любовь огромна и всеобъемлюща, она не уменьшает твоего собственного «я», она притягивает... Пожалуй, слово «счастье» именно в этом случае обретает своё истинное, а, может, исконное значение. Счастье возвращения домой...

И тут сквозь парящее над этим океаном твоё сознание пронзает мысль: а ты достоин такой Любви? И если океан нисколько не жжёт, не слепит при всей его яркости, то вот эта мысль – она, как калёное железо. Ты вдруг видишь всё оставленное там, весь этот клубок бессмысленной суеты, называемой нашей разумной жизнью, все свои отвратительные поступки и даже мысли, и слово «стыд» не имеет такой ёмкости, чтобы передать твоё состояние. И нет угла, в который бы тебя поставили папа и мама – подумать над своим поведением. И самое страшное – времени подумать уже тоже нет. Времени просто нет. Во всех маленьких и вселенских смыслах. На всех циферблатах.

В разных книгах о «туда-обратно» свидетели делятся полётом или движением через тёмный тоннель. Александр же осознал это как полёт из нашей кромешной тьмы, что называется, со дна колодца на свет. Наверное, именно так летят на свет ночью мотыльки... Хотя нет, их, сгорающих на раскалённых лампах, ничего хорошего не ждёт. Разве что принцип движения совпадает – на свет...

И в этом многомерном пространстве, видимо, есть какая-то своеобразная точка бифуркации, где решается – туда или сюда, или вообще – куда... И сжигающее изнутри (хотя нет у тебя, по сути, никакого нутра!) позднее раскаяние уже ничего не изменит... Ничего.

Но что-то по воле Всевышнего меняют руки хирургов и анестезиолога, которые перезапускают твоё остановившееся на операционном столе сердце. А где он этот операционный стол? Он вообще реален? Да вот он, под тобой, стоило только подумать. Сестра промокнула салфеткой вспотевший лоб хирурга, он облегчённо вздохнул. Где-то под маской

вздыхнул вернувшийся пациент... Зачем? Там было так хорошо... Только очень стыдно...

2

Не зря говорят, что дома и стены лечат. В областной российской онкологической больнице образца начала XXI века они, если не убивали, то добивали. Впрочем, как и всё окружающее пространство. Стены же словно впитывали в себя всю боль и страдания, последние вздохи умирающих, крики тех, кому ещё не вкололи обезболивающее, нервную мимику врачей – отчего даже белый кафель серел, темнел, и отвратительно-тошнотворного бежевого, синего или зеленого цвета краска трескалась в палатах и коридорах. И стёкла окон с обеих сторон были непроницаемо равнодушными, похожими со стороны улицы на порталы в преисподнюю, а со стороны палаты на бойницы, через которые стрелой или пулей хотелось умчаться в небо... Да хоть куда, только подальше отсюда.

Вероятно, боль – самое надёжное и самое верное чувство, ощущение человека, которое никогда не обманывает. Именно боль напоминает нашему сознанию, что мы живы. И вот – хочется увидеть доброго ёжика на рисунке внучки, а ты видишь ехидную рожу Алмаза. Это имя такое у медбрата-азиата в палате реанимации, хотя сам чёрт ему только и брат. Здесь он владыка. Этаким Батый... Есть медики, у которых с годами выработался здоровый защитный врачебный цинизм к человеческим страданиям, а также профессиональная ирония. Так им проще спасать людей и даже порой заставлять улыбаться обречённых. И есть Алмаз, который, наверное, специально устроился работать сюда, чтобы эти страдания наблюдать, а также, пользуясь властью над беспомощными пациентами, эти страдания усиливать или уменьшать. Как решит всевышний Алмаз, у которого хитрый глаз...

И вот он сверлит тебя этим своим хитрым глазом, а изнутри тебя вдоль всего тела по спине сверлит электрофорез, который запустили, чтобы запустился твой искромсанный кишечник. Алмаз подкручивает на панели прибора амперчики, видит, как у тебя глаза вылазят из орбит, и ему явно это нравится. Вспомнилось лабораторное тельце мёртвой лягушки, мышцы которой сокращаются от воздействия электрического тока. И даже вспомнилось хрестоматийное стихотворение Юрия Кузнецова «Атомная сказка»:

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

– Пригодится на правое дело! –
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.

Он пошёл в направленье полёта
По серебристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.

В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

Алмаз улыбался. Он зачем-то привязывал беспомощного Александра к кровати по рукам и ногам. Зачем?! «Ну вот ты и в мире людей, в мире себе подобных, Александр Николаевич», – подумал и провалился во тьму бессознательности... А куда ещё, кроме тьмы? Алмазы, в конце концов, возникают из углерода... Но в миг провала захотелось «домой» – к тому тёплому любящему Свету, где не было времени, а главное – боли...

И хотелось-желалось, чтобы Господь послал тебе ангела, чтобы он одним взмахом крыла сдул с твоей спины страшный ожог, снял эту боль, которая кажется вечной. И от этой страшной, буквально адской мысли о вечной боли ты просыпаешься и видишь, что ангел дремлет на стуле у твоей постели, а рядом с ним святитель Николай...

– Батюшка, что, отпевать пора? – спросил Александр.

Отец Николай – протоиерей из Знаменского собора встрепенулся, заулыбался:

– Скажешь тоже! Не для того мы с Олей через все заслоны сюда пробились.

Оля – это и есть ангел. Жена. В честь неё внучку и назвали. Как они действительно прорвались через все медицинские «не положено»? А отец Николай точно похож на святителя, имя которого носит... Правда, святитель не мог тихой сапой, по-шпионски оглядываясь в сторону Алмаза, записывать под подушку мобильный телефон и при этом шептать:

– Это... музыку слушать... и для экстренной связи. Тссс...

– А в небесную канцелярию позвонить можно? – пытается улыбнуться Александр.

– Нет, это только через меня.

Ох, знал бы отец Николай, что этим мобильным спасает жизнь. А может – и знал... Но сейчас он душу пришёл спасать:

– Ну, помолимся... И причащаться надо...

– Батюшка, я там Бога видел, – машинально прошептал Александр.

Отец Николай нахмурил лоб:

– Бога видеть нельзя.

– Я и не видел, но видел, – попытался объяснить Александр. – В общем, я точно знаю, что Он есть.

– И я точно знаю, – улыбнулся священник.

3

Близкие ушли, зато человек-алмаз вернулся...

И снова включил электрофорез на полную катушку. Алмаз накручивал амперы с тем самым видом главного героя «Атомной сказки». Или, может, человека, который запускает собачку в безвозвратный полёт в космос. И Александр бы точно улетел, если бы не отец Николай, которого больной теперь уже без сомнений считал провидцем. На все уговоры Алмаз отвечал «доктор сказал, значит – надо» и следил за приборами, как Курчатов за ядерной реакцией. «Ты меня живьём сжигаешь», – хрипел Саша, но Алмаз оставался твёрдым, как алмаз: «Я тебя лечу».

– Доктору скажи, что у меня спина горит, – умолял больной.

– Доктор не дурак, как он написал, так и делаю, а то кишки твои работать не будут.

– Так от меня только электрические кишки и останутся!

– А больше человеку ничего и надо, – ухмыльнулся медбрат. – Давай, получай кайф!

К ночи боль настолько усилилась, что заменила и те кратковременные провалы в беспамятство, которые заменяли Александру сон. Но и на старуху бывает проруха, в этот раз медбрат забыл пациента «стреножить» – привязать. Дотянуться до ручек регулировки фореза Александр Николаевич не мог, а вот даже на сжигаемой спине изловчиться и засунуть руку под подушку...

И достал оттуда мобильник. В раздражающей темноте реанимации, где горят панели приборов, дежурный светильник, и ядовито-красным мигают, будто дают обратный отсчет, электронные часы, Александр зажжёт ещё один огонёк – экран смартфона. Говорить он боялся. За пять бессонных суток он понял, что Алмаз слышит и чувствует лучше, чем чувствует боль и страдания пациентов. Поэтому, собрав остатки сил и зрения, он набрал сообщение жене: «Сегодня ночью точно умру, сил больше нет».

И всё.

И провалился в смесь боли и небытия, на адскую сковородку. Хотя нет, именно об этом подумал: ощутил рай, попробуй ад. Ага и это: зачем работающий на электричестве кишечник, если человек неделю ничего не ел? Или кишечник в нерв превращают? Доктору виднее... Откуда ему виднее?

И через какое-то безумно-долгое время боли (как казалось) в коридоре раздаются знакомые голоса и шум. Он слышит и голос дочери Даши, она сама врач, потому и прорвались прямо ночью. Ангелы возвращаются. Ольга и отец Николай снова снесли все заслоны и баррикады на своём пути, и Александр даже видит, как буквально шутнул куда-то в угол коридора наперстным крестом батюшка бурчащего что-то о «не положено» Алмаза, и Дашу, что где-то в коридоре отбивает атаку коллег и растерянных ЧОПовцев, потому и доктора с собой привели, как пленного, вытащили заспанного из ординаторской, и выслушал он победный ультиматум:

– Отключайте пыточную, отправьте меня в палату, помирать так там...

Ещё немного и отец Николай ему анафему объявит...

И доктор капитулировал. Отцепили провода, вытащили из-под спины пластины-электроды – катоды-аноды под лекцию Ольги о недоказанной эффективности электрофореза и противопоказаниях при новообразованиях и возражения доктора, что он тут обрабатывает методику реабилитации...

– Найдите себе подопытных кроликов! – отрезает она.

И Даша с профессиональным укором в глазах всплывает в реанимацию, оставив охранников в недоумении и с сочинением рапортов во все инстанции в головах, отчего капитуляция становится безоговорочной. Впрочем, других капитуляций русские люди и не принимают. И уже сам Алмаз деловито скручивает свои провода, даже заботливо проверяет ходовую часть каталки...

И наступает момент выкатывания из реанимации и вкатывания обратно в жизнь – обратно в палату, где уже стены не кажутся такими обшарпанными и страшными, и ёжик-пыхтун улыбается: «Яблоко будешь?» Как будто сама внучка Оленька проведать пришла. А где-то дома молится за отца младшая дочь Маша, и, наверное, только молитва способна проникать эти напитанные болью стены и унылые окна. И собратья по несчастью, сострададьцы – так надо сказать – смотрят на тебя, как на бойца, вернувшегося с передовой. И даже руки «полевого» медбрата Гоши, разрисованные татуировками по самые плечи, но сейчас помогающие тебя вернуть на почти родную кроватку, кажутся руками ангела...

А силы уже кончились... А боль нет. Она же вечная...

– Господи! Милостив буди мне грешному!!! – это откуда-то из самой глубинной глубины, это уже как душу наизнанку, а там лежит эта мольба, её и произносить не надо, она буквально горит на всю Вселенную, как горит обожжённая спина, и тогда милостивый Господь посылает ангела – такого же светлого, как тот море-окиян, который ты там видел, ангел склоняется над тобой, погружает в тебя свои руки-крылья и будто вынимает из тебя боль, всю до капельки... И дальше начинается обычный человеческий сон.

И снова ты просыпаешься, а рядом на стуле дремлет ангел по имени Оля. Ну правильно, ты же обещал умереть в эту ночь. И она не пускала к тебе смерть... Часовой Оля. Как архангел у райских врат.

– Оля, я ангела видел, – ему кажется, что он сказал, но он едва хрипло прошептал, но и этого было достаточно, чтобы как в казарме прозвучало «рота, подъём!», и Ольга буквально вскочила, как рядовой, заснувший на посту.

Глянула на него и облегчённо вздохнула:

– Ну, Бога видел, ангела видел, стало быть – жить и молиться ещё придётся. Я слышала, как ты ночью с ним разговаривал. Думала, бредил. Но будить не стала...

Вот так: и коня на скаку не надо, и в горящую избу... Русские женщины – они живут в прифронтовой полосе.

– Есть хочешь? – звучит как «жить будешь?».

– Буду, – соглашается Саша.

4

Не секрет, что как только человеку во время болезни становится чуть легче, его обуревают жажда деятельности, а в больнице – поскорее вернуться домой, хоть лучом света через щель просочиться. И когда супруги не было в палате, Александр Николаевич начинал метаться между окном и нарисованным ёжиком, потому как последний тоже был своеобразным окном-порталом. За нервными и ещё не совсем уверенными «перебежками» пациента следили с прикроватной тумбочки святые – Александр Невский и Александр Свирский, а также мученик Александр, живший во втором веке от Рождества Христова. Спаситель и Богородица смотрели в окно, словно указывали – дорога туда. Да уж, воля для русского человека выше свободы, особенно той, которую сегодня из каждого утюга транслируют, приправляя прилагательным «гражданская»... И если бы не трубка, торчавшая из не до конца зашитого шва, уже давно бы рванул на эту волю, в этот серый городской мороз, темнеющий снег, к горящим окнам домов, за которыми какая-то настоящая тёплая жизнь.

В двухместной палате Александр Николаевич оказался один. Хирург, что ежедневно приходил справиться о состоянии и осмотреть шов и трубку, интересовался:

– Не скучно одному?

– Со мной Бог, Богородица, три Александра и ёжик, – отшучивался пациент.

– На что жалуетесь, Александр Николаевич?

– Пакет с отходами жизнедеятельности постоянно отклеивается, – бухтел больной.

– Важно, что жизнедеятельность идёт, – парировал хирург. – А пакет надо приклеивать, другого назначения тут нет. Пусть Гоша, если что, помогает...

– Гоша... Сам справлюсь. Но зеркала только в туалете и на посту у Гоши. И сколько ещё? Приклеивать?

– Недельки две, – прозвучало как приговор, но тут уж ничего не поделаешь, хирурга ещё благодарить надо... И больницу надо благодарить, куда от охвативших его чувств жизнедеятельности и благодарности Александр Николаевич, не выходя из палаты, купил сантехнику и комплектующие к ней, ибо пребывающая там до сих пор по виду была похожа на всё те же порталы в ад. По меньшей мере, выглядела, как пережившая атомную бомбардировку. А вот приклеивать пакет с трубкой из палаты выходить всё же

приходилось. Сантехнику купил, а зеркала... Эх!!! Вот и шёл даже ночью хотя бы в коридор на пост к Гоше, который в любую свободную минуту спал, уложив бритую голову на разукрашенные тату руки.

– И дыхание станет ровней,

И страданья отступят куда-то,

Лишь нагнутся к постели твоей

Люди в белых халатах, – напевал ему порой Александр Николаевич, нагибаясь над посапывающей головой, пытаюсь и разбудить, и побудить, и пробудить всё разумное и вечное, что дремало в Гоше.

– Чё? – открывала глаза голова Гоши и оценивала ситуацию – есть необходимость отрывать её от столешницы или само пройдёт?..

И как-то ночью Александр пошёл к заветному зеркалу в туалете, да не дошёл... Странный шум-свист из соседней палаты заставил его туда заглянуть. На этаже почти все страдальцы друг друга знали. Друг другу помогали. Помощь-то нехитрая: ты ещё до операции ходишь и садишься сам – помоги тому, кто уже после операции этого делать не может или заново учится; оклемался после операции – помоги тому, кого из реанимации привезли; ну и, разумеется, добрым словом – если таковые у тебя есть. Встречались, конечно, экземпляры, которые смотрели на всех остальных так, как смотрят то ли патриции на плебеев, то ли, как люди наивные и наглые одновременно, которые полагали, что попали сюда случайно (они же чуть ли не завтра раз и навсегда отсюда выйдут и никогда сюда больше не вернуться!). И главное: всё, что происходит не с ними, их не касается.

В соседней палате метался на кровати обмотанный трубками, капельницами и бинтами Серёга, который помогал Саше делать первые шаги после операции. Теперь из реанимации привезли самого Серёгу... И вот – происходило с ним что-то невообразимо страшное: он пытался дышать, но явно не мог. Он бился на кровати, как рыба на льду, пузырился кровавыми слюнями, но главное – он явно задыхался...

У Серёги – курильщика со стажем из далёкого детства – был рак гортани и пищевода, потому вскрывали его по полной. Ну, и трубок ему со всех сторон потом и во все отверстия вставили для поддержания той самой жизнедеятельности. В палате с ним были ещё двое – и, как назло, один из тех, кто сам за себя, по фамилии Каменюк. Он и сидел на кровати, как каменный, будто ничего не происходит. А может и потому ещё, что только что закрыл окно, покурив, и подними он тревогу, его тут же «накроют» за нарушение больничного режима. В общем, Каменюк сидел каменный и даже пробухтел что-то типа: да ему щас наркоты уколют, и он дёргаться перестанет. Но Серёга переставал дёргаться совсем не поэтому. Серёга переставал дёргаться, потому что агония подходила к своему финальному этапу. Второй – старый татарин Равиль – крепко спал. Каменюк же нагло лёг и демонстративно повернулся лицом к стене со словами:

– Да всё нормально, очухается...

А Серёга умирал.

И, придерживая рукой отвалившийся пакет с продуктами жизнедеятельности, Александр кинулся на пост, где смотрел свои сладкие сны Гоша.

– Подъём! – прокричал он по-армейски. – Там пациенту совсем плохо. Серёга...

И Гоша, открывая глаза, даже назвал фамилию Серёги, правильно назвал.

– Щас я дежурного вызову, – и потянулся к трубке телефона на столе.

Александр неуклюже метнулся обратно в палату. Там уже проснулся Равиль и стоял, часто моргая своими узкими бусинками-глазами, глядя на Серёгу.

– Помирает, однако, – сделал он вывод специально для вернувшегося Саши. – Надо хоть что-то делать...

Это «хоть что-то делать» толкнуло Александра в коридор, он забежал в свою палату и сорвал с окна рисунок внучки. Вспомнил, что Серёге, его жене и его детям ёжик очень нравился. Они даже специально приходили к нему в палату на него посмотреть. Серёгин сын даже чихнул от восторга и неяркого зимнего света в окно, обрамляющего ёжика по типу нимба, чихнул так, что сопельку надул и кулачком по щекам размазал... Смешно... Ах, до этого ли?! С ёжиком в руках снова вернулся в палату, где Равиль пытался удержать бьющегося в конвульсиях, задыхающегося Сергея. И Александр не нашёл ничего лучшего, как махать над искажённым лицом страдальца рисунком внучки Оленьки.

– Господи, помоги! – и махал так, что, казалось, яблоко из лап ёжика сейчас выпадет.

Но ведь сработало! Серёга вдруг притих и даже вздохнул сквозь свои кроваво-жёлтые пузыри. Лишь бы не в последний раз.

– Врач-то где? – вспомнил Равиль, и Александр, доверив ему ёжика, снова бросился в коридор на пост...

Гоша спал.

– Ты врача позвал?! – прокричал ему в ухо Саша.

– Чё? – взметнулся Гоша. – Позвал...

– Умирает опять, – послышался голос Равиля из пятьсот двенадцатой палаты. Видимо, ёжик в его руках целебные свойства теряет.

Обратно в палату прибежали уже вдвоём. При этом Александр изловчился со всеми своими недозащитыми ранами и продуктами жизнедеятельности два раза пнуть заспанного медбрата под зад. А тот судорожно искал в карманах халата мобильный телефон, наконец, нашёл, нажал нужные кнопки и, задыхаясь то ли на ходу, то ли от экстренной ситуации, прокричал в трубку:

– Ираида Григорьевна, в пятьсот двенадцатой критический! Что? Везти в реанимацию?!

И тут до Александра дошло, что никуда Гоша не звонил, а так и уснул снова на посту. За это Гоша получил ещё один пинок:

– Вот так вы, гады, и Родину проспали! – отвесил ему грехи всей страны Александр.

– Я, между прочим, врачом скоро буду, – зачем-то сообщил Гоша, будто эта фраза его автоматически реабилитировала.

– Да не дай Бог!

В палате Серёгу снова ломало, а испуганный Равиль стоял над ним, прижимая к груди целебного ёжика.

– В реанимацию! – вспомнил Гоша, и они вместе с Александром покатили Серёгу в коридор. Предстоял ещё длинный путь и поездка на лифте...

Равиль остался в палате. Огромный свежий шов после резекции желудка не позволял ему ничего, кроме как держать в руках нарисованного ёжика. Камень же уже храпел... Пнуть его не было времени.

Врач встретила Гошу и Александра уже у входа в лифт.

– Ой-йо... – мгновенно оценила состояние Сергея и помогла им вкатить его в лифт.

А уже в лифте Серёга перестал биться и... дышать. Буквально начал синеть на глазах...

Александр вспомнил, как несколько дней назад в коридоре Серёга уговаривал свою жену развестись, чтобы ей не платить ипотеку одной с двумя маленькими детьми, когда он умрёт. Жена и старшая дочь плакали. А ма-

ленький сын крутил головой, разглядывая блуждающих по коридору страдальцев.

А в сумрачном лифте заплакал от беспомощности и Александр Николаевич.

– Ёжика забыл! – всхлипнул он.

– Какого ёжика? – не поняла Ираида Григорьевна.

– Божьего! – и вдруг вспомнил тёплый океан, к которому летал совсем недавно, но глядя на синеющего на глазах Серёгу, почему-то точно понимал, что тот сейчас не перед океаном. И закричал сквозь слёзы. – Господи, Иисусе Христе, милостив буди нам грешным! Ради детишек оставь Ты его здесь! Помоги же, Господи!..

И Серёга вдохнул... Бог ли, сам ли Серёга про детей услышал, но вдохнул. Дверь лифта открылась, а Ираида Григорьевна профессионально оживилась:

– Быстро! Сейчас всё запустим!

Из реанимации Александра Николаевича не очень вежливо развернули... Хорошо хоть Алмаза там повстречать не пришлось.

Он вернулся сначала в палату Серёги, где храпел Каменюк и до сих пор стоял с рисунком в руках Равиль над тем местом, где стояла его кровать.

– Однако, и меня так могли увезти... – резюмировал он ситуацию.

– Здесь каждого так могли... увезти... – согласился Александр, забрал рисунок и вернулся в свою палату.

5

Серёгу вернули в палату через два дня. Всё такого же «космонавта» – в проводах и трубках. Но уже в сознании, с ожившими глазами. Говорить он, правда, смог только ещё через несколько дней. Этакий шепот со свистом...

– Покурить сильно захотелось... Каменюк как раз смолит в окно. Ему же лень на балкон было идти. И холодно... Он предложил зобнуть. Я и зобнул. А там, меня в кашель, может, не просто табак. А дурь какая-то... – сделал предположение Серёга. – В общем, зобнул я на свою голову.

После этих слов Саша с ненавистью посмотрел на пустующую кровать выписанного Каменюка. Надо было-таки пнуть...

– И тут меня как подхватило, как швырнуло – в тёмно-зелёное какое-то... И земноводные какие-то, крокодильчики по углам забежали. Мыши летучие надо мной закружили, твари непонятные... И понимаю, что это наркота какая-то... И вдруг понял, что дышать больше не могу. И потом только темнота. И уже не болит ничего. Как бы сказать-то... Ну как полное отсутствие всего, но при этом ты понимаешь, что ты есть... И одиноко страшно. Очень страшно. Стоишь слепой в этой темноте и не знаешь куда шагнуть. Куда двинуться. Потом вроде как лучик света замаячил откуда-то... Не понять откуда, потому как ни низа, ни верха нет, ни право, ни лево, ни кругом там не работают. Вроде хотел к лучику шагнуть, а ног-то нет! Нет движения! И совсем одиноко и страшно... А потом уж свет увидел только в палате реанимации. Я потом Ираиде сказал, что затяжку покурить сделал. А она: «Вот ведь люди, – кричит. – При всём своём страхе смерти убивают себя с каким-то идиотским восторгом, старательно, а главное – глупо...» Права, так думаю...

– Выходит, ты вторую сторону увидел, – задумался над услышанным Александр.

– Какую сторону? – сначала не понял Сергей.

– Ад, – спокойно заключил Александр Николаевич. – У меня другая картинка была... Даже рассказать не могу... Слов таких нет.

– Картинка? Ёжик где? – это первым притопал ещё до мамы в палату сын Серёги, – Пойдём ёжика посмотреть? – сын знал, что там и угостят чем-нибудь.

– Пойдём, – поднялся навстречу с улыбкой Александр, потом повернулся к Сергею. – А ёжик, между прочим, и тебя спас... Равиль подтвердит.

Седой татарин на соседней кровати многозначительно закивал: ага, было.

– Тот самый, что у тебя на окне висит?

– Тот самый. Внучка рисовала...

– Я помню...

– Так пойдём к ёжику? – потянул за руку сын Сергея.

– Пойдём, – снова согласился Александр и кивнул вошедшей в палату встревоженной супруге Сергея Светлане.

– Не донимай дядю Сашу, он тоже болеет, – попросила сына она.

– Я уже скоро на выписку, – Александр посмотрел в её давно выплаканые глаза, и вдруг его осенило. – Пойдём-пойдём, надо ёжика к папе в палату переселить.

– Ух ты! – обрадовался мальчик. – А яблочко есть?

– У ёжиков всё есть!

– А у меня конфеты есть, – на пороге появился Гоша с виноватым лицом. Все улыбнулись.

6

Это не сказка... Это совершенно банальная история про жизнь и смерть. Про рай и ад. Про высший смысл бытия и его отсутствие... Про детский рисунок и взрослые слёзы. Про ёжика в тумане, о котором так славно написал Сергей Григорьевич Козлов. Ведь, в сущности, жизнь каждого человека – это сказка о том, как и сказка про ёжика, как он гулял ночью и заблудился в тумане. И вывести из тумана могут только любовь, дружба и сердечное добро... Наивно, но правда. Другой нет.

Так думал Александр Николаевич, робко выходя на больничное крыльцо.

Новый Год уже прошёл. Новая жизнь вроде началась. Декабрьскую зимнюю серость, когда кажется, что и природа совсем умерла, стали понемногу шекотать в середине января солнечные лучи. Электрофорез! – улыбнулся Александр Николаевич, и лучи в ответ пощекотали ему глаза и нос. Надо было привыкнуть к живому свету и морозному воздуху. Старый новый год или настоящий новый год? Да какая разница! В феврале, вон, китайский ещё праздновать будут. Год тигра, год дракона, год лошади... чего там у них ещё?.. Надо год доброго ёжика праздновать. Вот как внучке сказать, что оставил ёжика другого дядю лечить?

Так и сказал...

– Ничего, я тебе нового нарисую, – пообещала внучка прямо у крыльца больницы и потянула деда Сашу за руку к машине. – Поехали, мы там тебе праздничный стол приготовили.

Но Александр Николаевич вдруг остановился, оглянулся на окно палаты Серёги и Равиля, где угадывался прикреплённый по углам скотчем прямоугольный лист ватмана А3. И прямо в него бил прорвавшийся сквозь низкие облака солнечный луч. «С той стороны окна у ёжика нимб», – улыбнулся Александр Николаевич. С этой – свет... Тот свет. Этот свет.

Свет.

ПОЭЗИЯ

Тамара ЗУЕВА

Литературные переводы

Переводы с немецкого языка

Из Гёте

Лесной царь

Кто мчит на коне, как стрела, в тёмной мгле,
А ночь стелет бархат по стылой земле...
Ездок нежно держит младенца в руках,
Чтоб страх растворился и холод иссяк...

– Что стало с лицом, мой сынок дорогой?
– Смотри, не лесной ли там царь за тобой?
Корона, как ночь, и как снег, борода,
– То звёзды туман опустили сюда...

– О, милая детка, иди же ко мне,
Есть много забав в моей дивной стране,
Пестреют цветы там на жёлтом песке,
Где мать-королева царит вдалеке...

– Ты слышал, отец дорогой, как сейчас
Нам леса король что-то шепчет для нас...
– Спокоен, сынок, будь, не бойся, не плачь,
То ветер по веткам отправился вскачь...

– Чудесный младенец, идёшь ты со мной?
Прелестницы-дочки там ждут под луной,
Мои королевны заждались тебя,
Они будут петь, усыпляя, любя.

– Отец мой родимый, туда посмотри,
Там кто-то взывает меня для игры.
– Да нет же, сыночек, в ночной тишине
Кудрявые ивы шуршат в вышине.

– О, мальчик прекрасный, как мил образ твой,
Хоть ты и не хочешь, а всё ж будешь мой!
– Спаси, мой родимый, царь схватит меня –
Напрягся младенец, застыв, как струна...

Отец в даль стрелой что есть силы летит,
В руках его бедный сыночек молчит.
Во двор, исстрадавшись, отец прискакал,
А сын его мёртвый уже не дышал...

Из Гейне

Где?

Где, мятущийся бродяга,
Я смиренье обрету?
Иль под пальмой, как бедняга,
Или в Рейне сон найду?

Буду, может, на чужбине
В синих далях погребён,
Иль в песке мне быть отныне
Средь глубин и средь времён?

Будь, что будет, я уверен,
В шуме волн и в тишине
Упадёт звезда на берег
Поминальная ко мне...

Прекрасная рыбачка

Прекрасная рыбачка,
Оставь же свой челнок,
Приди и сядь поближе,
Дай свой мне локоток!

Головкою кудрявой
Ты к сердцу прикоснись,
На море синем смело
Волнам вверяешь жизнь,

А сердце моё – море,
Волнуется, бурлит,
На дне его, сверкая,
Клад жемчуга лежит.

Переводы с французского языка

Из Жоашена дю Белле

Когда я не люблю, ни слова мной о страсти,
А коль не знаю страсти, молчу о красоте,
Когда несчастлив я, о радости забуду,
Когда задеты чувства, о нежности молчу.

Когда я огорчён, о счастье и не вспомню,
А коль владею властью, о почестях молчу,
О дружбе промолчу, коль вижу безучастье,
О здравии молчу я, когда не отдохну.

Забуду короля, коль нет столицы рядом,
Про Францию забуду, когда за рубежом.
Не вспомню я про честь, которую не вижу,
А если денег нет, о золоте молчу...

Гордыня если рядом, доблести не вижу,
Священник коль со мною, о знаниях молчу...

Песня сеятеля пшеницы

Вам, гости дорогие,
Летящие, благие,
Глашатаи весны,
Поющим звонким маем,
Порхающим над краем,
Что свежести полны!

Цветущие узоры,
Малышки мои флёры,
Букет прекрасных роз,
Чудесных, бело-чистых,
И красных, и душистых,
В корзинке, в каплях рос

Принёс вам, шаловливым,
Крылатым и игривым.
Сегодня вешним днём
С ветрами что есть силы
Зерно мы разносили
Под солнечным огнём...

Из Микаэля Ангелиса (Канада)

Золотой листочек

Тишины напившись,
Золотой листок,
С ветром накружившись,
Умирал у ног...

Маленький кораблик

На волне мой кораблик средь скал,
Он убежище в бурю искал,
Только парус порвал ураган,
Стойким будь, верный мой старикан!!!

На спящем озере

Под слоём тишины
Уснуло тихо озеро,
Не слышно и волны
В зеркально – стыллой просини.

Сломанная ветка

Сломанная ветка, ветка навесу,
Как монисто, листья в памяти несусь,
Золота добавит осени гламур,
Листьями сухими кружит ton amour.

Ты всегда моя

Не отдам я тебя никому, никому...
Ты в радости мне и в горе – мне одному,
Ты моя навсегда, навсегда – лишь моя,
Слышу, ветер приносит слова: Я твоя...

*Подстрочные переводы с аварского языка
Хизри Дидойский, дагестанский поэт.*

Заире Качалайской

О, как изящна девушка моя,
Притягивает хрупкой вазой взоры.
Божественных мелодий не тая,
Звенит хрусталь, по золоту узоры...

Ты светишь мне дорогу, как фонарь
Из тонкого китайского фарфора,
Что славится и ныне, как и встарь.
Глянь на меня, божественная Флора!

Как будто свет вдохнул в тебя Аллах,
Ты – нежный шлейф индийского шифона,
Из стран арабских сладкий чамасдак
Несёшь и наслажденье, и истому.

Ты, как на троне вышитый ковёр,
Взываешь тайной чудной арабески,
Отправь письмо, затей в нём разговор,
Зажги лучом монеты и подвески.

Тебя заждался в Сагаде ашуг
С пандуром верным, по горам кочуя,
Ляг шалью тонкорунною, прошу
И облаком плыви ко мне, молю я...

Подобна лани, робкая моя,
Пошли посла с ответом тёмной ночью,
«Заира», – шепчут горные края,
И звёзды Бог выкладывает в строчки...

ПРОЗА

Михаил ЗАХАРОВ

Зыбка

Мой отчий дом сгорел уж много лет тому назад. Пепелище густо затянуло малинником, крапивой. На месте сгоревшей черемухи вымахал новый развесистый куст. Шагах в двадцати за кустом чудом уцелел амбар. Этот пятистенный амбар стоял на шести сваях. Две крайние из них подгорели, и он завалился на землю. Перья тесин на изломе выгнуло, часть обрушило прямо внутрь амбара, и издали он напоминал старую, немощную, сидящую лошадь. Две его двери выдавило из косяков, сорвало с петель.

Внутри амбара пахло плесенью, старой одеждой, мышами. В полумраке тускло мерцали две стеклянные четверти зеленого стекла. За ними стояла большая кадка из-под муки. В кадке, как в вазе, стояли метлы, пара стоговых вил, грабли, деревянная лопата. Дальше на полке монолитно чернел утюг, какие-то банки, крынки. На полу валялись хомут, упряжь, керосиновый фонарь без стекла, ящик с ржавыми гвоздями, тряпье всякое, объединенные мышами валенки.

Приятель мой, несчастное дитя урбанизации, выросший в городском дворе и знавший о деревенском житье-бытье столько же, сколько и я в свое время о городе, изумленно вертел в руках предмет...

– То ли коробка, то ли корытце какое?

Корытце было невелико, три четверти на четыре. Два его бортика были слажены на конус, два прямых. В углах было по дырке. В одной была продела лыковая веревочка толщиной в мизинец. На одном бортике сохранилась прибитая ржавыми гвоздиками обремканная, когда-то цветастая тряпочка. Это была зыбка, колыбель моего детства. В ней выросли три моих сестры, четыре брата и я.

Донце зыбки погрызли мыши. Два косячка были до блеска засалены детскими коленками. Но она была еще крепка, темнея кедровыми прожилками. Зыбка когда-то одним концом крепилась к очапу (это примерно двухсаженная березовая жердь), другим концом очап упирался в щель между потолком и матицей. К донцу зыбки крепилась веревочка с петлей для ноги няньки.

Конечно же я не помню себя в зыбке, как и все. А вот младшего брата помню! Помню, как он иногда, багровея личиком и пупком, суча ножонками, лихоматочно начинал реветь. Мама, осололевшая за прялкой, тютюшкая, торопливо педалируя ногой, начинала раскачивать зыбку. Очап, ритмично постукивая о матицу, жалобно скрипел, и скажу вам, скрип этот под заунывное мамино что-то вроде «...придет серенький волчок, схватит Гошу за бочок...» был даже приятен. Брат замолкал, причмокивая губами соску, а очап поскрипывал все тише и тише, уступая партию гудевшей на окне мухе.

Брат давно уже постарел. Чаще всего он теперь сидит на крылечке, угрюмо курит, причмокивая губами газетную соску, набитую махрой, и матерится вслед какому-нибудь прохожему. Из зыбки мы выползали прямо в большой мир собирать житейские шишки, предназначенные судьбой.

Мы вышли из полумрака амбара, щурясь на свет.

– Так ты что, прямо вот в этой зыбке и вырос?!

– Прямо вот в этой зыбке.

Он закурил:

– Это надо же, средневековье какое-то! – замолчал, надолго ушел в себя. Свежий майский ветер с речных разливов ласкал белопенные кисти воскресшей черемухи, а кругом было все вновь молодо и зелено.

– Ты её не хочешь взять?

– Нет! Слишком она тяжела. До краев переполнена прошлым.

Он провел по зыбке ладонью, прихлопнул слегка и бережно повесил на ветку черемухи, а ветер тут же принялся наполнять её белыми душистыми лепестками. А пусть будет так!

Я прошел долгую трудную дорогу и по пути собрал все шишки, предназначенные мне судьбой. И падал, и поднимался, и тонул, и умирал, но вот еще жив. На восьмом десятке лет обзавелся каким-то рахитичным брюшком, которое свидетельствует о моем неправильном образе жизни. А что до зыбки, она пережила всех, давно нет уже няньки, нет и квартирантов её, да переживет она и меня. Но это так себе, философское отступление. А ведь все начиналось с неё, с этой вот зыбки!

Ожидание

Уйдет бабье лето в цветастом голубом платке с паутиным кружевом, и явится кроткое, тихое, печальное предзимье. Озеро свинцово-серое мертво, уже без гагар и чаек. Еще зеленеют пучками камыши кое-где у берега, а дальше серебро осоки до дальних рыжих перелесков. А над всем этим высокое небо застиранной простынью с линиями разводами бледно-голубого.

Лошади понуро стоят в лугах, чего-то ждут, прислушиваясь и прядая ушами. А ветер легкими порывами играет, шевелится в их гривах. Рыбы из озерной пучины приплыли и уткнулись в берег. Стоят, едва шевеля плавниками, слушают шорох ветра в серебре осоки и как будто тоже в ожидании. Рябина, обнявшая кровавыми гроздьями черный штaketник, еще горька, но первый же заморозок присыплет ее, словно сахарной пудрой. И на губах она, обжигаяще холодная, оставит сладкое послевкусие знойного ушедшего лета.

В сумерках придет с севера холодный сырой ветер и будет скрипеть ставнем, постукивать калиткой, и все кажется, будто кто-то идет. Проснешься среди ночи, подойдешь к сумеречному окну и все вглядываешься, смотришь на темные силуэты деревьев, раскачивающихся под напорами немого ветра, и ждешь чего-то тоже. Ждешь...!

Где-то там, на полях...

На Еремина, на поля, на леса навалился ненастный октябрь. Над зерносушилкой по серому небу треплет черными ряжками галдящие грачиные стаи. С холодными струями дождя медленно плывут вниз по оконному стеклу рябиновые кровавые листья.

Анна Адамовна притулилась к теплому боку печки. Прядет, тянет ниточку, шуршит веретешком. Кот на перине раскинулся вальяжно, спит,

вывалив язык. На подоконнике хрипит, потрескивает старенький радиоприемник. Через пространство, через космические помехи голос диктора вещает: «Главы государств, заинтересованные в решении ближневосточной проблемы, встречаются на полях ассамблеи ООН».

Старушка хлопает себя по колену, поправляет на носу толстенные очки, вопрошает ко мне:

– Да это хоть что тако! Добрый хозяин собаку на улицу не выгонит, а оне на полях собираютца. Дак что уж, другова места совсем нет? У нас тут ране-то студентов на уборку сгоняли, дак и то, которых в клубе помещали, а которых в арочник. Коровник там ране-то был, дак перегородили, нары сделали, да стол поставили, там и жили. Не на улице жо! А тут люди соберутца, катары, может, долго и не виделись, поговорить, да, может, и выпить придетца. Дак не в поле жо. Не на ветру, да не под дождем!?

– Вот-вот, Анна Адамовна, там им самое место, в коровнике.

Из стайки, напротив окна, выступила павой толстая пегая корова. Подошла к окну, жует, смотрит бездумно на меня, на Анну Адамовну, на кота и жует, жует. На коньке амбара сутулятся рядком мокрые вороны, и по черным хвостам их, как по желобу, стекают крупные капли дождя и бухают в переполненную бочку.

Отчий дом

Иногда вижу во снах отчий дом. И брожу где-то там, закоулками памяти. Прислушиваюсь, приглядываюсь и трогаю, узнаю, вплоть до запаха, до осязания. Дом детства – прохладный в летние, знойные дни и теплый в зимнюю стужу. Не просто большой пятистенок, а огромный, с вышки тех лет. В одной половине проживала наша семья из шести ребятишек и двоих взрослых. В другой – через казенку (тонкая дверь) обитало семейство дяди Гриши, числом в дюжину. Казенка, расписанная неизвестным мастером букетами невиданных трав, пропускала все звуки. И то, что происходило в одной половине дома, было слышно и в другой. Но соседствовали дружно, и дверь запиралась на засов только, разве что, в редких случаях, во время каких-нибудь межсоседских конфликтов. Но всегда вскоре наступало перемирие, и дверь снова хлопала туда-сюда, наши к вашим, ваши к нашим.

В летнее время самым примечательным местом для нас был задний двор. А почему он назывался задним, не знаю. Выход во двор был из кухни, через дверь сразу попадаешь в крытую галерею. Сверху её был продуваемый чердак, прикрытый просто сводом крыши, а с боков – две бревенчатые стены, увешанные старой одеждой, конской сбруей, хомутами. Внизу, прикрытые досками, стояли кадки с солью, мукой, отрубями. Валялись протертые до дыр ватники дяди Гриши. Пахло сухим деревом, вяленой рыбой, ядрено дегтем. Галерея заканчивалась во дворе подиумом, чем-то похожим на концертные подмостки. Только вместо оркестровой ямы там было отхожее место с дощатой стенкой со стороны двора. Чтобы не свалиться во время интимного занятия в двухметровую бездну, спереди была прикреплена страховочная жердь, за которую и следовало держаться. Обычно, свидетелями такого занятия были корова да лошадь. С торца подиума во чрево двора спускалась лестница. С двух сторон двор замыкали высокие бревенчатые стены. С третьей стороны, вместо стен, были огромные двухстворчатые ворота, назывались они

«завозня», так как через них завозили сено. Противоположное от ворот пространство было разделено на утепленные мхом отсеки что-то вроде коммунальной квартиры. В одном проживали куры, в смежном – овечки, рядом с овечками соседствовали свиньи, за ними корова с телятком. Замыкали этот общежитский комплекс апартаменты старого мерина Карьки. На общем перекрытии этой коммуналки высился большой намет сена. Все это хозяйство венчала огромная четырехскатная крыша. И там, в перекрестьях стропил, облепленных ласточкиными гнездами, стоял неумолчный птичий щебет.

С внешней стороны от двора, на сеновале, был устроен большой марлевый полог, где вповалку под монотонный комариный гул, набегавшись, спали богатырским сном все мелкие обитатели дома. Короткими летними ночами бродят по горизонту, шарахаются немые зарницы – хлебозоры, на миг объявляя себя из всех щелей двора. С коростелиных росных лугов приторно пахнет свежескошенной травой и медом.

Ах, детство, вечное детство! Речка с парной водой и крепкие сны после дневной маяты, которые даже не способны нарушить оглушительные ночные грозы. И пробуждение с чувством великой радости в душе. По потолку мерцают, играют неясные сполохи от речных разливов. Отец в синей косоворотке сидит в переднем углу горницы, крутит самокрутку, задумчиво глядя в окно. На белой скатерти стола, в банке, топорщится веточка пасхальной вербы. И рядом ждут краюха ароматного горячего хлеба и кринка густого молока. И кругом этот свет, ослепительный свет осиянного детства!

Все когда-то кончается: и лето, и детство! Мало-помалу не стало и деревни. Одни ушли в небытие, другие разъехались. Давно опустела коммуналка заднего двора, время обрушило и стены, и кровлю. В бурьяне, под рябиной, выбеленный дождями, светится череп несчастного Карьки. Спят вечным сном на погосте и его хозяева. Опустевший дом долго и мучительно умирал. И некому было его оплакивать. Однажды весенним ветреным днем брошенная кем-то спичка поставила точку в его судьбе. Сгорел, говорят, в одночасье! Пожарище густо затянуло бурьяном, словно и не было здесь никакого жилья. Вечный ветер качает головки репья, копошатся воробьи. Жизнь продолжается, такая долгая и такая короткая жизнь!

Кредит

Анна, потирая поясницу, присела у ворот на лавочку. Напротив скрипнула калитка, вышла соседка с ведром.

– Ты, Галя, по воду, поди, собралась, дак, посмотри, корову мою не видно ли там? Днем-то вас не слышно было, в город, поди, ездили?

– Да тока вот и приехали.

– Дак иди-ко, присядь, расскажи, как хоть съездили. По делам, али так, по магазинам?

Соседка, брякая ведром, одернув на грузном животе платье, плюхнулась рядом.

– Дак, машину стиральну хотели в кредит взять.

– Дак че, взяли?

– Ага, взяли, разбежались! В городе-то Марью с собой взяли, пойдём, говорю, поможешь кредит оформить. Ну че, пришли в банк, девица там

давай меня выспрашивать че да как. Объяснила, кредит, мол, пришли брать. Спрашивают, че пенсия-то у тебя больша ли? Ой, Господи, говорю, да кака там пенсия, название одно. От пенсии до пенсии на займах живем. А та опять, дак дети-то есть каки, помогают, поди? Господи, помилуйте, какие там дети-помощники? Дочь в ипотеку залезла, троих робят поды-мать надо. Зять работы лишился, запил. Хоть вой или побирайся иди. А Марья-то меня в бок толкат. А та опять спрашивает: «Может, приработок какой у вас есть?» Да какой там приработок? Уборщицей в администрации прирабатывала, дак уволили. Глава свою родственницу пристроил. А больше работы в деревне никакой. Вот так вот с воды да на квас пере-бываемся. А у мужика-то нынче грыжа пояснична открылась. Дак лежмя лежит, одно слово – овощ. Вся пенсия на лекарства уходит. А Марья-то опять толкат. Че толкат, в голову-то никак не возьму. А та говорит: «Ладно присядьте, ожидайте». И ушла куда-то. А Марья-то на меня глаза и вы-пучила.

– Ты че, – говорит. – Хоть языком-то своим мелешь? Ты почто нищей-то прикидываешься? Ты мужика-то ведь чуть не похоронила, а он у тебя главный кормилец в семье. В сезон столько зарабатывает, что год безбедно можно жить, да и хозяйство у вас крепкое. Тебя ведь без слез и слушать-то нельзя. Тебе хоть какой дурак кредит-то даст?

Девица та вернулась: вам отказано, говорит. Как отказано, почто?

– А вы неплатежеспособны, – вот тебе на, как вышло-то, разжалоби-ла! Ага, наплакала на свою шею. Дак, может, после как-нибудь зайти?

– Может и зайдешь, дак морду-то твою она запомнила, не всякий так врать-то может.

Небо к сумеркам понемногу затянуло серым, едва начал накапывать дождик, появился мелкий липкий комар.

– Ну ладно, управляться пойду. Картошку нынче копала, спину над-жабила.

– Ну ладно, давай! Мы тоже завтра на картошку навалимся. Пока ве-дро, дак успевать надо.

– Корову-то мою там посмотри-ко!

Той осенью

Та осень была урожайной на рыжики. Началась она с холодных за-тяжных дождей, и не было никаких грибов. Но вот к середине октября распогодило, и пришло, запоздалое на целый месяц, бабье лето. И пова-лили рыжики – крепкие, ядреные, розовощекие!

Помню, я уж дивно набрал в тот день. И уж ладони мои стали розовы-ми от рыжикового сока, а я все жадничал, радовался очередному грибу, наполняя корзинку. Я шел к дому обнаженными осинниками, а опавшая листва излучала ровный розовый свет среди темного частокола стволов. Листья были так хороши, что я по пути все поднимал и поднимал с зем-ли, как казалось мне, самые яркие мазки той осени и складывал их по-верх рыжиков. Иногда я останавливался, отдыхал и все рассматривал с восхищением листья, но тут же видел под ногами еще ярче, еще совер-шеннее. Выбрасывал один и поднимал другой. Так и добрался до дома, отбивая поклоны осени.

Дома листья, еще чуть влажные, я разложил по книгам, а потом за-нялся домашними делами. Сперва принялся изучать рецепты засолки

грибов, потом сама засолка, потом пришел печник из соседнего Андрюшина лечить печку. Он, как врач-терапевт, обстукивал молоточком толстые, неряшливые от копоти бока печки, искал колодцы. Потом вытаскивал кирпичи и рылся там совком, вынимая опметки сажи, с укоризной выговаривая:

– Эка че творится! Хоть бы раз в лето почистил! – заткнул кирпичи на место, подбросил в печку поленья, поджег берестяную обертку. Береста корежилась, трещала, дымила, потом вспыхнула, и дрова занялись. А он ободряюще похлопывал печные бока и, уставившись в потолок, слушал.

– Гудит?! – спросил то ли паука в чугунной от сажи паутине над печкой, то ли меня.

– Гудит! – подтвердил я.

Потом в ограде на березовых чурках мы обмывали печку. Печник иногда переставал хрустеть огурцом, прислушивался, воздев перст в небо, смотрел на ровный дым из трубы.

– Гудит!

– Гудит! – соглашался я.

И говорили, покуривая, о грядущих морозах, о грибах, о покосах, о приметах к погоде.

– Вот, замечай, если осиновый лист лежит лицом-то кверху, да красной, к холодам это!

Я как-то начал проверять примету на практике, но скоро плюнул на это занятие – лист лежал как попало. Сейчас я уже не припомню, была ли та зима холодная, а может, печка хорошо гудела, потому и не помню. Не знаю!

Забылась та осень, забыл и о листьях. Как-то однажды зимой, под метель за окном, захотелось лета. Я достал с полки «Лесную газету» Бианки, открыл, и со страниц скользнули на стол с легким шорохом сухие листья той осени. И воспоминания закружили надо мной, запорхали осенней листвой. До мельчайших подробностей вспомнил я тот день... Густо пахло медовым с полей, и паутина полетела прядями, липко касаясь ресниц и щек.

К вечеру, по-летнему сухое тепло сменили холодные серые сумерки, тихо и медленно накрыли лес, поля, деревушку. Жесткий порыв ветра рванул с лесов последнюю листву, бестолково закружил в небе, заматая ими колеи проселочных дорог, укладывая на крыши, на крыльцо, на плечи. А ночь была ненастной и тоскливой. Утром карминовые гроздья калины были увенчаны замерзшими хрустальными каплями. Это был первый заморозок той осени.

Я окунул лист в ковш с ледяной водой, и положил на чистый рушник. Лист стал оживать, он наполнялся по краям чистым, глубоким, малиновым. По прожилкам побежало фиолетово, вокруг дырки, посередке, полыхнуло оранжевым пламенем с лимонными вкрапинами. Черешок его медленно зашевелился и поднялся кверху. Он ожил! Я разглядывал его при свете свечи до мельчайших подробностей. Кто я! И что мои потуги художника, и что мои краски перед этим божественным творением!

Лист еще лежал какое-то время, потом медленно неумолимо стал подсыхать. Он умирал! Черешок опустился, середка его выгнулась, словно в агонии, край его натужно, с легким шорохом, стал сворачиваться. Потом он быстро, почти стремительно, согнулся в трубочку и едва слышно рассыпался.

Лист рассыпался, а воспоминания-тени еще долго толкались в сумеречных углах моей комнаты. И было почему-то грустно...

Ковер

Марья с утра протопила печь, управилась по хозяйству. Собралась было уж прилечь, да вспомнила – наволочки пошить бы надо. Уж разложила было на столе отрез ситца, пахнущего магазином, как вдруг в двери робко постучали. В дверной проем просунулась старушка.

– Дома есть ли кто?!

– Дома, дома, проходи, Марфа!

Старушка в обрезанных валенках, в длинной обремканной овчине, семена боком-боком, притулилась на скамье у печки.

– Слышала, вчерась в город ездила?

– Да, ездила. Продукты каки-то кончились, дак подкупала. Кофту вот на мне-то, не устояла, взяла. Не марка, тепла. Дак это все по мелочи. А вот беда-то – пять тыщ потеряла!

– Да ты чо хоть говоришь! Это пол пенсии! Да это как же так?!

– А огурцы свежи присмотрела, свои-то когда еще будут, думаю, возьму. Да и народу-то за имя немного было, всего-то человека три. Видать, там и выронила, когда из кармана деньги-то доставала. Я припоминаю, мужичок за мной стоял. Навалился на меня, места ему мало! Я ево отталкиваю, а он с места не двигается. Уперся и стоит, как пень. Я думаю, на бумажку-то он наступил ногой, а поднять-то не знат как. Вот и топчется на одном месте. На его тока думаю, больше не на ково. А еще эта женщина, у которой кофту-то брала: «Смотри, – говорит. – Бабушка, у кофты-то три кармана – в один-то носовой платок положишь, а в други-то деньги». Я взяла, дура, да и надень эту кофту сразу на себя. Вот она и накаркала, карманы-то на месте, а денег нет! А я сразу-то там, на месте, не спохватилась, а домой-то приехала, стала шшить, смотрю пять тыщ не хватат. Мелки-то деньги на месте, а одна бумажка, котора пять тыщ была, её-то и нету. На мужика того все думаю, он, шельмец, больше некому! Дак расстроилась, давление ночью поднялось, кое-как сбила.

– Дак как не расстроилась, пять тыщ – это же пол пенсии! Живешь, каждую копейку считаешь, а оно где тонко, там и рвется!

– Дак так оно, так!

– А я смотрю, у тебя клеенка-то вроде нова?

– Но, оттуда же. Да ещё вон умывальник с полочкой, да мыло хозяйственно пять кусков.

– Мне тоже бы клеёнку-то к Пасхе сменить бы надо да мыло-то хоть куска два.

– Дак, дам я тебе два-то куска. Да вот беда, деньги-то жалко!

– Я ране-то помню, в город-то ездила, дак деньги-то все в трусы да в лифчик прятала.

– Да ты хоть чо, каки трусы! Я чо принародно в трусы полезу, чтоб за огурец рашшитаться! Полоротая, дак она и есть полоротая. Хоть куда прячь, вместе с трусами потеряшь.

– Дак так оно, так! А там чо, в спальне на полу-то, ковер вроде бы новой? Я к тебе вчерась забегала – не видела.

– Ковер!!!

Марья, широко открыв рот и по-рыбьи беззвучно шевеля губами, округлив глаза, невидяще уставилась на ковер. Слышно было, как с умывальника капает вода.

– Так вот же оне! – хрипло выдавила.

– Ты кого там увидела?!

– Дак деньги-то пять тыщ, вот оне! Целый день с этим ковром таскалась по рынку, в автобусе с им маялась, с утра по нему топчусь. А из головы-то вот напрочь вылетело, не помню ево и все тут! Это хоть чо тако с головой-то творится?! Но слава тебе, Господи, нашлась потеря! Дак если бы не ты, я бы и не вспомнила, как сто лет тут лежал. Постой-ко у меня где-то там наливка есть. Дак ведь на человека-то напраслину наговорила.

Пьяно разбираясь с запорами собственной калитки, бабка Марфа вспомнила об обещанных Марьей двух кусках мыла.

– Забыла, забыла ведь! Это чо хоть тако с головой-то творится?!

На завалинке

На завалинке посидеть да на мир посмотреть. Да какой там мир! Крохотный деревенский мирок – в одном конце корова замычит, а в другом слышно. Но тоже мир со своими заботами и событиями. У кого-то кто-то родился, а у кого-то, не дай бог, умер. У кого-то корова отелилась, а в магазин клеенку завезли.

На завалинке рождались и обрастали небылицами всякие сплетни. На завалинке, бывало, ссорились да там же и мирились. То стрекотали по-сорочьи, то молча сидели, перекидываясь междометиями, уткнувшись в посошок, да думая каждый думку свою. На завалинках сочиняли и дополняли доморощенные рецепты. Ну, как, к примеру, спину лечить, или вот, если, бывало, угоришь, дак в уши-то по мерзлой клюквине заткни. Ягода то весь угар заберет.

– Дак пошто, поди, мерзлу-то? Уши-то и простудишь!

– Дак не ледяну жо, холодно такую! Вот у Марьи-то, покойницы, баня-то шибко угарна была. Так вот и спасалась. А сын-то её в город уехал. Говорят, хорошу машину купил, дорогУ да большу такую. Дак, жена-то заведующей работат, получают, поди, хорошо.

– А ты вчерась в магазин-то ходила, дак не слышала, обои-то завезли или нет? Мне бы рулона два надо.

– Ой, не слышала, врать не буду. А я масла подсолнечного бочкового три литра взяла. С груздями-то шибко хорошо!

– А я нынче без грибов осталась, со спиной-то все маялась.

Вот так с пятое на десятое тянется ручейком беседа до самых сумерек.

– Ну ладно, пойду. Ой, да чо хоть тако, ноги-то совсем отказывают!

– А это корова-то у кого хоть так ревет?

– Дак у Ереминых под горой. Оне в Тавду ездили, дак не доена, поди. Но, лешак, ноги-то совсем не ходят!

Скрипнет калитка, за окном вспыхнет и погаснет свет. Над коростелиными лугами, укрытых пологом белых туманов, выкатится полная, красная луна. Кончится лето, опустеет завалинка. Холодный ветер-листобой наметет к воротам желтые суметы, а палевые листочки калины всю ночь будут падать на лавочку, кататься, легким шепотом рассказывая о прошлых летних посиделках.

Притча

В ночь на Вербное воскресенье преставился раб божий Иван, уроженец деревни Федькино. Жил, как все, и умер, как все. И вот предстал он

перед лестницей в небо. Народу всякого много – и млад, и стар. Которые помоложе, прытко лезут, толкаются. А старики, дак те кое-как ползут. Лезут, лезут да отдохнут, которые падают, да снова лезут.

Залез, наконец, и Иван. Запыхался, кое-как отдышался. Пожилой ангел с потрепанными крыльями провел в зал ожидания. Зал большой, светлый. Потолки высокие-высокие, а под ними херувимы мельтешат, толкаются. В зале стулья рядами, как в театре. Народищу тьма-тьмущая. Тот же ангел взял в автомате талончик на очередь номер тысячу какой-то. Иван робко примостился с краешку, рядом с какой-то старушкой. Осмотрелся. Справа была высоченная дубовая дверь, как в областной администрации. Слева тоже была дверь, железная, ржавая, как в каком-нибудь старом гараже. Там постоянно толпился народ. Когда дверь приоткрывалась, были видны языки пламени, и пыhalo нестерпимо жаром. На какой-то миг у двери завязалась потасовка. Привратники не могли запихнуть в дверь какого-то депутата. Нажав тревожную кнопку, вызвали спецназ. Здоровенные парни в жилетах с надписью «Демогвардия» быстро навели порядок, и очередь пошла как по маслу безропотно.

– А там чо? – шепотом спросил Иван старушку.

– Да, преисподня, видать, – старушка боязливо перекрестилась. Разговорились, оказалось, землячка из соседней деревни Редькина.

– Вот седьмой день уж сижу, – пожаловалась старушка. – Все никак на прием попасть не могу, а положено-то как бы на третий. Дак объявили, что к девятому-то дню всех примут.

– А ты когда умерла-то?

– Да в вот я тебе и говорю, седьмой день уж маюсь. Дак многие поди без очереди лезут.

– Да не должно быть такого, организация-то, вроде, серьезная. Там ведь Петр с Павлом пропускают.

– А я вот все-таки заслуженной дояркой была, ветераном труда, почетные грамоты от администрации района имеются. Льготы были. Могли бы принять и без очереди.

– Ага, без очереди! Ты знаешь скока здесь ветеранов да героев, а вон депутатов-то скока! Все рожи знакомые, а тоже сидят, ждут.

Пришел с ведром и шваброй ангел в синем халате, видимо, уборщик.

– Ноги-то подымите! – поелозил шваброй, собирая подсолнечную шелуху. – Что за люди, также свинячат, как у себя дома. В святом месте ведь находитесь!

– Да это не я! – заоправдывался Иван. – Я тока что подошел. Да и зубов-то у меня нет!

Старушка воровато спрятала семечки в карман.

– А ты-то когда представился?

– Да в вот, нонче, как раз на Вербно воскресенье.

– Болел, поди?

– Да как не болел! Таблетки горстями пил. Накануне утром-то волонтеры целу коробку принесли. Ешь, говорят, Иван Пафнутич, дак, может, поживешь ишшо! Горсть съел, а ночью-то и копыта откинул.

– А я тоже мукой да крупой запаслась, брагу поставила. Собиралась ишшо пожить. А оно вон как вышло-то!

Много ли, мало ли времени прошло за беседой, как объявили бабкин номер.

Старушка, суетливо завязывая узелок с ладаном, засемила к приемной.

– Но прощевай, если чо, дак ещё увидимся! Ведь како решение комиссия примет!

– Дак, так оно!

Номер Ивана объявили вскоре. Пахнувший ладаном Петр подтолкнул в услужливо открытую Павлом дверь. В углу большой комнаты, обитой золоченым сайдингом, перед компьютером в сияющих одеждах сидел Бог. Два ангела трепыхались у гардины, вешали постиранные тюлевые занавески. Вербное воскресенье ведь, святой праздник!

– А-а-а, проходи, проходи! Присаживайся, – протирая толстенные стекла очков, молвил Бог.

Иван истово трижды перекрестился.

– Так-так, кто это будет тут у нас? – заглядывая в компьютер, рассеянно вопрошал к себе Бог. – Ага, Иван, сын Пафнутия, уроженец деревни Федыкино. Партейный. Верующий?

– Верующий, верующий, батюшка!

– А как же партия? Ну, да ладно, хрен с ней, с партией. Теперь все верующие! Вот тут у тебя в анкете все вроде бы в пределах нормы. Жил, как все, грешил, как все. Местами вроде бы как подворовывал по мелочи. Да где у вас там, в Федыкино-то, в особо крупных размерах воровать? Ну, а эту мелочь простить можно!

– Прости уж, Господи, прости!!!

– Ты вот тут в магазине водку брал в долг, под запись, да так и не отдал!

– Дак не успел Батюшка! Ты призвал!

– Но ладно, так и запишем, что форсмажорные обстоятельства!

Бог ткнул пальцем в клавишу компьютера и заказал два кофе с кофьяком и чего-нибудь скоромного. Дверь приоткрылась, и в офис неслышно впорхнул ангел, видимо, секретарь, с двумя чашками и соленым огурцом на золотом подносе. С поклоном поставил на стол и выпорхнул обратно в дверь.

– Но давай, чёкнемся!

– Христос воскресе! – гаркнул Иван.

– Воистину воскресе! – согласился Бог. – Ну, ладно, направление в Рай я тебе выпишу. Павел тебя проводит.

– Батюшка! А можно ли просьбу одну?

– Ну, говори!

– А нельзя ли мне хоть на минутку в Преисподнюю заглянуть? Своими глазами хочу посмотреть, а то всяко говорят, не знашь кого и слушать!

– В Преисподнюю, говоришь? Нет, брат, нельзя! Не по грехам твоим! У нас ведь здесь тоже проверяющие имеются. Найдут какие нарушения, наложат санкции всякие, штрафы. А мне оно надо?!

– Дак, грехи-то дело наживное. Ты отпусти меня, Батюшко, на землю денька на два, на три, я и нагрешу на норму.

– Но, коль так, будь по-твоему!

Обратно спускался Иван еще хуже, народ встречный прет, как на праздник.

К гробу, обитому куском красного ситца, с телом покойного одиноко прислонился скромный венок. Бумажные цветки обвивала черная лента с надписью: «Спи спокойно, дорогой товарищ». Поп, задумчиво глядя в окно, размахивая кадиллом, монотонно гундосил себе под нос отходную

в стиле рэп. У дверей, рядом с умывальником, примостился участковый. Ощупывая огромный синяк под глазом, философствовал:

– Да, ведь мужик-то такой тихой был да приветливой! А ведь как из комы-то вышел на третий день, дак как бы совсем с ума сошел, как с цепи сорвался! Чо ведь только не натворил за эти три дня! Нагрешил больше, чем за всю жизнь!

– А бес вот попутал, – тяжело вздохнул поп.

– Знамо, бес! Если не бес, дак на меня-то пошто набросился? Ведь все знали, мухи не обидит. А тут на тебе!

– А ты не муха, муха лучше тебя!

– Ты это в каком смысле-то?!

– А в переносном, в переносном.

– Я ведь тут в прокуратуру было письмо сочинил с просьбой об уголовной ответственности за избиение должностного лица при исполнении обязанностей, а вот отправить-то и не успел. Скончался вот он.

– Но и хорошо, что не отправил, грех на душу не взял!

– Нет, батюшко, пока синяк под глазом, грех на нем!

Старушка в черном пригласила к столу. После рюмки, другой, да третьей, поп, размахивая широким рукавом рясы, учил участкового послушанию и смирению. Участковый, настулив локтем в рыbnик, внушал попу догмы о непоколебимости власти. Старушка в черном, с веничком и совком, тихо уговаривала:

– Ты бы, товарищ милиционер, кости-то от рыbnика на пол-то не разбрасывал, не в свинарнике ведь!

К вечеру кое-как выпроводила поминальщиков.

И вот настал день! Предстал пред Богом Иван.

– Да, помню, помню! Проходи, проходи, – ласково позвал Бог.

– Да я вот тут со списком грехов!

– Да знаю, знаю!!! Вот тут у меня в компьютере все значится... Витрину в магазине разбил. Так, дальше... Депутата от общей Россеи, уважаемого человека в Федькино, гонял по деревне, грозился убить. Милиционера избил!

– Не милиционера, а полицейского!

– Да какая разница, при исполнении он! Скажи ты мне, пустая твоя голова, ты бабку-то Аксинью за что избил, а потом изнасиловал?

– Да, чтоб вину свою усугубить, Батюшка!

– Да будет ведомо тебе! Старуха эта день и ночь грехи твои передо мной замаливала. Вот так-то, брат, отмоленный ты! Нет тебе места в Преисподней! Петр Иваныч, проводите его, поставьте на довольствие.

На сороковой день поп прочел молитву за упокой:

– Господи, спаси и сохрани! Прими раба твоего грешного, Ивана!

В местном кафе с участковым тепло помянули Ивана. Очень тепло! На следующий день занялись своими мирскими делами. Поп сменил рясу на фуфайку и пошел сажать картошку. Участковый отправился выписывать штраф добропорядочному гражданину деревни Федькино за курение на остановке.

Господи, по делам Вашим и воздастся Вам!

Поговорили

Заглянул на почту, надо бы оплатить счета за коммуналку. За стойкой женщина крупная, рыжая, в толстенных очках вяжет носок. Смотрит сонно.

– Компьютер завис, ждите.

Печка-голландка в углу полыхает жаром тепло и сонно. Три бабы на скамейке рядком кудахчут, ведут беседу.

– А я вчерась по корову с выпасов пошла. Мимо-то магазина иду, смотрю, Танька Василисина бежит. Иди, говорит, скорей в магазин, там яблоки дешево дают. Я заскочила, а продавщица-то говорит: «Так разобрали уж. Вот, возьми остаток, тут килограмм-то будет, однако». Ну чо, взяла, на компот думаю. Выхожу, а Марья Федора-то тоже корову гонит. Яблоки-то увидала, да запричитала: «Ну, не знат, опоздала вот!» Ты, говорит, дай-ко мне хоть пару яблочков, Федору в больницу отнесу! А че с Федором-то? Дак, ногу вчера отняли. Да как отняли? Я его вчера видела. «Дак чо, долго-ли врачам-то отпластать». Домой-то прихожу, мужику-то рассказываю: Машку видела, дак, говорит, Федору-то как бы ногу отняли. А он мне: «Ты ково хоть мелешь? Оне вчера с Колькой у кузницы брагу пили». А седни утром-то опять корову на выпас гоню, а они с Колькой-то у магазина. А Федор-от, он чо, как козел прыгат. Здоровехонек, на двоих ногах!

– Дак она пошто хоть мужика-то оговариват?

– А лешак их знат, совести-то нет дак.

Помолчали, рыжая громко всхрапнула, почесала круглую коленку.

– А я слышала, как будто бы пенсию добавят с первого числа.

– Ага, добавят! – встрепенулась рыжая. – Догонят да еще добавят!

– Дак, так оно, так!

– А Марью-то тоже, как бы, в больницу кладут.

– А с ей-то чо?

– Дак суставы вроде?

– Каки суставы?! В огороде, как молода, пластаца! Всю зиму сидит в поликлинике, а как огород поспел, так все болезни прошли.

– Дак, так оно, так!

Пришла уборщица, загремела ведром за печкой, подбросила дров.

– Да ты куда ишшо подбрасывашь, и так хоть парься! – рыжая тяжело вздохнула.

– Это тебя тут разморило. А на улице-то, вон – снег пролетат. Дрова вчера привезли, вывалили, а я складывай за мою-то зарплату! Никому не надо, скоко ни говори.

Хлопнула дверью и ушла.

– А у меня третьего дня как поясницу прихватило, так и не отпускает. То ли к погоде, то ли чо?

– Дак, кака погода, годы-то уж каки?!

– Дак, так оно, так!

– А у меня тоже ноги, руки, все болит! Тут дрова привезли чурками, просить надо ково-то колоть. Дак Федор-от мне и исколол. Дала ему на бутылку. А Машка-то прибежала, да и ревет: «Ты пошто мне мужика-то спаивашь?!»

– А я и не спаиваю, деньгами рашшиталась!

– Дак деньги-то могла бы и мне отдать.

– Как это тебе?! Ты ичولي колола?!

– Но она баба-то, зряшна, не зря все с синяками ходит.

– Дак, так оно, так!
 – Дак ты чо самогонкой-то не рашшиталась?
 – А откуда она у меня?!
 – Ой, да не надо! Нет у её самогонки!
 – А я чо, привлекалась?!
 – А кто тебя привлечет! Участковый? Дак он у тебя день и ночь отиратца! На чужой роток не накинешь платок.
 – А ты чтобы обсуждать, на себя посмотри! Молоко-то, лонись, сдавали, дак кто водой-то разводил, не ты ли?!
 – А ты меня чо, за руку держала?
 – Дак Нинка-то на санпидстанции работает. Не даст соврать!
 – Ой, уж ково нашла слушать! Ой, уж ково! Гуляшша, печать негде ставить!
 – Ой, да ты у нас така безгрешна! Депутат-то прошлом годе приезжал, дак не ты ли с им в коровник-то ходила?
 – Ну и чо, ходила! Хозяйство показывала!
 – Дак уж известно како хозяйство-то ночью показывала! Ха-ха!

Тихая ровная беседа помаленьку начала перерастать в ссору. Тут щелкнул компьютер, рыжая очнулась, заперевирала бумаги. Я рассчитался и вышел на крыльцо. Уборщица, что-то бубня себе под нос, складывала дрова. Валил хлопьями снег. Беларусь. Вихляя в коляях, громыхая тележкой, вез дрова. Похоже, Федору нынче опять потрафит с бутылкой.

Изыди, Сатана!

По периметру большого кудрявого облака, опираясь на две палки, нарезал Леонардо. Края его долгополого отсыревшего халата путались в палках. Он часто останавливался, тяжело дышал, передохнув, брел дальше. Обогнув облако с западной стороны, он неожиданно чуть было не споткнулся о Малевича. Тот вальяжно возлежал в ватном углублении облачка. Откинув полы черной рясы, разложил на ней газетку с салом и уж было распочал чекушку Путинки, да вдруг этот Ленья!

– О! Привет гениям!!!

– Да и вам не хворать, – буркнул Леонардо.

Воткнув палки в облако, он присел на корточки, кутая худые ревматические коленки в халат. Казимир, булькнув из чекушки пару глотков, протянул её Леонардо.

– Будешь?!

Леонардо, брезгливо отмахиваясь потрепанным крылом, сплюнул в бороду.

– Ну как хочешь! – Казимир с набитым салом ртом ткнул вниз пальцем.

– Я смотрю, там вот нынче все помешались на скандинавской ходьбе. Сам-то кое-как плетется, бывало, всего перекосило, да еще и палки с собой тащит. Тыфу ты, спортсмен! А тебе чо, помогает? Да не шибко-то, видать! Рахит, вон, из-под халата прет. Да и ноги-то твои совсем сини. Выпил бы, Ленья, да поговорим?!

Леонардо гневно выдернул палку из облака, ткнул было ею в чекушку, да Казимир вовремя её отдернул.

– Но, но! Ты полегче тут машишь. Это, паря, у нас тут роскошь, не каждый день перепадает! Это вот на днях Татлина встречали, так тот с собой прихватил. Они вон там, на той гряде облаков, сороковой день празднуют.

Все там понабежали, и передвижники, да и ваши италяшки на халяву поналетели. Перепились да разборки устроили до мордобоя. А я чекушку схватил, да подальше от греха, а то Шишкин разошелся, пообещал мне почки отбить. Ты сбегал бы к ним, может, кого и признаешь! Есть там такие, которые бороду-то твою живо выдерут.

– Да нет, брат, я иконой себя увековечил. Под бронированным стеклом сижу! А вот тебе-то стоило бы ребра помять с твоей квадратной головой. Не зря ведь анекдот ходит, вроде бы как квадрат твой из Третьяковки украли. Но потом нашли, дак, вроде бы, реставрация требуется. Будто бы музейный дворник махом гудроном отремонтировал. Хи, хи!

– Смотрю вот на тебя, – Казимир хлюпнул из чекушки. – За что только ты не брался: и инженер-то ты, и анатом, и парашют-то ты изобрел. Спихнуть бы тебя на этом парашюте отсюда! А ведь ни в чем не преуспел! Ну бабу с косорылой гримасой написал. Ну и что?! Ну под стеклом?! Ну плятятся туристы?! Так и мой квадрат тоже не обходят!

– Изыди, Сатана! – гневно рявкнул Леонардо. Схватив палки и плюясь, поспешно исчез за краем облака.

Казимир доел сало, откинул пустую чекушку прочь, вытер губы поллой халата и, икая, устроился вздремнуть.

Под облаками внизу на якоре, в море, болталась яхта Абрамовича. Бизнес у олигарха шел ни шатко, ни валко. Последнее время подрабатывал паромщиком. Через Средиземное возил туда-сюда беженцев. Денег у беженцев не было, рассчитывались, в основном, фруктами. На северной стороне моря Роман менял фрукты на солярку. Но солярка подорожала, а фрукты подешевели, и теперь они потихоньку догнивали в трюме, благоухая окрест зловонием. Инспекция в порту выписала ему предписание о несоблюдении санитарных норм. Однажды он попытался избавиться от гниющего багажа в открытом море. Но на беду его подловили «зеленые» из Гринписа. Кое-как отделался непосильной взяткой.

Теперь он стоял на якоре недалеко от пирса. Беженцы превратили его яхту в плавучий клозет. Всю рубку исписали непотребными словами вроде... «здесь был Хаким или Салим из Туниса». Матерно ругаясь, Роман отковыривал от бортов присохшие фекалии и с теплым чувством вспоминал Чукотку... Какие же там культурные люди живут! Ничего тебе лишнего в туалете не напишут, хотя там и туалетов-то нет. Да опять эти же фрукты развез бы по тундре. Устав от трудов, он развалился в драном шезлонге, предавшись былым воспоминаниям. Как вдруг с жутким свистом рядом с яхтой шлепнулась Казиминова чекушка. Роман живо выловил чекушку веслом, пополнив ящик со стеклотарой.

– Копейка к копейке, глядишь, и рубль!

Чмокая губами и засыпая, Казимир подумал: «Если попутный ветер, через день-два над Питером проплывать будем. Интересно, почему сейчас там, в Собачьем переулке, у купца Еремина чесночная колбаса?»

ПОЭЗИЯ

Наира СИМОНЯН

ЭЛЕГИЯ НА НОЧНЫХ АККОРДАХ СЕВАНА

1.

Как янтарём налитая волна,
качается высокая луна...
Желаньями греша и наяву,
и этот новый грех переживу.

Посверкивая, точно в зеркалах,
луны ликует пламя на телах,
всё прежнее отбрасывает прочь
кипящая дыханиями ночь.

Былых любовей тусклые огни
не возродятся в будущие дни,
но заново из пены восстаю,
когда глубинам душу отдаю.

Ты – мой. А я – попробуй разбери.
Игрушка Бога? Чёрта содержанка?
Любовь моя – полынная обманка,
что сердце обжигает изнутри.

2.

Вобрав легенды старые дотла,
над нами небо звёздное летело.
Смеялся бес: «Зачем тебе крыла,
когда ладони обжигают тело?»

Дух первородный заново парил
ещё не различаемую тенью
и музыку чудесную творил
из нашего с тобой грехопаденья...

В легендах не отыщется концов
любви и смерти, правды и обмана
о том, куда доверчивых пловцов
влекут сирены моего Севана.

Но бес шептал: «Зачем тебе крыла?»
Горячей коже плоть была покорна,
и музыка любовная плыла
волною нот озёрного аккорда.

3.

В порывах плоти ходом бытия,
взлетая ввысь и опадая снова,
душа не насыщается моя,
кипящее расплёскивая слово.

Всё напоказ, наружу, что во мне:
бесовское – и ласковое, к Богу...

В дорогу вышел – так держи дорогу,
раскачиваясь, точно на волне.

Везде – не дома, сирота, извне,
а жизнь дурманной дрёмой притворилась...

Но чтоб она совсем не испарилась –
отдай живые семена весне.

Любви не умиляясь никогда,
смерть никого на свете не минует.

Когда падёт угасшая звезда –
её метеоритом именуют.

Элегия – к финалу не спеши...

Но, даже зная: всё живое тщетно,
порывистой мелодией души
я выйду на последнее крещендо.

Как будто птицы стали безголосыми,
округа полусонная молчит.
Иное здесь таится за кулисами,
инаковая музыка звучит.

Необратимым стиснута течением
душа моя, как полая вода.
Каким неодолимым попечением
ей суждено растаять без следа?

Бедую слова беззащитно существу
в бессмертии уверенности нет...
Я не узнаю, голосу зовущему
взлетала или падала в ответ.

В раскалённом мерцании мыслей, сходящих на нет,
от тоски по тебе в мельтешении дней пропадаю
и опять, погружаясь в калейдоскопический бред,
я судьбу, как Елена Троянская, переменяю.

Обнажённое тело бесстыдно среди темноты
жаждет губ остужающих, не помышляя о мере,
а душа в глубине поминает былые мечты,
потайное эхо поёт эпитафию вере.

Наши реки у самого берега – скоро впадут.
Наше время подтачивать скалы единым теченьем...
Жаль, идущие следом, наверное, не подадут
ни единого повода, чтобы вздохнуть с облегченьем.

Другой дороги нет и выхода иного:
спасения ища, цепляюсь за слова,
когда издалека видения былого,
сгущенные в крови, рождает голова.

Другой дороги нет, исхода нет иного:
какие бы любовь ни зачала плоды,
осеннюю порой всё опадает снова,
а далее – зима, и на снегу следы...

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Отшумели дожди и слова,
хляби топких небес опустели.
Но ещё расцветает листва
на осеннем беспомощном теле.

С мокрой улицы наши следы
выметаются без похоронки...
Сколько пролито мною воды
на пожизненной односторонке!

Леденеющих рук не разнять,
поцелуй обращается в сушу.
Всем на свете готова раздать
невесомую чистую душу.

Сетку вен голубую – прошу.
Колыхание пламени – нате...
И вцепясь неотрывно, вишу
на опущенном свыше канате.

Когда среди заснеженной глуши
твоё простое имя называют,
на глубине раздвоенной души
цветы надежды новой оживают.

Когда тоска-тревога настаёт
по древним дням твоим и переменам –
подобно кочкам клюквенных болот,
она цветёт опасливым кармином.

И об армянах долгий разговор
ведя со мною посреди Сибири,
не заглушит моё кедровый хор
излюбленное соло о Наири.

Пока берёзы соком по весне
меж небом и землёй неутолимы,
ты навсегда останешься во мне –
душа и плоть вовек неразделимы.

В круговороте вечном бытия
мы все плоты земные воедино.
Я – маленькая косточка твоя,
и ты – моя живая сердцевина.

Перевод с армянского Андрея Расторгуева

Бывальщины Русского Севера

В русском фольклоре бывальщина занимает заметное место. В ней мы видим поэтическое переосмысление древних языческих представлений русского народа. Мифологические персонажи: леший, водяной, домовый, банник и т.д. выступают в качестве действующих лиц этих высокохудожественных и остросюжетных произведений. Характерной особенностью бывальщины является явное желание рассказчика убедить слушателей, что то, о чём он повествует – реальный случай из народной жизни. Органическое слияние этих двух смысловых пластов – реального и фантастического – придаёт особую прелесть этим кратким, но глубоким по содержанию повествованиям устного народного творчества.

Литературная обработка Александром Драчёвым шести бывальщин и одной легенды – не личная фантазия писателя. В основании, в канве, если можно так выразиться, лежат подлинные плоды русской национальной культуры. Легенда «Золотое стремя» имеет несколько вариантов. В одной версии в качестве главного героя выступает простой мужик, в другой – цыган, но сюжетная линия и внутренний смысл остаются без изменений.

Александр ДРАЧЁВ

Покорение Сибири Ермаком

Вздумали утверждать, что родился Ермак где-то в казацких станицах на Дону, а того в ум взять не могут, что тогда не только на Дону, а и за днепровскими порогами никаких казаков еще не было. Сунулись они было туда, но Менгли-хан живехонько их из Хортицы согнал, а уж у нас на Диком поле только татарские юрты и шныряли. То Крымская орда с Ногайской бьются, то казанцы на рязанские окраины налетают, в полон заберут да в Кафу на невольничий рынок табунами гонят. Это потом уж, когда Грозный, царь, Казань с Астраханью замирил, спокойно стало на южных рубежах, и потянулись туда разбитные русские головушки, а пока татары между собой воевали – и не сунься, либо голову отсекут, либо изловят и на галеры продадут.

Отсюда Ермак Тимофеевич, от нас, с Борка, с Двины. Тут у нас все деревни в речной долине возникли: Лапино, Малетино, Березниково, Скоряково, Подувалье, Красавино, а посередке деревня Борок с волостным правлением. С молодых ногтей дерзость и упрямство в Ермаке завелись, да и соображать он начал не в пример другим своим сверстникам. За год у дьячка писать, читать и считать выучился и сызмала уже начал интересоваться, как там за Большим Камнем люди живут и чем промышляют. Жил тут у нас Пахом, древний уже дед. Он еще при Иване III с Семеном Курбским да с Салтыком Травинным за Камень ходил, так Еремейка ему покою не давал, рассказы его слушал, разинув рот. Как-то, лет уж, поди, двенадцать ему было, собрал ватагу ребят, наковыряли из ракушек жемчуга: в те поры его в реке полно было, и вздумали на двух плотках за Камень отправиться на раздобытки. Ранним утром взнялись украдкой и начали спускаться вниз по течению Двины.

Уже в Соли Вычегодской, когда по базару ходили целой гурьбой, надеялись жемчуг на соль обменять, их заприметили и дали знать, кому следует. Вот тогда Еремейка первый раз и познакомился с Гришкой Строгановым. С тех пор у них и завелась дружба навек. Пареньков от Пырса на лошадях

домой привезли в сопровождении двух приставов. А уж потом, когда подрос Еремей, большим парнем сделался, начал он собирать ватагу взрослых ребят. Опять с Гришкой связался, и Строгановы выделили молодым промышленникам два дощатых насада, пять семипудовых пицалей, пороха, ядер, свинца, чтоб не дай Бог, вотяки или вогуличи не заозоровали. Всякого, конечно, товару на обмен с тамошним населением. Прежде всего соль, ведь главная еда у сибирских людей – рыба. Также и топоры, косы-горбуши, серпы, наконечники для стрел и всякая другая скобянка.

По Тоболу ходили, возле селений свой товар разложат на берегу и отойдут на самый стержень, а местные жители из лесу выйдут, возьмут, кому что надо, а взамен накладывают шкурки соболей да чернобурых лисиц. Никакого обману отродясь не бывало – самый честный народ – сибирский. Много тогда ватажники добра домой привезли. Со Строгановым рассчитались да и сами в накладе не остались. Себе Еремей, рассказывают, сорок шкурок соболиных оставил, большие по тем временам деньги, да и товарищей не обделил, никого не пообидел, великой справедливости был человек. За то время, пока за Камень ходил, как-то быстро он возмужал и силушки накопил. Возьмет, бывало, полупудовую гирию, раскрутит ее в одной руке и перекинет через охлупень, на другой стороне дома только счавкает. А как мужики пойдут стенка на стенку, так всякий хоронится, чтоб только под его руку не попасть, с одного удара сшибёт, никто устоять не может. Такая силища была в нем.

Тогда как раз несчастье случилось. Заболел наш царь-батюшка Иван Васильевич злой огневицей и уж до того стал доходить, что думали – преставится. Дьяк царский начал убеждать его, что нужно завещание писать, кому в случае смерти царство оставить. Царь велит боярам сыну своему Дмитрию крест целовать под присягой, а у них по этому случаю смута началась. Закоперщицей княжна Ефросенья выступила. Сына своего Владимира Андреевича вместо царского младенца на престол прочить стала. Сам-то Владимир Андреевич тихий был, с детства в застенке запуганный, а она была баба задорная, властная. И ведь поддержку нашла в среде боярства. Многие не захотели присягнуть полугодовалому царевичу. И отправила Ефросинья по городам и весям своих людей, чтоб они за сынка ее ненаглядного ратовали. К нам в волость явился ее подручник Истома Горицкий. До Соли Вычегодской с грамотой от Ефросиньи ехал, денег в долг просить, чтоб умасливать строптивых бояр и склонять в свою сторону, если царь-государь, защита и оборона наша, Богу душу отдаст. По пути Истома Горицкий и у нас велел старосте сход собрать. На сходке Истома повел речь, что царь де умирает, а пеленочника на царство не надо. Настанет, мол, при пеленочнике боярское правление, а все помнят, что они, бояре, творили в малолетство Ивана. Лучше всего выбрать царем Владимира Андреевича Старицкого. А Еремей вызнал, что Горицкий посул дал старосте, чтоб привлечь его на свою сторону. Еремей и упрекнул Истома принародно, что он взятки дает, нечестную игру затевает. Истома рассердился, призвал его на поле спор разрешить. Устроили поединок. Еремей Истома с первого удара зашиб до смерти, тот и охнуть не успел. А ведь княжеский слуга, боярский сын, шутка сказать. Холопы Истома Горицкого хотели Еремея схватить да в Устюг в заточение препроводить, но все ватажники за него вступились. Никто не посмел его тронуть. А ночью Еремей с двумя товарищами пропал. С тех пор ни духу ни слуху о нем уже не было.

А к тому времени царь Иван Васильевич поправился, вновь силу обрел, стал о государстве своем размышлять, а тут ему и доложили, что за Большим Камнем в сибирской стране богатств всяких великое множество. Конечно,

и раньше приезжали от хана Едигера, в подданство просились и дань привозили, но после смерти Едигера вести оттуда перестали поступать, не говоря уже о дани. Стал думать царь, как бы той богатой землей овладеть. Знал он, что очень уж далеко она от Московского государства располагается. Размечтался царь, разохотился – не жить, не быть, а подавай ему Сибирское царство. Много дней и ночей не спал Иван Васильевич, все думал, как бы ему ту землю к рукам прибрать, и ничего придумать не мог. Занемог даже царь от горя, почернел весь, да и было от чего – очень уж большая и богатая земля, до слез жалко упускать её в чужие руки. Тут ближние бояре заволновались, как бы им, думают, без царя не остаться, обступили его и стали выпытывать, от чего он так сильно скорбит да печалится.

– От нас не скрывай, царь-батюшка, думы свои, мы тебе не враги. В прошлый раз нас бес попутал да Ефросинья смутила, а теперь уж нас никому с толку не сбить. Мы теперь умные стали. Расскажи всё по правде, по совести. А уж мы подумаем, как твоему горю помочь. Может, что-нибудь и придумаем.

А царь помнит их шатания, когда он при смерти лежал, как они не хотели царевичу крест целовать. Им бы, думает, только бородами да кафтанами трясти да смуты заводить, а дела путного от них никакого не дождешься. И не сказал им ничего. Так и ушли бояре восвояси.

Тут предстал перед царем бедный слуга и спрашивает:

– Скажи, государь-батюшка, какая кручина тебя одолела? Издалека ли пришла к тебе дума тревожная?

– А из Сибири дума ко мне пришла, – отвечает царь.

– Может, я тебе чем могу помочь?

– Да где тебе, простому мужику лапотнику? Тут бояре были, умные головы, а и то я им ничего не сказал. Ответь-ка мне лучше, есть ли в моем царстве такой богатырь, который помог бы овладеть Сибирской землей? Я б этого человека наградил достойно. Нужен такой человек, который ничего на свете не боится – ни тьмы врагов, ни молнии, ни грома, ни ружейной стрельбы, ни пушечной пальбы. Есть ли кто в моем царстве такой храбрый да удалый?

Подумал слуга и говорит:

– Знаю я такого человека. Слава о нём по всей Руси идет. Я его с малых лет знаю, ведь я сам родом с Двины, с Борка. Мы ведь с ним земляки. Зовут его Ермак Тимофеевич. Он теперь на Дону промышляет. Не по своей воле. Скрываться вынужден от боярской злобы.

– Знаю, знаю. За меня он вступился, за мою честь царскую, когда я в болезни лежал и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. В те поры зашевелились враги мои; в первую очередь тетка моя Ефросинья Старицкая, змея подколотная. По её проискам поехал Истома Горицкий баламутить народ по двинским волостям. Еремей Тимофеев одним ударом прибил его, как муху. Да где теперь найдешь резвеца, гуляет, как ветер в поле.

Но от слов слуги воодушевился Иван Васильевич, бодро вскочил с постели, вызвал слуг и велел им отправляться на Дон, чтобы найти там атамана Ермака Тимофеевича. Отправились гонцы по приказу царя, все казацкие станицы вдоль и поперёк исходили, всех людей – от босоногих ребят до седебородых стариков – спрашивали, у конных и пеших выпытывали, весь украинный люд порасспросили. Все знают Ермака Тимофеевича, но никто сказать не может, где он сейчас обретается, в каких местах его вольная головушка пребывает. Не нашли Ермака слуги и к царю-батюшке вернулись.

– Тыфу на вас, – осерчал царь и выгнал свою негодную челядь вон из дворца, а велел позвать верного слугу-крестьянина.

– Христом Богом тебя заклинаю! Найди ты мне доблестного ратника Ермака Тимофеевича. Вся душа у меня по царству Сибирскому истомилась. А коль отыщешь казацкого атамана, награжу тебя по-царски. Будешь у меня начальником над всеми слугами, и бояре будут тебе в пояс кланяться.

Намотал слуга-крестьянин онучи, обул лапти, набросил на плечи сермягу, закинул за спину котомку с сухарями и в путь отправился. Идет слуга, на посох опирается, по деревьям ночует, ко всему внимательно приглядывается. Всех, кто по пути встречается, о Ермаке спрашивает. Слышать слышали, говорят люди, что есть на земле такой богатырь, а где найти его – не ведают. Долго ходил крестьянин, уж борода у него до колена выросла, дюжину лаптей износил, одежонка вся истончилась, чуть плотнее паутины сделалась, а Ермака и следов нет. Но мужик не унывает, идёт себе да идёт. Вот добрался он до высоких гор. Верхушки под самые небеса забрались. Голову вскинешь, и шапка сваливается. Увидел крестьянин какую-то точку темную впереди. Пригляделся, а это такой же странник, что и он. Встретились они, обрадовались друг другу и вступили в разговор. Узнал крестьянин, что Ермак Тимофеевич по Большому Камню с ватагой гуляет. Исходил он горы с севера до юга. В конце концов напал на след атамана Ермака Тимофеевича. А вскоре и самого его встретил. Передал крестьянин просьбу царя Ивана Васильевича. Явился Ермак перед царские очи. Царь глянул на атамана и говорит:

– Слышал я о тебе, Ермак Тимофеевич, разные вести. И смертоубийство за тобой водится, и корабли купеческие на Волге ты разбивал. Не сносить бы тебе головы, но царь милостив, зла тебе не сделает, а только наградит, если ты для него доброе дело сделаешь. Знаешь ли, что есть за Большим камнем земля Сибирь, но владеет ей незаконно татарский хан Кучум. В той земле богатства несметные, земля нехоженная. Искупи, Ермак, свою вину, излови ты хана Кучума, а людей его под мою царскую власть подведи, чтоб по соболу в год дань мне исправно платили.

Ермак Тимофеевич не посмел перечить царю, а тут же собрался и отправился к своим казакам. Рассказал он своим молодцам, какую задачу задал ему царь, и порешили они овладеть Сибирским ханством. Ермак к своему старому другу Строганову обратился, а тот снарядил отряд всем необходимым: и порохом, и пушками, и пищалями, и продуктами для дальнего похода. И отправился Ермак с казаками в чужие земли. Скоро на стругах дошел Ермак до Тобола, взял город Сибирь, покорил местный народец и привел его к присяге царю-батюшке. Затем устремился Ермак на Иртыш, чтобы сразиться с самим ханом Кучумом. После боя хан позорно бежал в степи, а царство его русским людям досталось. Ивана Кольца отправили к царю с вестью, что Сибирское ханство теперь в полной власти государя Ивана Васильевича.

С тех пор начали там русские люди обживать да города строить, а Ермака Тимофеевича ныне добрым словом поминают.

ПОЗИЯ

Станислав ЮРЧЕНКО

МЫ – РУССКИЕ

В нас дух людей великих и убогих,
одни – зверьё, другие полубоги,
кто Русь святую пестовал, кто жёг.
Повязаны одной Христовой Верой,
кто предавал, кто становился первым
и за Отчизну жизнью пренебрёг.

Мы – русские.
В нас – дух противоречий
Монголии и Посполитой Речи,
Казани, Туркестана и Твери,
но мы едины в яростном стремленьи
жить правдой, не по щучьему веленью,
не нищим попрошайкой у двери.

Всё наше – в нас: что хорошо, что плохо,
в нас спит тысячелетняя эпоха
и нежной внучки тонкий голосок,
к любви стремленье, к сопереживанию
и к водке тоже.
От своих желаний
мы не отступим ни на волосок.

А тем, кто не приемлет такового,
советую не ждать, читать Толстого,
рассказы Бунина, романы Пикуля.
В их строчках – понимание народа
с его неукротимой свободой,
пока жива российская земля.

В нас прошлое и будущее слито,
оно прочней уральского гранита,
и крепче стали, кованной в огне.
Мы связаны одной, единой нитью,
желанием служить, если хотите,
Отечеству, народу и стране.

ЛИБЕРАЛЫ

Нас по волнам бушующим несло,
куда – в те времена не знали сами.
Посчитано давно добро и зло
погостов полусгнившими крестами.

По городам разрушенной страны
ещё гулял войны великой ветер,
а мы, поддёрнув драные штаны,
мечтали о еде, кино и лете.

Солдаты возвратились во дворы,
кто – без руки, а кто – на деревяшке,
на ясных лицах не было хандры,
как пятен на постиранной рубашке.

Я помню день, как радовалась мать,
когда на хлеб талоны отменили,
нам просто было нечего терять,
мы верили, работали и жили.

Народу было некогда стонать:
не фронт – там пострашнее приходилось.
Поэтому и, надо полагать,
страна моя из пепла возродилась.

Сегодня, каждый третий – демократ,
из подворотни лаает, кособочась,
работать, как положено, не рад,
а сладко спать и кушать очень хочет.

Но те страшней, кто хаает всё вокруг
и пацанов на площади выводит,
а сам сидит в сторонке, как паук,
и думает, что нами верховодит.

Менталитет у них не знаю чей,
разводят лжи коричневую жижу,
я этих, извините, сволочей
не просто не люблю, а ненавижу.

Мы отстоим Отечество своё
и сохраним всё наши идеалы!
Нам наплевать на жалкое нытьё
прикормленных врагами либералов.

А если мир расколется войной,
которая наполнит землю стоном,
мы не оставим этих за спиной,
что создавали пятую колонну.

Мы соберём нормальных мужиков
в тревожный час, когда пойдём на битву,
а вас зароем в ямах без крестов,
без надписей, без дат и без молитвы.

ПУТЬ

Все мы ходим под Богом,
значит, как ни крути,
завершится дорога
в этом долгом пути.

Будет снова кружиться
над землёй листопад,
будут строчки ложиться
на листках невпопад.

Эти строчки простые –
не причуда, не лесть:
быть достойным России –
это высшая честь.

Многолетних усилий
подбиваю итог:
кто я есть без России?
Да, по сути – никто.

Что-то вечное строил,
как обычно, не в срок,
был кому-то – достойным,
а кому – поперёк.

Был святым и порочным,
свой характер кляня,
но без Родины точно
не прожил бы и дня.

Каждой клеточкой тела,
каждым всхлипом души,
каждым словом и делом
я России служил.

Я пророс в ее почву
между белых берез.

Я – один среди прочих,
кто сражался и мёрз
в годы чёрных метелей,
приносящих разор,
что над нами летели
и летят до сих пор.
Где иуды и трусы
продавали страну
за стеклянные бусы
и не нашу вину.

Быть Отечеству верным
я хотел и хочу,
и кресты этой веры,
как могу, золочу.

От души, а не всуе,
стать ей сыном сумей.

Потому и пишу я
о России моей,
надрываюсь, болею
за один её стон,
ни о чём не жалею,
всё поставив на кон.

Этим чувствам в нагрузку
слов финальный аккорд:
потому, что я – русский,
чем несказанно горд.

ВОИНАМ РОССИИ

О чём вы думали в окопах
зимой метельной под Москвой,
когда явилась к нам Европа
кровавой, лютою бедой?

И чем была для вас Россия
до этих грозных, жутких пор?
Она вас сотнями косила
и отправляла на позор.

В сырых застенках вас пытали,
лесоповал валил с плеча,
но вы Россию не пинали,
не проклинали сгоряча.

Храня её, вы встали грудью,
сгорая в гибельном огне,
у вас в тылу простые люди
ковали щит своей стране.

Теперь вы все лежите рядом,
кто нашу землю отстоял.
По вам на праздничных парадах
грохочет церемониал.

В России ставят вам скрижали,
вокруг России – вороньё.
В окопах вы – не рассуждали,
иначе б не было её.

ЦЕРКОВЬ ПОДО РЖЕВОМ

Годы не спеша стирают даты.
Вижу, как тогда, июньским днём,
храм в полях, разрушенный когда-то
перекрёстным, гибельным огнём.

О красе былой не беспокоясь,
в утренней звенящей тишине,
он стоял, осыпавшись по пояс,
памятником проклятой войне.

Я стоял, смотрел.
Жена вздохнула
с горечью, как русским надлежит,
а потом с ресниц слезу смахнула,
деда вспомнив: где-то здесь лежит.

Разгоралось подо Ржевом утро,
птичий гомон плыл со всех сторон,
и тогда услышал я, как будто
небо донесло набатный звон.

Он плывёт над матушкой Россией
с тех далёких лет и до сих пор,
потому незваные стихии
не сорвали гордый триколор.

Знаю, почему на сердце больно:
сколько их, кто был в огне убит?

Колокол гудит на колокольне.
Память, будто колокол, гудит.

ПРОЗА

Елена КАПИТАНОВА

СЕВЕРЯНЕ

Я с детства училась понимать, что все люди разные и что «плохо» и «хорошо» каждый толкует по-своему. Что для одного жадность, для другого – запасливость. Один скажет: «нервный», другой не согласится: «темпераментный». Кто-то оценит: «чистая душа», а кто махнёт рукой: «А, простодырый!».

Когда я ещё пешком под стол ходила, моя семья переехала из сибирского села в южный городок. Бабушка-то с дедушкой ещё задолго до того задумывали провести преклонные годы в тёплом климате, а мама сорвалась в последний момент. Так мы и перебрались впятером в незнакомые края: дедушка, бабушка, мама, старшая сестра Иринка и я.

Наш дом, панельная новостройка, в городе оказался последним. За дорогой, вдоль улицы, тянулось бескрайнее пшеничное поле. Правда, позже у поля нашёлся край, за ним оказалась ещё дорога, а за ней луга, куда мы ходили за земляникой, а дедушка – за коровяком для дачи. Ещё дальше, за лугами, если прищуриться, в солнечный день можно было разглядеть светлые крыши деревни, в которой мы никогда не бывали. Под нашими окнами, дальше по улице, строился типовой советский детсад в два этажа. За ним стояла половинка дома из серого силикатного кирпича, на которой, как муравьи в касках, копошились строители, а чуть дальше, где дорога делала поворот, только-только заложили фундамент ещё одного дома. От того на всех моих детских рисунках рядом с домиками красовались строительные башенные краны. Надо сказать, тот второй дом так и бросили: двадцать лет он стоял на обочине, пугая пустыми глазницами. А может быть, и не надо говорить... В том счастливом 1989 году казалось, что впереди всё только хорошее.

Рядом с нашим новым домом стояла другая такая же пятиэтажка, построенная чуть раньше. Хотя как сказать... Такая же, да не такая. На боковой её стене, обращённой к центру улицы, там, где не было окон, цветными плитками были выложены гигантские буквы «МЖК», что означало «Молодёжный жилищный кооператив», а рядом с буквами – подъёмный кран. Наш дом был не кооперативный и не молодёжный, поэтому на его стенах такая же цветная плитка была уложена ровными рядами, без излишеств. И от этого было немного обидно и даже завидно. Вот бы этот дом был наш. Или пусть бы и на нашем доме тоже что-нибудь выложили. А ещё к соседней пятиэтажке был пристроен магазин. Взрослые называли его «Эм-жековский» за принадлежность к кооперативу, а мы, дети, – «мужиковский» или просто «наш». Оба дома смотрели друг на друга, и двор был общий.

В «эмжековский» дом, как и положено, въехали молодые семьи с детьми, давние жители городка, а в наш – все в вперемешку: одинокие и семейные, молодые и пожилые, городские и деревенские. Местных густо разбавили приезжими из Сибири. Думал ли тот кабинетный деятель, который распределял квартиры, сколько волнений и недоумений, тревог и разочарований порождает он, бездумно ставя галочки напротив фамилий: Колесниченко, Осокин, Решетило, Русанов, Ханин, Шевелёв, Шумахер? Какую гремучую

смесь характеров, взглядов, жизней замешал невольный вершитель судеб в этой новенькой панельке, где сквозь тонкие стены слышались чужие разговоры, ругань, песни, плач и даже уханье совы на чердаке.

В первые же дни все приезжие из-за Урала перезнакомились, узнали, кто откуда, поискали в памяти общих знакомых, не нашли, но и не расстроились. Заглянули друг к другу в гости, смеясь и перешучиваясь, заметили, что можно было и не ходить, всё равно квартиры одинаковые – кухни пополам бело-зелёные, комнаты – в одинаковых охристо-болотных обоях. И наконец, сами себе придумали название – «северяне». Местные смотрели на северян с недоверием, чуть исподлобья. Не такие они. В чём эта «нетаковость», сразу и не скажешь, а в глаза так и лезет. Северянина от местного за версту отличишь: идёт, головой вертит, всему улыбается, на всё – ох да ах. Простая абрикосина во дворе растёт – а он уж рот разинул «красота-а», на базаре всё подряд хватает, спелое, зелёное – не разбирает и опять всему рад радёшенек. Не торгуется. Ясное дело, при деньгах. В подъезде встретишь – ту же песню заводит, всё ему хорошо да дивно.

А нам и впрямь всё было на диво. Кто-то приехал из дальней деревеньки, в которую добраться можно лишь по воде или по воздуху, кто из города, а полжизни прожил в балке – железном вагончике, кое-как обустроенном на домашний лад. Жизнь не избаловала. Да и те, кто из квартир, радовались теплу и солнышку, свежим фруктам и возможности гулять в лёгких рубашках, не отмахиваясь от назойливых комаров и мошек.

– Надёжа! Тут – благодать! – восхищался дедушка по телефону. – Все дороги под чистую – в асфальте. Резиновые сапоги хоть выбрасывай – не жалко. Кран откроешь – вода, какая хочешь: горячая, холодная. Туалет тёплый, газ подведён, батареи, обои наклеены, всё побелено – заходи и живи.

Местные наших восторгов не разделяли. Придирчиво осматривали комнаты: где-то плитка с трещиной, где обои от стены отстали, где кран капает, и почему у соседей стекло в двери матовое, с узором, а у них – простое. Украли? Ругались с рабочими, хитрили, уговаривали, сулили деньги или чекушку, торговались и всё-таки добивались замены на лучшее, новое, не хуже соседского.

«На новом месте приснись, жених, невесте», – шутила бабушка, глядя, как мы с Иринкой, довольные, болтаем ногами на матрасе, расстеленном на полу – контейнер нас ещё не догнал. Да и вещей в нём было немного: только самая нужная мебель да домашняя утварь на первое время. Уезжая из деревни, бабушка с дедушкой почти все вещи раздали родне. Разошлись по деревне вёдра, кадушки, разные грабли-лопаты, дедушкины рыболовные снасти, посуда. Это было принято, так же как отдавать молодым родителям из числа знакомых одежду, из которой выросли дети. Вещи не хранили, да и не очень-то дорожили ими. Знали, родится малыш – родные и друзья принесут целый ворох хорошо постиранных, добротных пелёнок-распашонок. Правда, в спешке переезда оставлена была и коробка старинных ёлочных игрушек, дорогих сердцу, о которых мама ещё долго сожалела.

Северяне в первые дни с азартом бегали по магазинам, показывая друг другу самые удачные покупки. Мы отхватили серо-голубой шерстяной ковёр и белые с зелёным табуретки. В подъезде под лестницей поселились велосипеды и детские коляски, в отверстиях одинаковых почтовых ящиков стали белеть свежие газеты. Всё было новенькое, чистое, блестящее, пахнущее краской и новостями.

Местные свозили в квартиры мешки, тючки, свёртки, набитые домашним скарбом, часть которого тут же складировалась на балкон на вечное хранение. Вещи свои они берегли, ревниво поглядывая: как бы кто не стирал. Здесь же хлопали пыльные ковры, привезённые из прежнего жилья, просушивали на солнце подушки. В соседнем дворе, прямо у детской площадки ошипывали кур, которых, покидая ближнее село, не успели продать.

– Чи дюже бог’ато живёте? Шо не замыкаетесь? – пробормотала соседка Нина Семёновна, из местных, просунув седую голову в просвет нашей двери, которая по сибирской привычке была не плотно прикрыта. Любопытно обвела глазами обстановку и деловито притворила дверь.

– Здравствуйте, – крикнул ей вслед дедушка, но странной гостьи уже и след простыл.

– Чо сказала? Половину не поняла, – удивилась бабушка.

– Богато мы живём, говорит. Да где же богато? Обыкновенно, – пожал плечами дедушка. – Хоть бы уж поздоровалась.

– «Чи» – это по-здешнему «наверно», – вспомнила мама.

– А «дюже»?

– Не знаю. Наверное, от слова «дюжина»...

На следующий день пришёл наш контейнер. Весело было сидеть на диване у подъезда и болтать ногами, пока взрослые суетились вокруг, заглядывая в тюки и коробки.

– Ребятки, – наклонился дедушка к двум мужичкам, маявшимися от безделья на ближайшей скамейке. – Помогите диван на четвёртый этаж за тащить.

– За скока? – пробурчал исподлобья тот, что постарше, с пшеничными усами.

– Чо? – не понял дедушка.

– Поторгуемса? Не даром же горбатиться, – весело пояснил молодой, сияя ожиданием скорой прибыти.

– Да вы чё! – оторопел дедушка. Бабушка, ловко приклонив к дереву свиток ковровой дорожки, вмиг метнулась к нему, готовая остановить бурю. Уж она-то знала, что за простоватыми дедушкиными манерами скрывается взрывной нрав. Но дедушка лишь махнул рукой и пошёл к дому.

– Алёша, ты не переживай, у здешних, у них всё так – без копейки не пошевелятся, – утешала его широкую спину бабушка, не поспевая за дедушкиными шагами. – Давай к Семёну ходим, он сам давеча говорил: если нужно что, поможет.

– Не, ну и наглёж, – пробурчал усатый мужик, когда дедушка скрылся в подъезде. – Я ему хто такой – за дарма работать.

– Мы ему не нанимались, – поддакнул второй.

Вечером приехавший в контейнере стол накрыли белой скатертью, а сверху бережливо – прозрачной клеёнкой и уставили новыми тарелками. Помощников, по обычаю, следовало вкусно угостить, да и рюмочку предложить – как без этого. Северяне сидели на новом диване: женщины – на подушках, диван был низковат, а мужчины – так. Нахвалявали бабушкин рыбный пирог, смеялись, шутили.

– Приезжие всё гуляют, всё песни поют, – с осуждением рассказывала утром Нина Семёновна соседке снизу, косясь на нас, играющих на площадке. – А чё гуляют? Будто праздник какой?

– Дрались?

– Не, от них не дождёшься. Скучный народ.

– Ой, не говори, Семёновна. Всё втихаря, всё втихаря. На улице – и то шепчутся. Шо скрывают от людей-то?

Местным казалась странной наша манера разговаривать вполголоса. А мы с удивлением смотрели на двух соседок, которые, стоя в разных концах автобуса, громко переговаривались о таких делах, которые, нам казалось, и вовсе не для постороннего уха.

– Пятровна, шо муж-то твой злой, как собака?

– Ой, не говори... У самой сил нет... Геморрой его замучил. И мы света белого не видим.

– Да ты шо? А ты его тёртым луком лечила?

– И луком мазала, и картохой сырой натирала, и хреном тёртым мазала. Только продукт перевела...

Старшие давились смехом, а тётка невозмутимо продолжала увлекательную беседу. Бабушка кусала щёки, стараясь удержать серьёзное выражение лица, а я, не зная по малолетству упомянутого медицинского термина, вопросительно дергала её за рукав.

– Ох ты, ох ты, кака гарна дивчина! И платье-то у неё красное, и сандалики, – громко, видно стараясь угодить, похвалила меня Нина Семёновна, встретив нас с бабушкой на остановке. – На-ка тебе цукерку.

Я тыкалась лицом в бабушкин подол и конфету не брала. Бабушка строго посмотрела на соседку: «Спасибо, не нужно, Алёнушка недавно покушала», – и поспешно повела меня домой. Нина Семёновна смотрела нам вслед с горькой обидой.

– Нет, ну надо же, кто ж так делает? – сокрушалась бабушка дома, – На всю улицу-то зачем кричать? Ну ей-богу сглазит. Я хоть булавочку-то тебе приколоть не забыла? – добавила она, поспешно отвернув мой воротничок. – Слава Богу, на месте. И хоть бы сказала путём – «хорошая девочка», а то не поймёшь, то ли похвалила, то ли обругала. Глаз у неё нехороший, сразу видать.

Громкая, нарочитая похвала казалась почти проклятием бабушке, привыкшей, что слова одобрения должны звучать скромно и негромко, да ещё с оговоркой, да с постукиванием по дереву, да и то, если есть повод. А красота и здоровье – природой даны. За что тут хвалить? Но всё бы забылось, да только на следующее утро я заболела – кашляла и швыркала носом. И никакие логичные доводы, что виной всему внезапно испортившаяся погода и съеденный не вовремя стаканчик мороженого, не разубедил бы бабушку в том, что Нина Семёновна – колдовка. А соседка здоровалась с нами сквозь зубы и глядела недобро, всем своим видом лишь усугубляя впечатление. Да тут ещё одно событие приключилось.

Ещё на первом собрании жильцов кто-то предложил поделить участок земли между домом и детским садом на участки. Кто захочет – может устроить там небольшой огород. Так делали жильцы некоторых соседних домов: с фасада всё честь по чести, по-городскому – лавочки, клумбы, а позади дома – лучок, морковочка, а у кого и помидорки. Деревенские жители, истосковавшиеся по «своей зеленушке», дружно поддержали идею. Председатель домоуправления, невысокая юркая женщина, тут же принялась записывать желающих в тетрадку.

В ближайшую субботу землю поделили на участки, воткнули колышки, и каждый свой колышек отметил: кто ручкой нацарапал фамилию, а кто просто привязал яркую ленту, а то и какой-нибудь цветной носок. Нам достался надел в аккурат под нашим балконом. Нине Семёновне – сосед-

ний, неудобный, с канализационным люком посередине. Она попробовала возмущаться, шуметь, жаловалась, что она одинокая, и участок ей не для баловства, а для пропитания. «Кое-кто дачи покупает и здесь ещё землю хапает», – говорила она, косясь на нас. Требовала поменяться, да только никто на это не согласился.

В этот же год дедушка посадил в центре участка вишню, а ближе к краю – прикопал плод каштана. Очень ему понравились эти раскидистые, пышно цветущие деревья с большими затейливыми листьями. В северных широтах такой роскоши не встретишь. Мы с сестрой размечтались – вырастет каштан до самого нашего балкона. Выглянешь майским утром в окно, а там цветы – только руку протяни.

Следующей весной все соседи взялись перекапывать свои огородики. И то ли сверху так казалось, то ли и вправду так было – не разберёшь, только одни наделы стали чуточку шире, а другие – сузились. Наш участок тоже будто похудел. Бабушка критически осмотрела его с балкона и махнула рукой:

– От нас не убудет.

Обман вскрылся во всей красе, когда на краю участка Нины Семёновны вырос... наш каштан. Тонкий, но смелый росток всё увереннее расправлял свои зелёные плечики у самой борозды. Всё ярче красовался своими особенными семилистными розетками. Сразу видно: не клён, не берёзка, а раскидистое южное дерево. Как же так он мог передвинуться на целый шаг, перепрыгнуть на чужую грядку? Однажды бабушка не выдержала:

– Нина Семёновна, а ведь каштан-то этот мы на своей грядке сажали. Как же он у вас оказался? – осторожно начала она, думая пристыдить соседку колким замечанием. Но та будто давно готовилась дать отпор.

– Как это вы сажали? Что-то я не видела! Мало ли каштанов в землю падает. Он у меня сам вырос.

– А вы когда грядку перекапывали, колышек не сдвинули? – намекала бабушка.

– Ничего я не сдвигала. Я свой участок знаю, а чужого мне не надо! – вспылила Нина Семёновна и, демонстративно отвернувшись от бабушки, стала с остервенением выдёргивать лук.

Бабушка промолчала. Не больно-то нужен был ей этот кусочек земли. Обидно было лишь, что соседка в лицо, не стыдясь, говорила ей неправду. Больше она этот разговор не заводила.

А через неделю после сбора урожая дедушка тихо подозвал её к окну, смеясь в кулак:

– Смотри, смотри, что делает...

Нина Семёновна в вечерних сумерках подкапывала лишнюю пядь к своему участку и, смешно суча худыми ногами, поспешно натаптывала новую борозду.

– Да пусть копает, раз ей так надо, – примирилась бабушка, ласково приклонившись к дедушке.

Но однажды утром бабушка выглянула в окно и ахнула – соседка обрубила у нашего каштана все ветки. Местные, выросшие в степном краю, недолюбливали деревья. Если сажали, то только плодовые, да и то подальше от дома – верили, что они притягивают молнии. А простые берёзки, рябинки и вовсе считались бесполезными. Но если уж дерево вдруг само выросло из семечки, его нещадно обрубали. И стоял такой полутораметровый пенёк, покрытый тоненькой порослью, как птица с обрезанными крыльями.

И летом-то он не располагал к веселью, а уж когда опадали листья, на этого древесного инвалида и вовсе больно было смотреть.

Жалко до слёз было наш каштан. Никогда он уже не вырастет и не коснётся веточками балкона. На грустный вопрос бабушки Нина Семёновна ответила деловито, упершись мозолистыми руками в цветастые бока:

– А шо? Он мне весь огород затемнит. Ничего расти не будет. Мне и так ваша вишня полгрядки закрыла.

И как ей было объяснить, что раскидистые ветки каштана под окнами – это мечта. Всему у неё была своя цена. И урожаю с грядки – в первую очередь. Выращенные овощи Нина Семёновна продавала здесь же, во дворе дома, возле нашего магазина. Мы у неё ничего не покупали. На своём огороде росло всё, что нужно, а если чего и не было, шли на рынок. У Нины Семёновны глаза недобрые, кто её знает, что она над своим чесноком нашепчет?

Бойчее всего у Нины Семёновны шла торговля семечками. Подсолнухи она собирала на ближайшем поле, шелушила и жарила на сковородке. По правде говоря, воровала, но в её понимании поле было государственное, а значит, семечки – общие. Почему при этом другие должны за них платить – об этом старушка не задумывалась. В бессменной белой панаме и цветастом платье она, как на работу, приходила на свой боевой пост каждый день с выцветшим раскладным стульчиком. И, разложив на газетке своё расфасованное в замусоленные кульки добро, сидела до заката.

Но однажды жарким летним днём во двор влетела скорая. Мы её не видели – наши окна выходили на другую сторону, только слышали громкую сирену. А вечером узнали, что забрали Нину Семёновну. В самый зной, когда все попрятались по домам и закрыли шторы, спасаясь от палящих лучей, Нина Семёновна продолжала сидеть на своём месте у магазина, ожидая покупателей. Случайный прохожий увидел её распростёртой на разогретом асфальте и вызвал ноль-три. Больше мы её не видели. То ли дальние родственники похоронили её так поспешно, что никто и не видел, то ли она обрела покой на каком-нибудь деревенском кладбище, а может быть, и родных у неё не было, и её предали земле за казённый счёт. Только и осталось после её смерти – пустая квартира да разговоры. Местные жалели: вот это была настоящая торговая жилка. Северяне недоумевали: как можно было ради денег себя свести в могилу? Огород Нины Семёновны тут же захватила соседка снизу, заявив во всеуслышание, что была её близкой подругой, хотя все и знали, что между ними была вражда. Но спорить никто не стал.

С тех пор прошли годы, многие северяне, не прижившись, уехали на родину. Мы пообвыклись, стали говорить громче, порой, к собственному удивлению, срываясь на местное «г'э», перестали удивляться. Да только местными не стали. Северянина, его же за версту видно, не такой он, а в чём эта «нетаковость» – сразу и не скажешь.

Михаил ЧАЙКОВСКИЙ

Просветлённый

1.

Помните, как у нас экстрасенсы, ясновидящие, ведуны, вещуны в «смутное время 90-х» появились? Ладно ещё в москвах да питерах кликуши да самозванные знахари народ исцелять и судьбы предсказывать принялись. А примером им служили Кашперовский с Чумаком. Тут и в газетах объявления об их способностях запестрели. Ошибок в них – неизмеримое количество! Смотрите:

«Человек-легенда, маг высшей категории
Белая чёрная магия
Верну любимого(ую)
Наложу бизнес
Виноотвород
Решения проблем любой сложности
БЕСПЛАТНО.
т.8966167...»

И даже очень модной эта напасть стала.

Среди моих знакомых некоторые тоже в себе экстрасенсорные таланты обнаружили. Вот только почему их больше всего среди представителей «свободных профессий» оказалось? Я так людей, не производящих материальных благ, называю. Один, пожарный Володя, такой фокус показал: он на голую грудь алюминиевую ложку примастырить умудрился. И держалась она, черенком вниз висела, неподвижная некоторое время. А я подумал: грудка у Вовы от пота влажная, ложка лёгкая. После вычитал, якобы облучившись таким свойством обладают. Доблестный огнеборец утверждал, будто он даже утюг пришпандоривал, только усомнился я в сказанном.

Другой мой знакомец, милиционер, демонстрировал своё умение на этом поприще во время застолья, когда выпито было изрядно, и обзолённая жена уже на кухню заскакивать умаялась. Так вот, он тоже вилки – ножи на лоб да на грудь приклеивал. Держались колющие и режущие на теле хмельного стража порядка. Только тоже не очень долго.

Оба мужика, кстати говоря, померли в возрасте сорока с небольшим лет.

2.

Мой приятель Николай «пьяному забвению» был подвержен. И вот однажды, изнурённый многодневным запоем и руганью жены, решил к такому «целителю» обратиться. Кто ему насоветовал, не помню, а только поехал он, протрезвевший, к волхву – знахарю за добрую сотню вёрст на «сеанс».

Возвратился Коля дня через два, посвежевший и какой-то просветлённый. Позже рассказывал:

– Приехал я, а очередь к целителю – десятка полтора мужиков. Баб, правда, не было. Ну, думаю, и вправду знаток он и спец! Деньги берёт не очень большие, а вот бутылку водки с собой принести обязательно надо. Иначе он не принимает: у него на водочном принципе метод лечения зиждется.

Занял я очередь, дождался – на другой день до полудня на приём попал. Лекарь, как видно, уже с утра принял на грудь. Он меня за стол усадил, мою же бутылку откупорил, полстакана нацедил, пошептал что-то и руками над посудой поводит. Наконец, отступил от стола, рывкнул:

– Пей!

А мужик он матёрый, рожа багряная, ручищи волосатые... Тогда я:

– Ну, будь здоров, врачеватель!

А он:

– Да не забудь приговаривать: «Клянусь от зелья отречься, не возжелать и не прикасаться больше!» Что делать? – «Клянусь».

Легко пошла – давно не пил... Разговорились. Лекарь мне и поведал следующее: «Работал я трактористом. И здоровье, и деньги – всё было. Выпивал, конечно. Жена молчала до поры, но потом... ясно, какая баба пьянки каждодневные терпеть будет? Скандалить начала. Я как-то слушал-слушал, не дослушал. Психанул, завёл мотоцикл и к другу в гости покатил: душу отвести, значит. Только хмельной я был изрядно, не остерегся и в дерево шарахнулся. «Урал» мой уцелел, и мне повезло тоже – я только голову малость повредил. Что главное, боли как-то не почувствовал, даже свежесть какая-то в мыслях появилась».

Добрался я до приятеля, рассказал ему обо всех своих бедах. Он, конечно, поохал, поахал – посочувствовал, значит. А я на него гляжу – и всего насквозь, как на рентгене, вижу. Говорю: «Степан, а когда тебе аппендицит вырезали, ты не говорил, или я забыл?»

Стёпка на меня зенки выпучил: «С чего ты взял, про аппендицит-то?»

– Так я ведь шрам вижу!»

Степан обалдел: «Ведь это на тебя, Гриша, озарение снизошло! Бывает при сотрясениях! Ну и ну, чудеса в решете!»

– Нинка! – позвал. – Покажись-ка!»

Нинка вошла, хмурится: она к выпивке тоже отрицательно относится. Я спьяну и брякнул: «Ты зачем, Нина, волосья-то выбрила?» Та тоже очумела: «Ах ты, охальник!» – и осеклась.

Понятно, Стёпка на меня тоже обиделся. Потом. Раздружились мы с ним.

Водка кончилась, и знахарь меня прогнал.

Не пил Николай года три. Хоть и шархнутый был бульдозерист, а вишь, на пару лет приятеля моего от зелья отвадил... А вдруг шархнет?

Средства массовой информации, а особенно телевидение, учат нас, как вести себя в экстремальных ситуациях: при оползнях и селях, наводнении и землетрясении, пожаре и массовых беспорядках. А после того, как в столицы и мегаполисы стали забредать шахиды и прочие террористы, нас, граждан, стали призывать не проходить мимо оставленных без присмотра сумок, пакетов, ящиков, чемоданов и коробок. О подозрительных находках на вокзалах, стадионах, других общественных местах и на транспорте, в жилых домах и на детских площадках следует сообщать в надлежащие органы. Говорят, даже сильно беременные женщины могут вызывать подозрение, если они придерживают руками большие животы: там могут быть заложены взрывные устройства.

Я у себя на площадке сумку обнаружил. Раньше подумал бы: «Ну, сумка – и сумка. И что? Переезжает кто-то. Или к знакомым в квартиру зашёл,

а сумку оставил: вон она какая – обтрёпанная, старая, да и грязная ко всему. Конечно, куда с такой в гости».

Тут моя знакомая нарисовалась. Я ей говорю:

– Смотри, тут сумка какая-то. Подозрительная. Хотя и закрытая, но видно, что полная. Кто нынче сумки полные на площадках бросает без присмотра? А вдруг там...а?

Вот ещё одна дама подошла, с верхнего этажа. Она тоже женщина просвещённая, телевизор смотрит и газеты читает. И детективы тоже, поэтому – опытная.

Дама деловито нагнулась, ухо к сумке приложила, – не тикает, говорит. Значит, если там фугас, то его можно привести в действие дистанционно. И сумку смело открыла, а там... ящичек металлический, ржавчиной тронутый слегка, а вокруг него – железки, шайбочки, шпильки, проводочки. Подозрительно.

Нас уже было четверо на площадке. Постояли, посоветовались и вспомнили, что в угловой квартире Дима живёт. Он работает в администрации города каким-то технарём. Самая подходящая кандидатура – его можно в сумочный секрет посвятить.

Дима был дома, вышел на наши звонки скоро, удивился появлению шумной делегации:

– Слушаю вас, уважаемые соседки.

Та, что читает много, Нина, затараторила:

– Сумка там, возле лифта, странная такая... брошенная...облезлая немного. Мы послушали – не тикает. Но коробка в ней подозрительная, с железками, проводками. Может, дистанционно управляемая, и вдруг ... шарахнет?

Дима опешил, а через мгновение рассмеялся:

– Да моя это сумка, моя! Я в гараже своём всяких железок насобираю для дома, часть в квартиру занёс, а сумку – она тяжёлая – на потом оставил. В другое время её могли бы и спереть, а сейчас – боятся. Спасибо вам за напоминание и за бдительность!

А мы о потерянном времени не жалели: сейчас даже спасибо не так часто зарабатываешь...

13.09.2016

Не Чубайс я, не Гайдар...

Работаю я на «железке», на железной дороге, то есть, путевым рабочим. Работа, конечно, пыльная, хотя и на свежем воздухе, но в жару и в холод креозотом дышишь. Опять же, вкалываешь физически: шпалы и рельсы таскать – не всякому под силу.

И задумался я в один весенний день: а не податься ли мне в институт диплом добывать? Но на кого бы мне выучиться? Учителя в нищете и забвении прозябают, юристов – пруд пруди, инженеров – как собак нерезаных.

Решил – выучусь-ка я на финансиста-экономиста, буду с Чубайсом и с Гайдаром как сыр в масле кататься и людей на бабки разводить. Жена и мать дают добро. Дети не плачут.

Смахнул я пыль с аттестата о среднем образовании, подобрал других бумажек пачку и двинул в областной город высокое образование добывать.

В город я к вечеру прикатил, в институт, конечно, опоздал. Просил охранника по-братски:

– Друган, пусти переночевать, а утром я документы подам. С меня пузырь. Тот послал меня подальше, и я пошел.

«Домов колхозника» теперь нет, где можно было за копейки переночевать на раскладушке в коридоре. Теперь только гостиницы, то бишь отели. Но должны быть такие, где цены умеренные? Я не жадный, да барский комфорт мне ни к чему.

Короче, подсказали мне хорошие люди, куда идти. Конечно, хорошие: я в основном женщин за 40 спрашивал – таким врать резону нет.

И вот нашел я такую гостиницу, с чудным каким-то названием, на госпиталь похожим. И правда, приняли меня там, забрали паспорт и деньги. Отвела меня симпатичная администраторша в короткой юбчонке и белой кофточке, улыбочивая такая, в комнату с тремя кроватями. Там уже двое мужиков располагались: один – лётчик в форме подполковника, невысокий, лысоватый, на артиста Льва Дурова из какого-то фильма похожий. Второй смахивал на моего мастера: плечи широкие и рот широкий, брови – словно усы на лбу: кустистые, над глазами нависли, губы толстые – видно, поесть и выпить не дурак.

Так и есть: приветствовали они меня по-русски: у них уже был стол накрыт и две бутылки стояли. Я, конечно, лицом в грязь не ударил и свою тоже выкатил.

Застолье протекало достойно. Мы насущные проблемы толком обсудили: и текущие политические вопросы выяснили, и о работе, и о женах поговорили.

Оказалось, что подполковник Сергиенко Семен Васильевич много воевал: во Вьетнаме, в Судане, в Афганистане, ещё в нескольких странах со странными названиями, не все запомнил.

Вот он говорит:

– Мы летали в небе над Самаданом. Там жарко, фюзеляж накаляется, хоть яичницу в полете жарь! Однажды меня настигли пять самаданских истребителей, а у меня бомбардировщик и весь боекомплект израсходован!

– И что же ты? – это тот, похожий на мастера.

– Что-что. Я – по тормозам, включаю заднюю и – за тучу. Пересидел, короче, пока самаданцы не улетели.

Никита, что похожий на мастера, всё пытался рассказать, как он на крокодилов в Вологодской губернии охотился, но стал заикаться, махнул рукой и стал есть кильку в томате, брызгая во все стороны. Конечно, он же по банке кулаком стучал.

Я, в свою очередь, рассказал, как пустил под откос самолет польского президента Качиньского, но лётчик не поверил. Он сказал, что в небе над Свердловском рельсов нет.

Вечер, короче, удался.

Утром я с трудом оторвал голову от подушки. Но долг есть долг. Не умывшись, не побрившись, даже не почистив зубы, я кое-как оделся – голова кружилась, подташнивало – побрел на выход. Дежурная Вера как-то странно на меня посмотрела, да что ж тут такого? Я мужик видный, хотя и с похмела.

Короче, в институт меня не пустили. Охранник долго смеялся, тыкал в меня пальцем, показывал входящим – выходящим, и те тоже хмыкали. Потом этот сторож колхозный подвел меня к зеркалу: смотри, мол. И что же в этом стекле отразилось? Человек со включенными волосами, в них перья, как у индейца, небритый, в рубашке с погонами подполковника, заправленной в спортивные штаны с вытянутыми коленями, в пятнах томата. На ногах – коричневые армейские ботинки на сантиметровой подошве. Естественно, с диким перегаром...

Комната в гостинице была пуста. Вера, отсмеявшись, сказала, что похмельный подполковник Сергиенко С. В. надел мою рубашку и свою лётчицкую фуражку, в белых гостиничных тапочках, мелкой рысью умчался во свояси – опаздывал на самолёт.

И только похожий на мастера Никита покинул наше пристанище достойно: он оставил персоналу консервы и чудом уцелевшую бутылку непечатого вина. Сказал, что пить в одиночку ему запахло.

Не получилось из меня ни Чубайса, ни Гайдара.

Работаю я на «железке», то есть – на железной дороге, путевым рабочим. Работа, хотя и пыльная, но на свежем воздухе. К запаху креозота я давно привык. Опять же, вкальваю физически, таскаю шпалы и рельсы, а это прекрасная тренировка силы и выносливости.

А людей на бабки разводить умеют многие, их у нас – пруд пруди.

Тулуп

Старик ходил зимой в тулупе – старом, потёртом, с разнокалиберными пуговицами, часть из них были некогда на халате покойной жены.

Он бы и летом его не снимал, да только жарковато было, и он переходил на пиджак, такой же древний – видимо, ещё послевоенного пошива, и носил неизменно галифе. Из обуви дед признавал только сапоги.

А кроме того, были у него две лошадёнки, понурые и тощие, настоящие одры, едва тащившие дроги с их хозяином или лёгкие сани зимой. Он смастерил их сам для своих доходяг-лошадей.

Словом, картинка была ещё та, экзотическая и впечатляющая.

Половина деревни, молодое поколение, не знала, как его звали, где он живёт, с кем, кто его родственники и где они.

Тулуп был вещью исторической и раритетной, и носил его дед не из жадности: просто он не озадачивался обновками – люди его возраста плохо привыкают к смене вещей и не меняют привычек.

Дед не сидел в избе, а постоянно был при каком-нибудь деле: ковырялся в стайке, возился с лошадами. У него было хозяйство, четыре курицы, петух и коза, «нечистый дух», а также возил людям дрова и сено.

Говорил так:

– Если я остановлюсь, то больше с места не сдвинусь, очокурюсь в момент как пить дать.

Кстати, старик не пил и не курил – кажется, ещё после войны бросил:

– Ранение у меня было, в лёгкое осколок попал. В госпитале врач предупредил: «Хочешь жить, бросай эти грязные дела», – я бросил и очухался через пару лет.

Про войну он ничего не рассказывал, медалями не бренчал, на вечера и встречи не ходил. В костюме с наградами никто его не видел, да и личного костюма у него, по-моему, не было.

Но жил легко, сельчане его любили: мзду, как сказано, он за помощь не брал. Покормят, и ладно.

А тулуп был его визитной карточкой, как шляпа у Боярского или гитара у Высоцкого: он был незаменим в антураже деревни.

Жалким он не выглядел в своих «мехах».

Так он и ушёл из жизни, ведь жизнь человеческая имеет свой срок.

Хоронили его всей деревней.

Мила РОМАНОВА

Дорогое удовольствие

(рассказ)

Терезия презрительно скривила носик.

– Блузка у тебя... вообще замкадовская...

– Что это значит? – я не всегда понимала, что она имела в виду. Мы были очень разными. Возможно, именно поэтому дружили.

– Это значит, она выглядит старомодно и дешево! – изрекла она.

Я опустила глаза и растерянно осмотрела себя, насколько это вообще было возможно. Блузка как блузка. Очень даже ничего. Купила её на какой-то распродаже по хорошей цене. Надевала редко, только на официальные мероприятия, и считала, что она идеально подходит именно для такого случая.

– А мне кажется, нормально, – я по-прежнему была растеряна.

– Знаешь, что нужно делать, когда кажется?

– Что?

– Сходить к психологу.

Наверное, скажи мне эти слова кто-то другой, я бы обиделась, но Терезия... Она была для меня эталоном моды и иконой стиля. Высокая, стройная, с модной стрижкой и безупречно подобранным гардеробом.

– И... Что же делать? – я растерялась окончательно.

Она деловито посмотрела на стильные золотые часики.

– Еще есть время! Пойдем!

– Ку-у-да-а? – начала заикаться я.

– Как куда? В магазин. Блузку нормальную тебе покупать!

– Но... у меня денег с собой нет, – пыталась сопротивляться я. Не то чтобы я была против, просто действительно покупка новой блузки совсем не вписывалась в мой бюджет.

– У меня есть!

– Но...

– Никаких «но»! Когда сможешь, отдашь!

Я вздохнула и, понимая, что сопротивление бесполезно, поплелась следом за Терезией.

Новая блузка была куплена в дорогом бутике и стоила почти половину моей месячной зарплаты.

– Какая стильная! Ты в ней выглядишь совсем по-другому! – восхищалась подруга.

– Как по-другому? – я пребывала в легком унынии от внезапно образовавшегося долга.

– Стильно. Дорого. Это же здорово – носить такие красивые вещи! Получай удовольствие.

– Слишком дорого это удовольствие стоит, – слабо отпиралась я.

– Все ценное стоит дорого. И настоящее удовольствие – всегда дорогое.

Спорить я не стала, хотя и подумала, что мое «дорогое удовольствие» обойдется мне парой недель капустной диеты, поскольку на что-то более вкусное и полезное денег просто не хватит.

Конечно, Терезии этого было не понять, ведь она была женой банкира. И не простого, а руководителя самого крупного банка в нашем регионе. К слову сказать, в этом самом банке они и познакомились, когда она еще студенткой университета пришла к нему на практику. Терезия была

из очень известной и интеллигентной семьи: ее дедушка был генералом, а папа – знаменитый профессор. Но несмотря на это, с деньгами в семье всегда было не очень.

Что же касается Тимофея, то в его жизни все было как раз наоборот. Его родители сначала торговали на рынке, потом открыли магазин. Затем второй, третий... десятый. Бизнес процветал. Единственному сыну дали образование и через знакомых устроили в банк. Парень оказался хватким и хитрым. Где-то лестью, где-то при помощи интриг, но скоро он стал начальником отдела, а затем и заместителем руководителя, которого через пару лет благополучно «съел». К моменту их знакомства у Тимофея были деньги, но не было статуса и пропуска в высшее общество. Брак с Терезией давал ему всё это. Он же в свою очередь взялся заботиться о её благополучии.

Мы с Терезией были подругами еще с университета. Правда, моя жизнь сложилась несколько иначе. С тех студенческих времен за мной ухаживал парень по имени Сергей. Его воспитывала одна мама, и поэтому он постоянно подрабатывал. Работал в нескольких местах и был всегда занят.

Может быть, именно это и помешало ему сделать мне предложение. Мы продолжали встречаться до сих пор, хотя после университета прошло уже больше пяти лет. Несколько раз я хотела все прекратить. Но время шло, моложе и красивее я не становилась, а очереди женихов, предлагающих мне руку и сердце, возле моей двери не наблюдалось.

На работу меня взяли в небольшую аудиторскую фирму помощником аудитора. Я была этому рада, потому как молодому специалисту устроиться на хорошую работу бывает нелегко. А здесь перспективы...

Однако прошло пять лет, а перспективы так и остались в перспективе...

Всё это я к тому, что точки отсчета в наших с Терезией жизнях были совершенно разные. Но мы продолжали дружить. Она очень переживала по поводу моей неустроенности, поэтому время от времени «выводила в свет». А проще говоря, брала с собой на светские мероприятия в надежде познакомиться с кем-то. Возможно, с потенциальным работодателем или с потенциальным мужем.

Сегодня как раз был такой день: то ли конференция, то ли деловой ужин в одном из престижных ресторанов города. Очередное дорогое удовольствие.

Перед началом светского мероприятия в холле ресторана была организована традиционная фотосессия участников, и все присутствующие с удовольствием позировали.

– Пойду! – решительно сказала Терезия. – Нужно почаше мелькать в хронике светских новостей.

– Да. Иди. Я тут подожду, – и я отошла в сторону.

Терезия спорить не стала, только кивнула головой: мол, хорошо.

Народ в холле прибывал. Красивые, богато одетые женщины, холеные и важные мужчины. Мне было интересно наблюдать за всем происходящим, однако самой хотелось спрятаться в дальний угол и быть совсем незаметной. Наверное, мне это отлично удалось, потому как меня действительно никто не замечал: ни стоящие рядом люди, которые продолжали вести себя так, будто я – пустое место, ни официанты, которые разносили напитки и постоянно проходили мимо, не останавливаясь возле меня. А мне очень хотелось пить, и я с удовольствием выпила бы стакан воды, сока или красного вина.

– Это сутобо конфиденциальная информация, я надеюсь, что она останется строго между нами, – говорил солидный мужчина в дорогом костюме своему коллеге, который стоял ко мне спиной.

Они беседовали уже несколько минут, и я понимала, что разговор действительно важный. Став невольным свидетелем, я чувствовала себя немного неловко, но они, кажется, совсем меня не замечали.

Проходящий мимо официант остановился, чтобы предложить мужчинам напитки. Тот, что стоял ко мне спиной, взял в руки бокал красного вина, второй – стакан с виски. Я подумала, что это и мой шанс, протянула руку к подносу и тоже взяла бокал с красным вином.

Появление меня из ниоткуда стало столь неожиданным для мужчин, что они резко прервали разговор. Один из них, который стоял ко мне спиной, дёрнулся и резко повернулся. Его бокал наткнулся на мой, послышался звон разбитого стекла. Будто в замедленной съёмке я наблюдала, как содержимое двух бокалов опрокидывается на мою новую дорогую блузку.

Я была настолько ошарашена, что несколько секунд стояла неподвижно и думала лишь о том, что блузка, купленная в долг за половину моей зарплаты, безнадежно испорчена. Мгновенно я оценила ситуацию: вывести такое пятно и не повредить качество ткани практически невозможно. От этого я чуть не заплакала.

Совершенно расстроенная, я подняла глаза и увидела, что виновник этой ситуации пристально смотрит на меня. Мужчина не извинился и не попытался помочь. Он стоял и сверлил меня взглядом, прожигая насквозь. Когда мысли начали проясняться, я решила немедленно пойти в дамскую комнату, чтобы попытаться застирать пятно. Но только я сделала шаг в сторону, как мужчина резко схватил меня за руку чуть выше локтя. Его собеседник тоже подошел ближе.

– Кто ты? Кто тебя прислал? Почему ты за нами следишь?

Его слова были как удары по лицу.

– Я... не слежу. Я просто стояла. В углу. Случайно. И... я вас не знаю...

– Не знаешь? – мужчина странно улыбнулся. – Врешь! Меня все знают! Говори, кто тебя прислал? Говори, или будет плохо!

Он сжал руку сильнее, и мне стало больно.

– Но я действительно... случайно здесь... – слова застревали в горле, руке было больно, а красное пятно на блузке безнадежно подсыхало, убивая надежду хоть как-то его отстирать.

Ужаснее я чувствовала себя только раз в жизни, в далеком детстве, когда соврала маме по какому-то пустяку, а потом правда вышла наружу. С тех пор я никогда не врала. Это было просто не совместимо с моим образом жизни и системой ценностей. Но этот мужчина как раз и пытался обвинить меня во вранье. Да еще и в шпионаже! Это было слишком! Я посмотрела на него в упор, и мне показалось, что его глаза отражают какую-то пустоту и потерянность. Это придало мне сил.

– Да какое вы имеете право!

Я резко дернулась вперед и вырвала свою руку, а потом отклонилась и со всей силы влепила ему звонкую пощечину. В это время музыка в холле затихла, видимо, начиналась основная программа вечера. Поэтому звук пощечины разнесся эхом по всему холлу. Разговоры резко стихли, народ начал поворачиваться в нашу сторону. Я увидела, как несколько человек с фотоаппаратами направились в нашу сторону, засверкали вспышки фотокамер. Понимая, что меня больше никто не держит, я рванула прямо к выходу из ресторана и через мгновение была уже на оживленной вечерней улице.

Блузку спасти не удалось, как я ни старалась. Потом я плакала, стоя под душем, жалея свою невезучую жизнь и проклиная себя за то, что пошла на этот дурацкий вечер.

«Нужно знать своё место. Дорогие магазины и рестораны – это не моё. Куда я пошла? Зачем? Вот и получила! Нарвалась на хама в дорогом костюме... Слишком дорого для меня обошлось удовольствие от посещения этого светского мероприятия. Да и удовольствие, честно говоря, сомнительное... Никогда больше с Терезией не пойду! Нужно знать свое место...»

Я не буду подробно рассказывать, как на следующее утро в газетах появились фотографии, где я даю пощечину с надписями: «Известный олигарх получает пощечину в публичном месте!», «Девушка в грязной блузке напала на знаменитого олигарха с кулаками» и так далее. И о том, что на утро мне позвонила Терезия и долго читала лекцию о моем неприличном поведении в светском обществе... И про то, что в моей аудиторской фирме после этого случая на меня почему-то стали смотреть подозрительно... А Сергей позвонил по телефону и сказал, что между нами все кончено и что он никогда не думал, что я такая... Интересно какая?

Честно говоря, я так до конца и не поняла, что же такого случилось и что я совершила такого страшного, за что меня стоит осуждать. Но я не хочу об этом говорить. Каждый в своей жизни сам принимает решения и делает выводы.

Лучше я расскажу, как однажды утром, через неделю после этих событий, в дверь моей квартиры позвонили. Я никого не ждала, поэтому немного растерялась, когда открыла дверь и увидела курьера. Он принес посылку.

- От кого? – спросила я.
- Там все написано. Распишитесь вот здесь.
- Это не ошибка?
- Имя, фамилия, отчество, адрес ваши?
- Мои.
- Значит, все верно. Распишитесь.

Когда курьер ушел, я открыла посылку. В ней была новая блузка моего размера. Точно такая же, как та, что я облила красным вином на злополучном вечере.

«Снимаю шляпу перед отважной девушкой», – было написано в записке. И телефон.

Забегая вперед, скажу, что автором этой записки был совсем не «знаменитый олигарх» и не его коллега, который стоял рядом. Нет. Незнакомец был одним из тех журналистов, что снимали вечеринку, и который стал впоследствии моим мужем.

Я часто думаю о том, что Терезия все-таки очень помогла мне, приглашая на эти светские мероприятия. Ведь иначе я могла никогда не встретить человека, который и есть моя настоящая половинка, моя любовь, моё счастье. Теперь-то я точно знаю, что дорогое удовольствие – это не то, что дорого стоит, а то, чем дорожишь. То, что ценишь по-настоящему. Поэтому для меня сейчас самое дорогое, важное и нужное – это мое женское счастье. Жить в этом, быть частью этого – вот оно, настоящее дорогое удовольствие.

P.S.: Недавно в газете видела фотографии с очередной помолвки «знаменитого олигарха». Дорогая машина, дорогой ресторан, дорогие наряды... Веселье, гости. Всё на высоте. Ещё бы!

Но глаза у человека на фотографиях были такие же, как во время нашей встречи в ресторане – пустые и потерянные...

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Надежда НИКУЛИНА (ПОНОМАРЁВА)

Мне город без тебя не нужен,
ночь заболела, день простужен,
и улиц ширь мешает спать,
тебя не устаёт искать
синица, что с зимы застряла
в моих краях,
она не знала,
что ты исчезнешь, я сорвусь.
Теперь я за неё боюсь.

Апрель 2012 г.

Летит стрела в невидимую даль,
Она заденет и убьёт кого-то,
И будет ночь холодная, как сталь...
Поток луны, разрезавший болото.
Кричат лягушки, вопли лягушат
Не перекрыть распевами военных,
Летит стрела, и ей сейчас решать,
Кого спасти, а кто здесь будет первым.
Про твой удел не знаю ничего,
Сейчас вздохну и поднимусь немного.

Летит стрела, темно, с небес луна
Глядит печально и совсем нестрого.
Болотный смрад и снова эта даль.
Здесь каждый шаг – утрата и надежда.
Летит стрела. И вот уже она
Коснулась рук и порвала одежды.
Летит стрела в невидимую даль.
И кажется, все песни перепеты.
И где-то умирает юный скальд,
Слагая драп на новые сюжеты.

Октябрь 2012 г.

Струны ветра в переборе
Заигрались,
А потом...
Зазвучал на небе гром.
Оркестровой партитуры
Не читали, но теперь
Открываем шире дверь...
Все стихии будут рядом:
Дождь без меры,
С ветром, с градом,

Перережет полотно
Свора молний,
И в окно
Просочился запах лета
С тучей чёрной,
Вспышкой света
Дом тряхнёт...
Под визг ребячий
Мир от радости заплачет.

Май 2013 г.

Ангина. Мёд и молоко,
Имбирь, лимон, корица.
Мне стало плохо от того,
Что он давно не снится,
Не пишет писем, не звонит,
Не думает, не знает,

Что от малины и воды
Никто не оживает,
Что от настоя летних трав
День в строчки не ложится,
Что вместо нежности теперь
Имбирь, лимон, корица.

Январь 2014 г.

Мой мотылёк уснул. Ещё вчера
Писал стихи под лампой на балконе.
Сегодня спит, и жухлая трава
Его крыла цветастого не тронет.
Сегодня он как куколка лежит,
А был упрям, не думал о простуде.
Он просто мотылёк, который жил,
Уверенный, что осени не будет.

Сентябрь 2020 г.

Приговорён к Тюмени (без расстрела),
К реке, что вдоль, а может, поперёк,
Уже давно моя душа хотела
Умчаться прочь, а я никак не мог
Собрать багаж, в огромном чемодане
Все дни сложить, которые с тобой
Мы пережили вместе... Жилы тянет,
Когда поют про город золотой.

Ноябрь 2020 г.

Оставить в покое
Легко ли?
Левкой
Не в вазе, на воле,
Без боли
Легко ли?

Из штата героев
Да в чистое поле
Легко ли
На воле?
Легко ли?
Левкой.

Июль 2021 г.

Прощальное фото: подсолнухи в небо.
Начать это лето сначала, но мне бы
Хватило немного, пять дней от июня,
Немного, но можно шестой до полудня,
Пять дней – чтобы лето, чтоб солнце над нами,
Чтоб небо смотрело живыми глазами,
Чтоб детство казалось далёким, но рядом.
Прощальное фото: подсолнух над садом.
Август 2021 г.

Дождливое утро. И точка опоры
В краях, где в лазурь одеваются горы,
Где ветер рассветный качает верхушки
Больших кипарисов, где кофе не в кружке,
А опыт соцветий, с заботой и сроком,
Где кормит детей сытной кашей сорока,
Где можно с улыбкой, без страха и маски
Обычным прохожим рассказывать сказки,
В краях, где неловко от грубого слова,
Где старый рыбак не придёт без улова,
Где можно проститься и сразу обратно...
В краях, где дождливо и всё же приятно.
Апрель 2022 г.

О времени не скажешь в двух словах:
Бежит, летит, торопится, умеет
Быть другом и врагом. Сейчас смотрю,
Как дикий куст у дома зеленеет,
Считаю день и думаю опять
О времени, которое не знает
Ни жалости, ни милости, ни сна.
Едва приходит юная весна,
За ней уже крадётся знойный полдень...
О времени влюблённые не помнят
Да рыбаки, испившие вина.
Май 2022 г.

Заборы, запреты, регламент, приказы,
Контроль без заботы, дежурные фразы...
И всё же свобода
В предпраздничной суете
Быть самым счастливым... Я небо рисую
На белом листе и тебе отправляю
Просторное небо. И я там летаю.
Без права посадки на крышах Тюмени.
Но небо и счастье никто не отменит.
Декабрь 2022 г.

Метель разыгралась:
Не видно дороги,
Пустыня из снега,
Где все одиноки.
Кружила, резвилась,
Кричала и пела
Метель, нас запутать
И сблизить хотела.
Дразнила, звала,
Обнажая пределы...
А день был как ночь,
Только чистым и белым.

Январь 2023 г.

На метель и снегопады
Собираются в отряды
Золотые облака,
Вечер, чашка молока,
Дом, как хижина из рая,
Внучке косы заплетая,
Вспоминаю про тебя,
Солнце в прядях теребя,
Вспоминаю дни заботы,
Время складывая в соты,
Между завтра и вчера
Зависаю, как пчела,
Над цветком душистой мяты
На метель и снегопады...

Январь 2023 г.

БАБУШКИНЫ КУЛИЧИ

Ты испекла на праздник куличи.
Изом был золотистым и блестящим,
Орехи, мёд и яркая глазурь...
Ещё любовь. Она всегда приправой
Для главных блюд пасхального стола.
Однажды ты на Пасху умерла,
Но куличи из печки вынимаешь
И ставишь на столы своим родным
Заботливой рукой и незаметно.

Апрель 2023 г.

Время – к дому.
Время – вечер.
Говорят, что время лечит.
Время – быстрая река,
Что уходит в облака.

Июнь 2023 г.

Февраль потерь.
Я скрипку потерял.
Висела на стене,
Потом исчезла.
Наверное, ей стало
В доме тесно.
Она устала.
Или я устал.

Февраль потерь.
Я друга потерял.
Звонил с утра
И на закате тоже.
Сейчас он говорить
Со мной не может.
Вернуть его?
Но далеко вокзал.

Февраль потерь.
Учитель мой ушёл.
Он рядом жил
И приглашал годами
На чашку чая,
В гости просто так...
А я чужак,
Всегда искал предлог
Прийти к нему,
А просто так не мог.

Февраль 2020 г.

Наталья ГОНЧАРОВА

Оборотень

Случилось это в чудную январскую ночь. Мы с Тамаркой засиделись у бабушки. И хоть давно уже отогрелись с мороза, напились чая со смородиновым листом и отведали горячих шанег, медлили уходить. А время подкрадывалось к полуночи.

– Подзадержались мы, – наконец важно изрекла Томка. – Дома ждали, а идти-то не близко.

– Баба Паша, пойдем мы уже, наверно, – поддержала я подругу.

Старушка оставляла нас ночевать, но Тома вспомнила о каком-то замечательном фильме по второму каналу. Смотреть фильм на черно-белом стареньком экране казалось совершенно недопустимым, ведь Тамаркин отец недавно привез из города современный цветной телевизор.

– Ну, ступайте, девоньки, коли надумали. Вдвоем-то вам и не так страшно будет.

– А чего ж в своем селе бояться? – искренне удивилась Тома.

– Так ведь и не только от людей можно страху натерпеться. Нам еще старые люди сказывали, что на Святки из земли всякая нечисть выходит. Сейчас самые такие дни наступили. Вот в прошлый год у запруды как раз в Крещенскую ночь Семён Ефимов свинью видал. На задних копытцах бежала напрямик к Воробьиной избе.

Все в нашем селе знали, что старехонькая бабка Клавдия Воробьева – настоящая колдунья, или знахарка, как называли её соседки, возрастом всего на десяток лет помоложе самой Клавдии. Поговаривали, что бабка и змея из петушиного яйца выпаривала, и сама каждый год на Святки оборачивалась свиньёй, бегала по деревне, передними копытцами в окна стучала, пугала добрых людей.

– Да ничего Прасковья Ильинична, мы с Тамарой смелые, – робко вставляю я, вспомнив, что путь наш лежит как раз мимо запруды.

– Баба Паша, а может, вы нам средство какое-нибудь защитное подскажите, вдруг и впрямь на пути что недоброе встретим, – попросила Тамара.

– Ну что ж, дам я вам средство самое верное, еще дед Мирон мне его рекомендовал, а уж шибко «знаткой» был старче. Особенно хорошо от оборотней помогает.

Добрая старушка вынесла из чуланчика двухлитровую банку с какой-то мутной жидкостью, на дне банки плавала неприятная на вид студенистая масса.

– Встретится вам на дороге оборотень, мохнатый да горбатый, так вы зелье моё на него выплесните да сразу и прыгайте сверху. Тут он враз присмирет, как самая послушная овечка. А коли не пригодится вам моё средство, то ты, Тамара, банку эту матери отдашь, я давно уж Татьяне обещала.

Через пару минут мы с Томой стояли на крыльчке, всматриваясь в темный силуэт огромного тополя в соседском палисаднике. Однако вскоре настроженность покинула нас, и мы, подшучивая друг над дружкой, заспешили домой. Жили-то мы с Томой по соседству на другом конце села. Тишина стояла на деревенских улицах. Только кое-где лаяли потревоженные собаки, да поскрипывал под ногами снежок. Тома даже запела было тихонько, запрокинув голову к иссиня-черному небу, усеянному серебряными кляксами звезд.

Но успокоились мы, похоже, слишком рано. Когда проходили по мосточку возле запруды, в особенно тёмном месте, мне послышался в кустах подозрительный шум. Не сговариваясь, мы остановились как вкопанные. Так и есть, кто-то шумно продирался по сугробам сквозь заросли ивняка и вот-вот должен был показаться на тропинке перед нами. Тамара ойкнула от страха и чуть было не выронила из рук банку бабы Паши. И тут прямо на нас из темноты выкатилось странное существо со спутанной лохматой шерстью. Но я всё же не растерялась – одним махом сорвала крышку и выплеснула заветное зелье на оборотня. Томка взвизгнула и прыгнула на этого нечистого сверху. Мне пришлось помогать подружке, потому что оборотень явно не торопился присмиреть. Существо под нами сопело, хрюкало и даже всхлипывало. Но мы решили начисто отбить у него охоту пугать девчонок. Вдвоём что есть мочи стали мы его колотить. Особенно старалась осмелевшая вдруг Тома, ей пришлось в голову вытрепать у этого жалкого оборотня его мохнатые уши. Тамара силой рванула шерсть у него на голове и... Мамочка моя! Что мы увидели! Из-под мохнатой шапки-ушанки на нас таращились испуганные глазенки Саньки Кушманова. Я ахнула и метнулась прочь, пораженная страшной догадкой. Тома не отставала от меня, и с громкими криками мы помчались к дому.

Вскоре, согревшись в тёплой комнате, мы наперебой рассказывали родителям о встрече с оборотнем. Тётя Таня, правда, рассказу нашему не очень поверила, да ещё и поворчала за разбитую банку с чайным грибом. Говорят, хорошее средство для повышения иммунитета, но у бабы Паши, наверное, сохранились ещё кусочки, поделится ими ещё раз.

На следующее же утро наш одноклассник Санька Кушманов с упоением рассказывал пацанам о двух ведьмах, которые сперва облили его какой-то дрянью, а потом скакали на нём по всему селу. Друзки верили, уважительно поглядывая на помятого рассказчика. Особенно впечатляли следы выдранной шерсти из его полушубка и растрёпанная шапка.

А старёхоньякая бабка Клавдия Воробыха, поговаривали, после Святков совсем слегла, до весны из своей избушки не вылазила. «Годы уж мои не те», – жаловалась она правнучке, что приносила ей продукты. – Попробуй-ка в девяносто лет на задних копытцах побегать».

Любящее сердце

Лил холодный осенний дождь. Мелкие капли его, словно маленькие стрелы, больно кололи шею, попадая за шиворот. Я бродил по пустым улицам города уже довольно давно и промок насквозь. Злое чувство, выгнавшее меня из дома, теперь проходило, и лишь пресловутая гордость мешала вернуться. К тому же я знал, что она уже начала беспокоиться, и хотел еще немного ее помучить. А перед глазами вдруг встали котлеты – поджарившиеся, ароматные котлеты с мягкими кольцами лука. Котлеты она всегда делает замечательно, а я ведь ничего не ел с самого утра. И обидней всего, даже не мог теперь вспомнить, с чего мы опять начали ссориться. Может, с моего замечания, что её новая дорогая блузка ей не идёт. А может, оттого, что наши выходные опять не совпадают, я должен уехать из города в субботу. Странно, каким все это глупым казалось теперь.

Впереди показалась озябшая аллея, совсем стемнело, и дождь поредел. Я медленно направился вглубь старого парка, мне было всё равно

куда идти. За кустами просматривались контуры одинокой, чёрной от дождя скамьи, и я зачем-то решил подойти к ней. Приблизившись, я увидел фигуру человека, сидевшего прямо на мокрых досках. Мне вовсе не хотелось заводить беседу, да и привычное чувство осторожности городского жителя давало о себе знать. Но человек вдруг поднял голову и тихо промолвил: «О, прошу вас, не бойтесь нарушить моё одиночество. Напротив, сейчас я так хотел бы с кем-то поговорить». Тон его голоса, да и сама фраза показались мне несколько высокопарными, но я машинально подошел ближе и теперь смог лучше рассмотреть этого странного незнакомца. Да, он и впрямь показался мне странным. Худая, сторбленная фигура. Растрепанные длинные волосы шевелились на слабом ветерке, словно живые. Даже тонкие высохшие руки, казалось, слегка покачиваются в такт ветру. На человеке был какой-то длинный балахон, спадавший вниз широкими складками. Впрочем, на бездомного бродягу он вовсе не был похож. Я еще подумал тогда, что он выглядит, как приверженец какой-то религиозной секты или как вечно несчастный непризнанный поэт. И даже сам его голос напоминал мне шелест сухих осенних листьев под ногами. Я не рискнул сесть на мокрую скамью и просто встал рядом. А странный человек вдруг привстал и, обратив ко мне бледное лицо, снова произнес: «Вам, верно, хочется узнать, кто я. Что ж, давайте знакомиться. Я – Летний Ветер». О, да мой случайный знакомый немного не в себе. Правда, уходить мне уже не хотелось, я зачем-то решил подыграть ему.

– Очень рад встретиться с вами. А я – человек.

Именно так, по-моему, следовало представляться летним ветрам. После такого своеобразного знакомства молчание затянулось, и я, не желая мёрзнуть и мокнуть зря, спросил как можно участливей: «Вид у вас грустный, похоже, вы чем-то расстроены?» Не очень-то рассчитывая услышать ответ, приготовился было откланяться, как вдруг услышал: «Не знаю, поймёте ли вы меня. Видите ли... я не умею любить. И хочу любить, отчаянно хочу любить при этом».

«Знаете, – продолжил он свой рассказ. – Раньше я всегда считал, что любовь – это одно только счастье, на то она и любовь. И не слушал Старые Качели. Вы ведь знаете, конечно, Старые Качели?»

А кто же не знал их в нашем маленьком городе? Раньше Старые Качели стояли в самом центре городского парка – два высоких железных столба сверху соединялись массивной перекладиной, через которую были перекинуты две толстые железные цепи. На цепях в полуметре от земли лежала огромная доска. Днем на качелях всегда было множество ребятишек самых разных возрастов, а вечером романтические юноши назначали здесь встречи дамам своего сердца. Но вот уже почти год качели были разобраны и свезены на окраину городка. На их месте появился новый аттракцион – красочная карусель с лошадками.

– Я частенько навещал Старые Качели в парке, тёплыми летними ночами раскачивал огромные цепи и посмеивался над скрипучими предостережениями. А ведь Качели – мои старые друзья, давних друзей следовало бы поберечь.

Тоскливо у меня на душе сейчас, но было время, когда я считал себя самым счастливым на свете. Я был очень молод и беспечен тогда. Мне нравилось пролетать вечерами по вашему шумному городу. Нравилось заглядывать в окна стареньких пятиэтажек, трепать волосы и одежды людей, рассыпать по улицам тополиный пух.

То был разгар лета. И тогда я полюбил впервые. Однажды в полдень я пролетал над зеленым лесом неподалеку от города. Воздух, полный ароматов луговых трав, меня пьянил, и я решил отдохнуть на приглянувшейся мне лесной поляне. Тогда я был хорош. На моей шее висели гирлянды полевых цветов и свежих берёзовых листьев. Это сейчас дни мои истекают и наряд мой скучен и сер, а летом я носил шлейф из цветных крылышек бабочек, а волосы переплетал мягкими перышками из птичьих гнезд, украшал бисеринами воды из ручья. Это сейчас веет плесенью от моих волос, а тогда... Но что горевать, за летом всегда подкрадывается осень, о ней я совсем не думал.

Итак, я был хорош, но Лесная Поляна показалась мне несравненной красавицей. И я полюбил её со всей своей молодой силой. Как трепетали в моих ласковых руках точёные листья её берез, как покорно густые травы сплетали мне уютное ложе. Поляна выслушала мои страстные речи и позволила прилетать. Светлыми июльскими вечерами я шептал Поляне о дивной прелести её, об изяществе стрекоз, о прохладе маленького ручейка. Я вторил посвистам птиц, трепал зелёные гривки осинок, но они вовсе не сердились на меня за это. Они знали – на то я и ветер, чтобы тревожить покой их гибких веточек. И вот я уже и на день не мог расстаться со своей любимой. Я засыпал в её нежных объятиях и каждое утро будил мою красавицу поцелуями. То были для нас самые лучшие дни.

Однажды в гости к нам залетел соловей. Он показался мне столь скромным и вежливым, что я сразу решил подружиться с ним. Озаряемая лунным светом Поляна была особенно прекрасна, и я, слушая соловьиные трели, мечтал о вечном лете, где мы всегда были бы вместе. Но как-то ночью Поляна прервала мой шепот, когда соловушка пел в её честь дивную арию.

– Потихе, друг мой, ведь сегодня последняя песня! Наступает время забот.

Но я едва дослушал её. В первый раз сердца моего коснулась тревога – я вспомнил, какой равнодушной ко мне стала Поляна в последние дни. И вот сейчас она велела мне умолкнуть, раз пел её любимец. Она, так прежде ценившая наши беседы! Что же, мой голос ведь так невзрачен по сравнению с ругадами маленькой птички.

И тогда, полный ревности и злобы, я улетел к Старым Качелям и долго мучил их, раскачивая ржавые цепи.

– Да не шуми так, глупый, – наконец, взмолились они. – Понимаешь, весна прошла и лето уже проходит, а столько еще нужно успеть... Все меняется, и никто не может оставаться таким как прежде. Нужно принять и смириться... или уйти.

И я покинул Поляну, я перебрался в город. Я стал завсегдаем городских парков и площадей. По утрам насмехался над дворниками, расшвыривая мусор по мостовым, задираю тонкие платья девчонкам на автобусных остановках, развлекался с дымом из толстых полосатых труб ТЭЦ. Давно уже я вынул из волос сухие цветы, что подарила мне когда-то Поляна, оторвал июньские звезды с моего плаща, я плакал вместе с городскими дождями и не мог простить...

Однажды, высоко в небе, среди пасмурных туч сентября встретился мне мой непоседливый дядька – Странник Вихрь. И его я попросил помочь в моей мести.

– Слетаю в рощу, накажи изменницу, покажи ей всю силу и страсть нашего рода.

Лестными эти слова показались Вихрю, и с радостным воем он взвился вверх. Совсем почернело небо, полетели сухие листья, подняли воротники прохожие, но все тяжелей было в моей груди.

– Глупый, глупый Ветер, – с усилием проскрипели Старые Качели. – Разве могло так поступить преданное сердце? Видно, самолюбия и гордости в тебе больше, чем любви.

Это были их последние слова, но тогда я ещё не знал, что на следующий день придут в парк люди в спецовках, подъедет большая машина, и качели разберут на дерево и железо. И тогда я еще не понимал, что потеряю единственного друга, который всегда мог выслушать меня, понять мятущуюся мою душу.

И я полетел к моей Поляне. Но незнакомая, пугающая картина предстала моим глазам. Голые сучья деревьев сиротливо чернели на фоне мутного неба, сухие скелетики трав окружали ручеек, почти засыпанный ржавыми листьями. Растрепанное птичье гнездышко лежало в куче хвороста под деревьями. Тишина стояла вокруг. В недоумении искал я прежнюю красоту моей Поляны и не понимал, что здесь могло пленить меня раньше. Одинокое мне сейчас и тоскливо – много дней неприкаянно мотаюсь я по серому городу и не могу найти утешенье. Прежние забавы наскучили мне, а выдумывать новые нет ни желания, ни сил.

Мой странный рассказчик умолк, и я молчал тоже, смотрел себе под ноги, шевелил носком грязного ботинка пустую баночку «Балтики», выкатившуюся из-под скамьи. Когда же, наконец, я решился поднять голову и пробормотать несколько банальных фраз в утешение, то увидел, что рядом никого уже нет. И тут повеяло вдруг чем-то теплым, летним, родным... Легкий порыв ветра коснулся моего лица, и всё стихло. Дождь давно кончился.

Я торопливо шёл по темным, мокрым улицам города – я шёл домой. Фонари провожали меня безразличными невидящими взглядами, припозднившийся прохожий спросил сигарет – я ничего не слышал. Я шёл домой. Меня ждали котлеты, теперь уже, конечно, остывшие, но что это для человека, который не ел с самого утра? И меня ждала она. Я увидел свет ночника в нашей спальне, заметил её силуэт за задернутой тонкой шторой. Я готовился рассказать ей удивительную историю, приключившуюся со мной сегодня.

Я знал, что она будет слушать меня с широко раскрытыми глазами, будет ловить каждое слово, прижавшись ко мне, а потом скажет: «Ну, как ты не понял! Это же был самый настоящий Летний Ветер. Сейчас он понёс печаль свою в тёплые страны, а на будущий год непременно вернётся, чтобы снова любить и радоваться жизни».

Вита АКИМОВА

Пока мы вдвоём...

Королева

Забудь, как не однажды забывал,
Вычеркни меня, как строчку в книге.
Будь уверен – ты завоевал
Первенство в любовной Высшей лиге!

Мысленно поставишь за стекло
Кубок победителя-повесы.
Знаешь, мне совсем не тяжело
Удавалась эта роль принцессы!

А теперь – по разным сторонам!
Пусть тебе – направо, мне – налево.
Оставайся с титулами сам.
Я – без ничего... и Королева!

Девушке уже под тридцать...
А она одна.
Ей ночами часто снится
Шаль... и седина.

Снится – дети приезжают,
Внуки к ней бегут.
Эти сны под утро тают,
Ночью – сердце жгут.

Вновь застолье у соседей,
Съехала родня.
Задушевные беседы,
Песни у огня.

Внуков радостные лица
Брызжут озорством...
Женщине уже за тридцать,
Но пустует дом.

За окошком вновь гуляет
Яркая весна.
А она лежит, вздыхает,
Крутится без сна.

Чуть задремлет – сон приходит –
Полный дом родных.
Одинокая старуха
Обнимает их...

Квартира

Под вечер сутулятся тени,
И небо объемней и шире.
Мы столько от жизни хотели,
А сами сидели в квартире.

Мечтая о солнечном свете,
Плотней задвигали шторы,
К далёкой, незримой планете
Свои устремляли взоры.

Цветы на окошках вяли,
Короткая жизнь уныла.
Манили нас дальние дали,
Чужая звезда светила.

Мы ссорились слишком часто.
И в этом огромном мире
Искали крупницы счастья
В холодной тёмной квартире.

Он

Осень. Сырость. Всюду лужи.
Отключаю телефон.
Знаю, мне совсем не нужен,
Мне совсем не нужен... Он.

Окна – снова нараспашку!
Музыка дождя поёт.
Он забыл свою рубашку.
Нет, я знаю – не придет.

Одиночество. Разлука.
В сердце боль, утрата, стон.
В жизнь мою, вот так, без стука,
Словно тень, прокрался Он.

Нет, винить судьбу не стану,
Видно, осень, как всегда,
Ярким пламенем обмана
Порождает холода.

Сладкая любовь

Сердце, словно шоколад, плавится...
Твои губы и глаза мне так нравятся.
Карамельными витками волосы,
Сладость на губах твоих, в голосе.

Наши встречи клубнично-медовые,
Каждый раз необычные, новые.
Рассыпается сахаром радость,
Стала приторна мне эта сладость.

Обещанья со вкусом ванили,
Ты скажи – мы друг друга любили?
А варенье с кусочками лета –
Разве мы не мечтали об этом?

Многое

Многое было сказано,
Многое... Только зря.
Мы неразрывно связаны
Счетом календаря.

Годы, недели, месяцы
Прочно связали нас.
Надо же было встретиться,
Чтобы уйти сейчас.

Узел прочнее прочного
Нам не дано спасти.
Что же случилось срочного,
Раз ты спешишь уйти?

Многое было сказано.
Лучше – не говори.
Больше ничем не связаны
Наши календари.

Вишневый сад

Вишневый сад, что пышно цвел весною,
Ссутулился с годами, поредел.
Он очень много лет на нас с тобою
Сквозь ветви укоризненно глядел.

Шумел, дрожал, просился в дом погреться,
А ночью жался к тусклому стеклу.
Мы не открыли ни окна, ни сердца –
Сад одиноко кутался во мглу.

Теперь стоит полуживой, пригнутый.
Мы ни любовь, ни сад не сберегли...
«Цветет» он раз в году – зимою лютой,
От боли наклоняясь до земли.

Тяжелая осень

День с обличем суровым,
Тёмен, неприветлив сад...
Листья хмурые, как вдовы,
С веток сумрачно глядят.

Осень. Мрачная погода.
Сердце рвёт вороний крик.
Задремавшие болота,
Зеленее каждый миг.

Пахнет сыростью и мхами.
Тяжело моей душе.
Душит, давит, словно камень,
Осень в черной парандже.

Андрей АНДРЕЕВ

Три желания

Рыбалка – это религия. Для тех, кого она заманила в свои сети, нет пути обратно. Рыбалка состоит из нескольких этапов, каждый из которых сам по себе по отдельности уже удовольствие.

– Подготовка к рыбалке. Поиск и покупка необходимых снастей, прикормки, одежды, обуви.

– Сборы на рыбалку. Правильная упаковка и укладка того, что куплено.

– Дорога до водоёма с друзьями с оглашением того где, сколько и как ты намерен рыбачить.

– Сама рыбалка. Время наедине с собой, когда в голову могут приходиться потрясающие мысли, способные спровоцировать жизненные изменения или решения тех вопросов, которые до этого занимали голову.

– Приготовление рыбы под рассказы, как прикармливал, как подсекал и как сорвалась воот такущая рыбина!

Михаил любил все этапы, но последний ему нравился особенно. Он любил и умел готовить рыбу и рассказчиком был отменным. Другим нравилось слушать его рассказы, изредка прерываемые тостами.

Нынче, как обычно, Михаил надеялся хорошо провести время со своими друзьями. Правда, из головы не выходил последний разговор с женой. Она давно хотела на море, а текущие затраты никак не давали возможность скопить необходимую сумму.

И длилось это уже несколько лет.

«Как же можно ещё заработать денег?» – крутилось у него в голове.

Мысль не улетела, даже когда приехали, и началась рыбалка. Место было прикормленное, и погода благоприятствовала, но клевало плохо. Объяснений этому Миша не находил.

Попробовав забросить удочку в другое место, он ещё и зацепился за что-то на дне. Невезение продолжало его преследовать. Хорошо, что была тёплая погода, и можно было нырнуть и попробовать отцепить крючок.

Михаил разделся, не спеша зашёл в воду и медленно погрузился.

«Купи срочно акции Газпрома, и через неделю они вырастут в цене в два раза», – пронеслось у него в голове, как только он оказался на глубине.

Он, придерживаясь лески, добрался до крючка, который оказался зажат между двух непонятно откуда взявшихся камней необычной формы, и освободил его. Вынырнув, сильно удивился, потому что солнце уже скрывалось за кустами прибрежной ивы, а когда заходил в воду, оно было в зените.

Очень озадачившись этим фактом, Михаил вспомнил про пришедшую под водой мысль про акции Газпрома. Он никогда не занимался покупкой акций и ничего про это не знал.

– Вот же как озадачила проблема с деньгами, что уже и на рыбалке не отпускает.

Друзья не заметили его долгого отсутствия, так как каждый ловил рыбу в собственном прикормленном месте, чтобы не мешать друг другу.

Вернувшись на следующий день домой с рыбалки и так и не разобравшись, что же с ним произошло во время освобождения крючка под водой, он задумал все-таки купить акции Газпрома.

Не имея собственного брокерского счета и не желая этим заморачиваться, Миша попросил соседа, с которым у него были хорошие отношения и который давно торговал на бирже, купить для него акции Газпрома. Имея в загашнике 50 тысяч рублей, которые откладывал на новый спиннинг и на предстоящее серьезное ТО машины, решил рискнуть всей суммой.

Отдал деньги соседу и забыл. Суета закружила его чередой дел. Так пролетела неделя, а в понедельник раздался звонок соседа.

– Дружище, ты поднял неплохие деньги на акциях, которые просил меня купить. Газпром взлетел в два раза. Будешь фиксировать прибыль и выводить деньги или будешь ждать дальнейшего роста?

Михаил был не просто удивлён, он был озадачен и встревожен. Значит, то, что произошло с ним под водой во время рыбалки, имеет какой-то смысл. Значит, это было совершенно не случайно или все-таки совпадение?

Мысли под водой про акции Газпрома были про рост в два раза, он случился, значит, нужно выводить деньги, платить налоги и думать, что делать дальше.

– Сосед, выводи, я очень тебе благодарен.

Невероятность произошедшего не давала уснуть. Заработок в 50 тысяч за одну неделю ничего не делая порадовал, но для поездки на море всей семьей требовалось намного больше. Сначала Михаил подумал, что его подсознание наконец-то проснулось, и началась новая жизнь. В ней не будет суеты и терзаний по поводу того, правильно я сейчас поступаю или нет. Будут лишь продуманные и принимаемые без оглядки решения, которые ему будет подсказывать подсознание. Идея понравилась и даже позволила уснуть в ожидании новых подсказок. Проснувшись, Миша с досадой понял, что подсказок во сне не случилось, или они ему не запомнились.

День прошёл обычным образом. Но так просто забывать то, что произошло, он не мог. Это было похоже на шанс, который бывает раз в жизни и сможет изменить её.

Хотя жаловаться на жизнь Мише не приходилось. Красавица и умница жена была ещё и надежным другом. Родители любили её не меньше, чем его самого. Сыновья росли настоящими помощниками и про учебу не забывали. Друзья были надежные, проверенные временем. Один из них даже стихотворение ему посвятил:

Он – повелитель камня,
Каспий, Севан, Валдай,
Кто придумал названия
Попробуй-ка угадай.

Он – заклинатель рыбы:
Щук, карасей, плотвы,
Ловит её он ведрами,
Такое видали вы.

Каменные его бабы
Будят в мужчинах страсть.
Этот кудрявый парень
Над гипсом имеет власть.

Он угощает рыбой
Родственников и друзей.
Этого парня кудрявого
Можно хоть щас в музей.

Иногда возникали небольшие проблемы с деньгами, но их, как известно, много не бывает.

«Нужно попробовать медитировать», – мелькнуло в его голове.

Перед сном прошли вариации медитирований:

– Неспешный счёт до тысячи (не помогло).

– Сводил глаза в область носа (не помогло).

- Открывал третий глаз (не открылся).
- Пытался ощущать собственное дыхание (заснул).

Неделя прошла в поисках пути к подсознанию, и вечером в пятницу наконец-то посетила интересная идея. Нужно ехать на рыбалку в то же самое место, лучше в то же самое время и обязательно нырнуть к тем камням, в которых застрял крючок. Вспоминая, как быстро пролетело время, пока он был под водой, чтобы никого не напугать, поехал один.

Предупредил жену, что в субботу поедет на рыбалку. Собрался с вечера и на рассвете выехал. По дороге размышлял, как ещё можно заработать для поездки на море, если чудеса закончатся. Для рыбалки нужно время и терпение, а его-то как раз и не было. Хотелось быстрее проверить версию с погружением к камням.

Утром в воде было ещё прохладно, но уж очень хотелось быстрее закончить то, ради чего приехал. Михаил разделся, поёжился и нырнул, как бывалый спортсмен, в то же самое место, где в прошлый раз застрял крючок, без труда найдя камни и даже поведив по ним руками примерно так же, как тогда, когда освобождал крючок. Камни показались ему намного меньше, чем в прошлый раз. Ожидая новую подсказку, он немного задержался, но мысли про акции не приходили. Успел только подумать о строительной выставке в Москве, которую ещё полгода назад решил посетить. Вынырнув, немного расстроился – мыслей о легком обогащении не пришло. Но тут он заметил, что солнышко уже в зените, а значит, на суше прошло не менее 4-х часов. Так же, как и в прошлый раз. Значит, произошло что-то похожее на прошлый случай. Поскольку единственной пришедшей под водой в умную Мишину голову была мысль о выставке, он продолжил размышления на эту тему.

На выставку собирался давно, но текущие дела заматывали, и он вспоминал о ней тогда, когда она уже благополучно завершалась. А очередная летняя начиналась как раз через 3 дня.

Любимый «Аэрофлот» порадовал хорошими ценами на билеты, и утром в среду он уже был в Москве. На выставке представлялось всё, что хотя бы немного подходило к строительству. Первая половина дня прошла впустую – ничего из того, что хотел увидеть, не встретилось. И только после обеда он нашёл стенды с его любимым декоративным камнем. Да, конкуренты развиваются, но и он не отстал от них. Очень заинтересовала полуавтоматическая линия. Прикупив таких парочку, можно было раз в пять увеличить производство камня. Придумали это мужики из Челябинска. Решил съездить, посмотреть производство и, на месте убедившись в качестве, прикупить одну линию. Пообщавшись с коллегами и пообещав приехать в гости, Михаил продолжил обход павильона, и вскоре с удивлением увидел камень, который сам придумал.

Подойдя ближе и уже начиная нервничать, он рассмотрел, что-то очень похожее на его СЕВАН. Но это был не он. Однако поговорить все-таки решил. Оказалось, что это производство примерно такого же масштаба, как его собственное, только под Тулой. А хозяин производства ещё и заядлый рыбак. И разговор сразу перешёл на более доверительные темы. У Александра, так звали его нового знакомого, на этой выставке появился большой заказ из Сургута, но транспортная составляющая не позволяет получить большую прибыль. А если его везти из Тюмени – это сильно удешевит себестоимость.

К концу беседы у Михаила созрел четкий план. Если Александр готов документально подтвердить совместную работу над Сургутским заказом,

нужно будет купить полуавтоматическую линию в Челябинске и хорошо на этом заработать. Пожав руки, условились до конца недели подписать договор и в течение месяца отработать этот заказ.

Александр привёз свой краситель, а Михаил выполнил заказ в срок с помощью полуавтоматической линии из Челябинска. Работать пришлось в две смены, но и заработок оказался внушительным. На эти деньги можно было не только отправить семью на море.

В августе семья благополучно отправилась отдыхать, а Миша решил проверить свои камни, про которые не было времени думать во время выполнения Сургутского заказа. Подъезжая к своему омуту, он понял, что нужна мечта, с которой он нырнёт в третий раз. После долгих раздумий пришло понимание того, что он доволен своей теперешней жизнью и доходом с небольшого производства. Разве что займёт большой строительный магазин, поскольку «Леруа Мерлен» перестал демпинговать, и с ним уже можно было успешно конкурировать. Тогда хватало бы средств для путешествия не один, а два раза в год всей семьей. Время шло – пора было нырять.

– Жить-то как хорошо, – громко крикнул Миша и нырнул.

Камни на это раз оказались размером с кулак и, погладив их ласково, он вынырнул с мыслью о том, что может считать себя абсолютно счастливым человеком. Времени, пока он был в воде, прошло прилично, а значит, что-то должно будет произойти.

Дорога домой казалась путешествием в сказку. Ощущение абсолютно-го ни с чем не связанного счастья и удовольствие от каждого прожитого мгновения наполняло энергией и радостью.

Хотелось петь. И любимая песня понеслась по дороге. «Моя бабушка курит трубку. Трубку курит бабушка моя».

Так хорошо ему не было со времён института и первого секса. Живя в вечно спешащем мире, ты либо представляешь, как будешь счастлив, когда произойдёт то, чего сильно ждёшь, либо вспоминаешь те нечастые минуты радости, которые пережил когда-то. А сейчас Михаилу было просто хорошо. Необъяснимо почему – просто удивительно радостно. Михаил с удивлением понял, что теперь он сможет вызывать это чувство и погружаться в него, когда захочет.

Наверное, вселенная, подкинув ему то, что он ощущал сейчас, брала с него определенную плату в виде ускоренно бежавшего времени во время ныряния к камням. А с каждым касанием к камням, они становились меньше, значит, его лимит чудес в воде исчерпан, и камни скоро совсем исчезнут.

Но эта мысль не опечалила его нисколько. Теперь у него появился дар, которым он может пользоваться сам и которому может научить других.

Через неделю Михаил поехал встречать семью в аэропорт. Ехал не спеша, продолжая ощущать в себе радость собственной жизни.

Рука сама потянулась к приемнику и включила новости. Считая Российский рынок неперспективным, французская компания «Леруа Мерлен» до Нового года выведет свои активы в Саудовскую Аравию, сообщила диктор.

Странно, но новость его не удивила. Он как будто с момента последнего погружения к камням считал, что по-другому и быть не может.

Новый год Михаил и его друзья с семьями встречали в здании бывшего строительного магазина, только теперь это был самый большой всезонный каток в России.

Сергей МЯЧИКОВ

Высокая гора

Любовь – высокая гора
Из чувств прекрасных и высоких,
Неповторимая пора
Объединенья одиноких.

Но вот вершина. Что за ней?
Пологий склон или бездны пропасть?
В любви не стоит гнать коней,
И не приветствуется робость.

Мы на вершину сей горы,
Природе следуя, стремимся
И в заповедные миры,
Презрев страховку, бурно мчимся.

Непредсказуемый поток
Проносит нас в любви лавине.
Но всё ж, друзья, не дай нам Бог
Вдруг оказаться на равнине...

Я лечу над Землёй

Я лечу над Землёй
Белокрылою птицей,
Мимолётной звездой,
Предрассветной зарницей.

Возвращения нет,
Нет и жажды возврата.
А в конце яркий свет –
За земное расплата.

Впереди небеса,
Позади откровенье,
Не слышны голоса,
Нет Земли притяженья.

Будет снова игра,
Та, что жизнью зовётся.
Суета, мишура...
Всё по новой начнётся.

Пять разноцветных шариков

Пять разноцветных шариков
По небу грустно-серому,
Пять мимолетных странников,
Живущих атмосферею.

Пять разноцветных крестников
Весны грядущей бешеной,
Пять сказочных кудесников
Среди зимы заснеженной.

Летят в лихое странствие
Над серой повседневностью,
Семи ветрам подвластные,
На встречу с неизбежностью.

И вот уж нет усталости,
Души утихли шрамики,
Хотя, что там, казалось бы,
Обыденные шарики.

Я устал от зимы

Я устал от зимы,
От метелей, сугробов,
От назойливой тьмы,
От морозных ознобов.

Горки, лыжи, коньки –
На любителя, право,
Мне милей родники
И зелёные травы.

Половина прошла,
Впереди половина.
Леденеет душа,
Хоть тепла и невинна.

Новый год позади.
Время снов дерзновенных.
Ты меня разбуди
По весне вдохновенной.

Два братика

Два братика, два мальчика, два человечка маленьких
Спят в кроватках новеньких, больших для них пока.
Природа просыпается, и белые кораблики,
Как будто в детской песенке, плывут издалека.

Уж солнце греет ласково, да только спят два братика,
Ведь столько дел и подвигов им предстоит свершить!
В деревню с папой выехать и посмотреть на практике
На петушка поющего и с ним потом дружить.

И, пообедав плотненько, по сговору негласному
Корабль создать двухпалубный и мимо разных стран
Поплыть по морю Чёрному, затем по морю Красному,
Потом по Средиземному в Индийский океан!

Два мальчика похожие, но всё ж такие разные,
Во сне растут, укутавшись в уютность одеял.
Спит детство беззаботное, спит будущее ясное.
И ангел теплым солнышком над ними засиял.

Мешок счастья

Город уснул, месяц взошел,
Звёздная ночь.
С неба упал счастья мешок –
Не уволочь.
Утром к нему хлынул народ
Невидаля зреть.
Не умыкнуть в свой огород –
Нужно делить.

Словно и нет прочих проблем,
Страсти кипят.
Счастья в обрез, хватит не всем –
Так говорят
Что же внутри, сколько стоять –
Спорят всерьёз.
Чем зачерпнуть, в чём измерять –
Тоже вопрос.

Громко галдят, как вороньё,
Рядом с мешком.
Каждому дай счастье своё,
Всё целиком!
Да и чужим есть кто не прочь
Руки погреть.
И разошлись только под ночь –
Что там смотреть?

Город уснул, месяц взошел,
Звёзды кучней.
В центре стоит счастья мешок
Общий, ничей.
Вроде возьми, нет здесь грешка,
Совесть чиста.
А загляни внутрь мешка –
Там пустота.

Тебе идет моя рубашка,
Пусть и размер, и цвет не твой.
Любимый кофе в белой чашке,
Неспешность стрелки часовой.

Лишь я и ты, и с нами лето,
Как это принято в раю.
В моей рубашке, мной согрета,
Укутана в любовь мою.

Не спится

Ты спишь? А мне не спится,
И мыслей хор глумится,
Пытливый взгляд стремится
К познанию потолка.

Вселенские масштабы –
Что если бы да кабы,
Вот точно я тогда бы...
Всерьёз, наверняка!

Ты спишь? А мне не спится,
И лунный свет струится –
Так можно до зарницы
В мечтаниях витать.

При случае подобном
В учении народном
Ведётся незазорным
Кого-нибудь считать.

Ты спишь? А мне не спится.
Пятнадцать, сорок, триста...
Ну, вот, я снова сбился –
Вниманье любит счет.

Не помогают овцы –
С бессонницею борцы.
И вновь волну эмоций
Неспящий мозг влечёт.

Ты спишь? А мне не спится.
На кухне, что ль, закрыться –
Там оставалась пицца,
Есть можно до шести.

То ль поздно, то ли рано.
Настойка валерьяны.
А может, всё же... Ладно...
Пльву... Лечу... Прости.

А в городе снег

А в городе снег не лежит, но идёт,
Коснувшись земли, неуверенно тает.
И хочешь – не хочешь, зима наступает,
И осень покорно свой трон отдаёт.

В смятении лес, опустели поля
В преддверии сна на неполных полгода.
Уж так предсказуема наша природа
И так обустроена наша Земля.

А в доме тепло, тёплый чай, тёплый плед.
С утра сериал, размышленья о вечном.
А в городе снег в хороводе беспечном
И твой на мгновенье оставленный след.

Палитра осени

Вид привычный за окном
Размывается дождём,
С клёнов первая листва сброшена.
Ты на осень не греши,
В омут грусти не спеши –
Смоет серый цвет вода в прошлое.

Сердце давит хрупкий лёд,
Ветер душу в клочья рвёт
И холодная роса рассыпью.
Меж стихиями мечусь
В красно-желтой гамме чувств
И тревожась, и роднясь с осенью.

В коридоре мокрый зонт,
Но светлее горизонт.
Баня вечером, как встарь, с веничком.
Утром вьюга закружит,
Белым цветом завершит
Межсезонья и дождей времечко.

Часы

Часы идут, и я иду.
Часы бегут, а я бреду.
За кругом круг, за годом год –
Устал.

Спирали жизненной витки,
В тот мир короткие гудки.
И каждый день играю жизнь
С листа.

Сегодня – пряник, завтра – плеть,
Успеть, решить, преодолеть –
Дела.

От лампы отблеск на стекле,
Горячий ужин на столе –
Ждала...

Неумолимый ход часов,
И всё тесней судьбы лассо.
Пустых забот ненужный хлам
Ташу.

Раздутый пафос мелких душ,
Горячих чувств холодный душ,
Невечной жизни вечный смысл
Ищу.

А за окном бегут ручьи,
Гнездятся бережно грачи –
Весна!

Любви несдержанный должник,
Переходящий в шепот крик –
Нужна!

Валерий НЕУДАХИН

Радуга над Чуйским трактом

Напросилась Евдокия в поездку неспроста. Давно побаливало вечерами сердце, засыпала с корвалолом. Ночью и подавно прихватывало крепко. Тихо, чтобы не слышали родные, поднималась, в темноте комнаты, пила нитроглицерин. Днем держалась, работала по дому, а ночью барахлил мотор, давал сбои возрастные. Три дня назад днем в огороде прихватило. Собирала малину, дух ароматный над кустами, пыльца от прикосновения летит, собирает пчел в округе. Только ойкнула и осела в тень, хватая открытым ртом воздух, руками – столбики ограждения. Малина рассыпалась и алыми каплями закатилась в следы в грунте, окрасила запашистыми пятнами траву у забора. А в глазах черно, света белого не видно, боль давит на виски.

Напротив замерла ящерица, выпучив глаза-бусины и подрагивая длинным языком. Тоже от жары глубоко проваливаются бока при дыхании. Словно с укоризной давала понять: удерживала тебя соседка от работы в жаркий полдень. Кто же виноват, что так вышло. Сидит Евдокия без движения, не в силах пройти несколько шагов до веранды, где на столе лежит спасительное лекарство, да и прохлада дома так близка. Сознание туманится, отказывается управлять телом, совсем худо!

Паучок, почуяв обездвиженность женщины, бесстрашно спустился в свое кружевное хозяйство и принялся поправлять ниточки. Быстро перебегая, соединял нарушенное в вековой узор круговой сети. Деловито крепил соединения. Она равнодушно смотрела на тонкую работу, на это неповторимое природное творчество, пока насекомое не справилось с порывами и не скрылось в листве. Всяк в своей жизни создает необычное и особое кружево, никем неповторимое.

Ужели вот так нелепо придется завершить жизненный путь? Среди кустов ягоды, рассыпанной из ведерка малины, под полуденным солнцем, ласкающим мир. Запекшимися губами попробовала подать голос, может, услышит кто? Да только хрип вырвался. Бороться нужно, нельзя сдаваться. Пальцы не чувствуют движения, руки и ноги не желают шевелиться. Дыхание судорожно короткими вдохами выталкивает небольшие порции воздуха. Легкие без того слабые, при согнутом теле и вовсе не желают разворачиваться.

Вдруг потянуло прохладой, словно приоткрыл некто калитку к реке и от туда ворвался живительный воздух. Приподнялась стеблями трава, ботва на грядках развернулась, малина свернутые листья раскрыла и топорщилась, потянулась вверх. В минуты набежало белесое облачко, почернело и налилось влагой, превращаясь в тучку, сыпанул крупный солнечный дождь. Пришло облегчение, удалось повернуться на бок, распрямиться и вздохнуть. Тягучая боль в области сердца подалась в стороны к пальцам рук и ног, позволила шевелиться. Спустия время поднялась в полный рост, почуяв, что отпустило, и рассмеялась под дождем. Мокрая до последней нитки от крупных прохладных капель.

– Мишка! Провези меня по Чуйскому тракту, – вечером, настоятельно прося, обратилась к внуку.

– Ну, бабуля, ну ты даешь! То отказывалась, говорила, что терпеть не можешь этой дороги. И вдруг – поехали. Что случилось?

– А вот знаешь, время пришло.

Сегодняшним туманным утром выехали на трассу на коммунальный мост, и зашумели знакомо шины по асфальту. Запели дорожную трудную песню детства Евдокии...

Деревня, где родились и жили ее родители, находилась в стороне от тракта. Казалось, ничто не связывает семью с шоферской судьбой. Куда ни шло, стать трактористом-комбайнером, что в деревне являлось престижной профессией. Только постаралась судьба разнообразить повседневную деятельность деревенских парнишки и девчонки. К концу подходила большая война, водителей, некогда работающих на тракте, повыбивало на фронтах. Кто погиб, кому-то досталась доля калеки. Такого разве посадишь за руль на столь трудной дороге? Работы же предстояло много, рейсами необходимо наполнить жизнь Чуйского тракта и оживить взаимовыгодную торговлю с дружественной республикой. Где взять шоферскую братию, готовую к испытаниям на столь сложной трассе? К жизни в командировках? К холодному металлу на зимнем полотне и невыносимой обморочной жаре в короткое лето? Кто поведет транспорт на крутые перевалы, достающие до самых белков? Сумеет отремонтировать автомобиль посреди горной долины, продуваемой ветрами, спускающимися с гор вдоль Чуи и Катуня?

Пришло время воспитать когорту водителей, готовых к испытаниям. Людей, способных в ущерб себе отдать кусок товарищу по работе. Тех, кто не проедет мимо и остановится у замершей посреди дороги машины.

Предложил председатель Ивану в конторе, при народе, на учебу поехать. Разве откажешь, коли трудно всем? Следом и Марья увязалась, их давненько не мыслили отдельно: Иван да Марья. Казалось, по-другому невозможно. Ведь прослышала где-то, что и девчонок берут готовить шоферами. Полные сироты – жили в людях, а тут устраивали в общежитии, питание и при хорошей учебе стипендию выплачивать обещали. Отучились, поженились. По окончании учебы предложили работу в автоколонне на Чуйский тракт рейсами ходить. Интересно и трудно.

Ивану думалось, что Марья откажется от своей затеи – в горы авто водить, вернется в деревню, будет, как положено жене, дожидаться его с рейса. А работа? Что ее мало в родной деревне? Да запала в сердце услышанная в первом рейсе на ночевке песня «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ходит по ней шоферов...» про любовь Кольки Снегирева к Раечке. Как пропиталась роба шоферская, а с ней и кожа, и сердце этой романтической историей. Прикипела Мария к дороге, уже вдвоем мотались от Бийска до границы, далее в Монголию. Вместе в кабине нельзя, отдельно ездили, радовались рейсам, когда удавалось в одной колонне двигаться.

Где-то в такой поездке и зародилась новая жизнь от шоферской любви, понесла жена и выбыла на какой-то срок с тракта. Но работала в автоколонне до самых родов. Кто тогда давал отпуска, увозили рожать от станков и прессов, с поля и сенокоса. Да и после рождения ребенка не сидели дома. Родина ждала, народ понимал – иначе нельзя. Месяц дома Ивана не было, возвращается, а на тракте жена голосует – подбирай семью в полном составе.

Сколько километров Евдокия намотала за свою жизнь? Богу известно. Это родителям версты считали и оплачивали за пробег, а она бесплатным приложением каталась. Вначале с матерью, отец грудью кормить не может, а далее – как получится: то с мамкой, то с папкой. Дом кабиной стал: положат сверток на сиденье и в рейс. На остановках накормят с бутылочки, а то и во время движения: руль одной рукой удерживают, а другой баюкают да соску дают дитяти малому. Ну а коли не ко времени раскапризничается, песню поют «был один там отчаянный шофер, звали Колька его Снегирев», руль бросать нельзя,

дорога не позволяет. Ребенок порой заливаётся, мокро ему, а как быть, коли за бортом минус тридцать и ближайшая деревня километрах в пятидесяти?

Так пеленки и впитали в себя запахи бензина, машинного масла. На уровне подсознания осталось в каждой клеточке тела – натруженная работа двигателя на подъём. Машины Ивана и Марьи знали и помогали во всем: пока отец стирает обмаранные пеленки, с девчонкой друзья водятся. Все от дома оторваны, хочется с ребенком позаниматься, хотя бы с чужим. Чем еще заниматься в шоферском общежитии, когда на улице холод: одни авто прогревают, другие сказки рассказывают. С пониманием братва шоферская – не с кем оставлять, родных нет. Где-то посреди трассы от Ташанты до Бийска встретятся, передадут дочь от одного родителя к другому. Минута на то, чтобы рассказать о проблемах. И побежали машины в разные стороны.

Подрастала Евдокия и запоминала происшествия на дороге.

Подъём на Семинский перевал, самую верхнюю точку Чуйского тракта, затяжной и трудный. В те времена специально не асфальтировали, чтобы сцепление колес с дорогой надежнее складывалось. Натужно поет двигатель, мать напряженно вглядывается в утреннюю поземку. Дочь проснулась, но еще додремывает, крепко вцепившись в поручень. Из-за поворота вылетает неуправляемый лесовоз, не держат тормоза. Удар в кочку, лопаётся стяжка, пачка бревен рассыпается на дороге. Одно из них ударяет в передок машины Марии, следует резкая остановка, тело бросает вперед, на панель приборов. Разбито лицо у матери, в крови шаль, повязанная на подбородке у дочери. Из разбитых губ Евдокии кровь струйкой бежит под воротник.

Мария не кричала так никогда. Вцепившись в штурвал, откинувшись после удара назад всем телом, упиралась в педаль тормоза, стараясь удержать машину на дороге. А авто неудержимо тянуло под откос в кювет. Наконец, замедлившись, начала опрокидываться на бок. Мать схватила дочь за воротник пальтишка, сбросила дочь на пол кабины и упала сверху, прикрывая телом ребенка. Обошлось тогда. Водители, проезжавшие мимо, остановились, поставили машину на колеса и вытащили на дорогу. Монтажками и ломиками правили кабину, чтобы вытащить людей. Сквозь разговор людей и скрежет металла слышался только крик матери:

– Доченька! Ты жива?! Доченька, голос подай!

А Евдокия, перепуганная произошедшим, с полным кровью ртом, молчала, боясь говорить. Все думалось, что виновата именно она. И страшно неудобно признаться, что обмочила единственные штанишки. От страха. Как теперь поедут дальше?

Молодой парнишка, водитель лесовоза, удерживался со сломанной ногой на четвереньках на полотне и также сорванным в шёпот голосом просил:

– Жива? Жива?

Они действительно двигались дальше, все сладилось: разбитой оказалась только кабина. Холодно, да живы. В ближайшей мастерской остановились на ремонт, и мать вечерами после работы, прижимала голову дочери и все целовала жаркими воспалёнными губами. И жар этот Евдокия чувствовала через волосы. На третий день в мастерскую ворвался отец с воспалёнными от бессонницы глазами. Он двое суток без остановки гнал машину по трассе из Монголии, передали ему известие о происшествии. Прижал к себе своих девочек, что-то горячее капнуло на голову, дочь подняла глаза и увидела, как плакал отец. И от отчаяния, что так переживал он за них, заревела во весь голос.

Втроем, обнявшись, понимали, что судьба оберегла их от страшного. Понимал это и маленький человечек, ищущий поддержки у взрослых и все прижимавшийся к ним, не в состоянии что-либо сказать разбитыми в кровь губами.

Затем она поехала с отцом. Там в начале пути есть больница, а мать продолжила рейс в глубину Алтайских гор.

Белый Бом! Дорога, уходящая в поднебесье. Евдокия помнила непролазную грязь, дожди лили несколько дней. Вздрыбились Чуя и понесла коричневые, перенасыщенные землей воды. Грунт смывало с полотна. Раскисшая поверхность и буксующие авто создали затор на дороге, превратив все это в хаос. Машины не вытягивали взваленный на них человеком груз через высшую точку. Подождать, да не терпит время, оправданий на грязную дорогу начальство не принимало. И только заостренные лиственницы и ели свечками смотрели в небо, торжествуя испытаниям, устроенным для организма, оставаясь свидетелями победы человеческого разума.

– Нужно перегружаться, – говорит старый шофер дядя Вася. Его дед ходил с купцами по Чуйской тропе. Из рассказов вся братия знала, как торговый люд разгружал лошадей в этом месте, переносил за несколько ходок груз на спине и после этого переводил лошадей.

– С кого начинаем, командуй.

– Так кто первый на подъем стоит, того и разгружать.

Работа растягивалась на длительное время. Наполовину разгруженная машина с трудом уходила в низкие дождевые облака, спускалась с перевала, где ее разгружали до пустого кузова. Возвращалась и повторно перевозила вторую половину груза. Вымазанные в грязи, уставшие от непомерной тяжести, в мокрых телогрейках падали к вечеру у костра и засыпали, забыв поужинать. С утра новые машины. И так пока последнюю не перегонят. Выкатится солнышко порадовать шоферов, а они уже в кабины садятся и начинают движение. Не дождались, когда дорога подсохнет.

Это место Дуня любила. Заработаются мужики, на нее внимания никто не обращает, она сидит в кабине, куклами играет. Заглянет отец узнать надобности дочери, она спит уже. Подкармливали в такие дни обществом: у кого пряник, конфета завалиются – вспомнят о ребенке. Чай согреют или каши наварят, обязательно принесут. Умается – заснет: неважно, кто заглянет в кабину, заботливо укроет.

Однажды машину отцову вместе с Евдокией чуть не унесло рекой. Случай выручил, а то ловили бы у порога под названием «Бегемот». Несколько авто стояли у спуска в сторону границы с Монголией. Девочка играла в кабине, шофера ушли на ту сторону перевала. Куда ребенок денется, тайга кругом? Да и привычная, не первый год с отцом, с матерью катается. И невдомек мужикам взрослым, что надоела дорога поворотами, подъемами и спусками, переправами. Поначалу интересно казалось: как на паром заезжали в большую воду, как из тумана горы вырастают. Красивыми водопадами реки падают с высоты, камни катятся с кручи через дорогу.

Задремала девочка, надежно машины стоят. Дождь барабанит по крыше, усыпляет. Никто из взрослых и не подумал глянуть на грунт, нависающий над полотном дороги. А капли дождя, собираясь в ручейки, незаметно углубляли щели в грунте. Покачнулась, но устояла коренастая лиственница, да так и поехала с призмой грунта вниз. Оползень образовался. Отрывая все больше земли от близкого камня, захватывая с собой мелкие и средние обломки, вся эта каша поползла, ускоряясь вниз. Противостояло этому бедствию несколько машин на стоянке, которые оказались отодвинутыми в стороны, словно спичечные коробки. Единственная машина, подхваченная селем, пронеслась несколько метров и оказалась в воде. Огромный валун пропустил с боков грунт и удержал авто от движения на середину реки. Иванов грузовичок стоял по борта в воде.

Евдокия проснулась от холода, увидела много воды и попыталась открыть дверь. Хорошо, что ей этого не удалось, камнем подперло. Она забралась на сиденье и подняла голову к крыше кабины, пытаясь в холоде дышать. Сколько времени прошло, она не вспоминала. Увидела лишь, как по дороге на спуске бегут мужчины, впереди отец. Он падал, кувыркался через голову, вновь соскакивал и бежал. Грязный и мокрый, с разбегу бросился в воду, подхватил на руки дочь.

Тело растирали спиртом возле костра, который пламенем поднимался, чудилось, выше неба. Затем она забылась, и во сне поплыли картины: страшный дед, смешно наряженный в балахон, стучит в большой бубен. От звука раскальвается голова, жарко телу. Она сбрасывает с себя тряпки, укрывающие худенькое тельце, а ее бережно укутывает отец. Чем-то отвратительным поят сквозь сжатые зубы. После всего тишина и темнота, окружившие безнадежно ее маленькое тело.

Шофера вытащили машину, очистили от грязи агрегаты и механизмы. Когда отец вернулся от кама с еще слабой Евдокией, авто готово в путь. Лишь скопившаяся местами грязь, высохшая в пыль от нанесенного волной грунта, напоминала о происшествии.

В лучах восходящего солнца, проглядывающего из-за гор, они спускались по Чике Таману. Далеко внизу затянуло долину туманом, расстилающимся от реки Большой Ильгумень. Еще пять минут назад машина с трудом преодолевала подъемы и серпантинные дороги. Бортовые огни впереди идущей машины то наплывали при торможении, то удалялись на ровных участках и таяли в тумане.

– Держись крепче, Дуня, самый опасный поворот! После него нам ничего не страшно.

И словно наваждение: огни вынырнули из белого молока и, нарастая угрожающе черным комом, приближающийся борт. Мария почувствовала – тормозить передний не может, двигатель не вытянул, неправильно выбрана передача. Выжала сцепление и медленно покатила назад, пока не уперлась бампером в фаркоп. Не торопясь и не суетясь, притормозила. Вот только не хватило сил удержать, и груженные машины стягивало вниз. Вывернув руль до упора вправо, почувствовала остановку, открыла дрожащими руками дверь. От передней машины уже бежал шофер, молоденький мальчишка. Убедился, что благодаря опыту и умению Марии не свалились с кручи. Посмотрели назад, оказалось, уперлись в камень. За очередным поворотом вынырнули из тумана.

Дорога вниз приятна, но трудна: успевай притормаживать. Плавное закружение поворотов и скорость прижимали тело, словно на карусели: Евдокию водили как-то в городской сад, где она каталась на лошадке. Разноцветные гипсовые кони несли по кругу детей, мелькало солнце в деревьях, кружилась голова. Так радостно в ее жизни не случалось. Вот и здесь возникли ощущения бега по кругу. Когда же дорога нырнула в густой туман, пришлось сбросить скорость.

- Тещин язык, называют серпантин.
- Почему?
- Потому что он длинный. Словно язык.
- А кто такая теща?
- Подрастешь, узнаешь.

От этого простого разговора и после снятого напряжения на душе весело и невесомо. Думалось, что можно ехать далеко и долго, всю жизнь. Так редки совместные часы пребывания.

Вскоре девочка оказалась в детском саду на круглосуточном содержании: это когда детей из садика родители не забирали, и они вынуждены оставаться на ночь. Дуне в рейсах тяжело, но уж лучше с родителями в кабине машины, чем без них. А маму с папой всецело забирал Чуйский тракт. Хотя по выходным и с выпавшим на это время рейсом, она продолжала кататься в горы и обратно.

Попали они с отцом в замес, так водители говорят об остановке на тракте по какой-либо причине в плохую погоду. Высоко в горах привольно раскинулась Чуйская степь. Местность, близкая к солнцу, и высоко над океанами. Солнечных дней здесь больше, чем в Крыму. Да близкое расположение к вечным снегам на макушках гор холодит: летом, когда удивительно холодные ночи, а особенно зимой, когда отрицательные температуры опускаются до шестидесяти градусов. В этих степях простывали купцы, пришедшие торговать на Рождественскую ярмарку, потом носившие в себе болезнь, что сгрызала организм, иссушивала и убивала. Разве легко создать комфортные условия в палатках на открытом месте? Позже уже построили заимки и склады, дома жилые.

Задует ветер и ну разгоняться по голой степи. Задержаться негде, каменистая почва да лед замёрзших рек и озер. Ни куста, ни деревца. Камень остывает быстро от наружного воздуха, от вечного льда, залегающего на небольшой глубине. Снега мало, здесь редки осадки, понесет поземкой тонкий слой его, словно смазки кто налил на дорогу. Под вечер на подъезде к Кош Агачу занесло машину и сбросило с трассы. Отец вышел, осмотрелся. Страшного не произошло. Заводить, а машина не слушается. Молчит двигатель и не схватывает, чего-то не хватает. Кабины в те годы нарощечные, не греют, выветриваются моментально. Уже через пять минут пар изо рта пошел и иней посыпался с крыши. А вокруг тишина, ни одной встречной или попутной машины. Отец крутился вокруг машины, открыл капот, голыми руками крутил мелкие винтики и гаечки. Колотил себя по бокам, чтобы как-то отогреть кисти, запихивал их под мышки. Дело не поддавалось.

Дуню укутал, собрав все тряпки. Разводить костер бессмысленно. На таком ветре пламя сбивает, и гаснут дрова, топливо, слитое с бака. Долго нет проезжающих мимо авто. Небо почернело ночной темнотой, внезапно прекратился ветер, и высыпало по горизонту белым-бело звезд. В такой красоте и умирать не больно. В очередной раз отец забрался в кабину, растормошил ото сна дочь – Дунечка, доченька! Не засыпай. Шевелись, авось Господь поможет.

А она, не в силах удержать веки, закрывала глаза, смыкая ресницы. С неба слышался колокольный звон, песнопения. Откуда-то появился холодный свет, голоса ангелов. Ее взяли на руки и понесли. Она поняла, что это шофера, приехавшие на подмогу отцу. Ее раздели и растирали как тогда, на Белом Боме. Затем уложили на горячую лежанку, и она сквозь слезы видела, как мазали бараньим жиром красные от мороза руки отца...

В обратный путь машина и бежала быстрее, как-никак с гор спускались. Евдокия под разговор внука задремала, открыла глаза перед самым городом Бийском. Зеленая полоса соснового бора нежилась в лучах закатного солнца. Теплые волны воздуха разливались над луговиной. В кабине уютно, совсем не жарко, радостно на душе, что вот оно – окончание маршрута.

Как можно не любить эту дорогу? Дорога – есть ее жизнь. А жизнь обожать нужно, тогда она красками расцветится на всю глубину. Раскинется радугой над полотном и пропустит в будущее.

Владимир МОЛДОВАНОВ

Ищу того, с кем можно слушать дождь

Попутчики

Купе вагона, сидишь напротив,
В осеннем солнце пылают рощи.
И взвесить точно все «за» и «против»
В купе вагона гораздо проще.

Пусть мы знакомы совсем немного
И непохожи, как лёд и пламя –
Нас в плен на время взяла дорога,
Сыграв невинную шутку с нами.

Путь измеряя, стучат колёса,
На стыках рельс свою песню сложив.
Сквозь песню эту звучат вопросы,
Что даже близким задать не можем.

Открою мысли, раскрою душу
Чужому, в общем-то, человеку,
Который будет сидеть и слушать
И мне поможет найти ответы.

На полустанке стоим минутку,
Ты на прощанье махнёшь ладошкой –
Взяв чемодан, я накину куртку
И застегнусь вновь на все застёжки...

Объявление

«Ищу того, с кем можно слушать дождь...» –
Прочёл вчера в газете объявление
И ощутил невольное стремление
В тот мир, где ты сейчас кого-то ждёшь.
 Грустить вдвоём под музыку дождя,
 Молчать о том, что близко нам обоим,
 И знать, что в этот миг у нас с тобою
 Всё впереди. И даже уходя
На вечность или, может, лишь на час,
Знать, что могу всегда к тебе вернуться,
Заснуть с тобой и вновь с тобой проснуться
Под шум дождя, что только лишь для нас.
 Но только мне покоя не даёт,
 Что в этом объявлении нет дома,
 Нет улицы и даже телефона,
 И дождь так бесполезно льёт и льёт...

Просто

Просто нам стало пусто,
Пусто, как ни стараться.
Просто остыли чувства,
Просто – пора расстаться.

Разные просто люди,
Просто не быть нам вместе.
Просто давай не будем
Повод искать для мести.

Просто мы не совпали
И холодны, как льдинки.
Просто с тобой не знали,
Что мы не те половинки...

Утро

Розы увяли в вазе,
Свечи давно потухли,
Город в рассветной вязи,
Чайник свистит на кухне.

Смотришь в глаза неловко,
Врёшь – только я не верю –
И, подхватив толстовку,
Тихо закроешь двери.

Что это с нами было?
Что с нами дальше будет?
Страстью вчера накрыло –
Утром – чужие люди.

А за окном печально
Лист пролетит пожухлый...
Тонким свистком прощальным
Чайник свистит на кухне...

Я не помню многие даты,
Я забыл ноты многих песен,
И не помню я даже, когда ты
Мне сказала, что мир нам тесен.

Я бреду среди песков в пустыне,
Я смотрю в черноту колодца,
И боюсь я, что Солнце остынет,
И что может Земля расколоться.

И взорвусь я звездой сверхновой,
Разобьюсь о скалу белой пеной...
А потом, может, в жизни новой
Вновь воскресну в твоей вселенной...

Звезда

Звёзд не счесть под небесною аркою,
Но меня восхищает всегда
Может даже не самая яркая –
Путеводная эта звезда.

Умостившись на краешке ковшика,
Сквозь себя пропустив ось Земли,
Не страшась ни метели, ни дождика –
Направляет в морях корабли.

Так и в жизни моей мне записано,
Одарён несказанно судьбой:
Весь мой век быть с одною единственной,
Для меня путеводной звездой.

Пусть уже мне недолго до старости,
Не забуду я день тот, когда
Навсегда – и в печали, и в радости –
Жизнь свою мне вручила звезда.

Зимний вечер

Зимним вечером, у камина,
Ноги тёплым укутав пледом,
Чай горячий мы пьём с малиной
И ведём не спеша беседу.

Кот мурлычет, прищулив глазки,
В мягкий плед запускает когти...
И плывёт, как привет из сказки,
Аромат от поленьев лёгкий.

За окошком – звёздное небо,
Лунным светом сад околдован,
Он под плотным покровом снега,
Ждёт весну, чтоб проснуться снова.

Лишь на стенке часы с кукушкой
Время гонят неумолимо...
Чай горячий в любимой кружке,
Вечер сказочный у камина...

Женщина у иконы

Женщина стояла у иконы
В тусклом свете тлеющей лампы,
Без молитвы, без битья поклонов –
Не умела, даже если надо.

Лишь просила голосом осевшим:
«Пусть не он, ошиблись просто, может...»
Жгла глазами образ потемневший
И шептала: «Ты же мама тоже...»

Мир стоял опять на грани тонкой,
Изменяясь по своим законам...
Сжав в руке на сына похоронку,
Женщина стояла у иконы...

Хранитель

Неказистый мужичок с самокруткой –
Что ни скажет, сдобрит то прибауткою.
Выделялся в роте он своим возрастом
Да шинелью, что носил не по росту он.

И служил тот мужичок в части строевой:
Не разведчик, не стрелок – просто ездовой.
По плацу он не шагал гордой поступью –
Свою лошадь угощал яблок россыпью.

В сорок первом из котла по грязи болот
Выходила рота, как много прочих рот,
Целых восемь человек – все, кто был живой:
Семь солдат по двадцать лет да наш ездовой.

Где ощерилась земля буераками –
Обложили их враги, жмут собаками.
Чтоб уйти по ручейку ближе к вечеру,
Должен кто-то всех прикрыть – делать нечего.

Прохрипел тут мужичок, оглядев солдат:
«Мне патронов бы ещё да чуток гранат.
И, давайте-ка, сынки, растудыт в качель,
Потихоньку, по воде, двигайте отсель...»

И на утренней заре, по густой росе,
Вышли семеро солдат – и живые все:
Ведь Хранитель с ними был ночью чуткою –
Неказистый мужичок с самокруткой...

Старые наличники

Узенькая улица
В городской глуши.
Старый дом сутулится
В выхлопах машин.

Домик скособоченный,
Дымник над трубой,
Двери заколочены
Толстою доской.

И, как пограничники,
Прошлого покой
В нём хранят наличники
С тонкою резьбой.

Выструганы с радостью
Были на века,
Но прошлась без жалости
Времени рука.

Доски потемневшие
Трону, чуть дыша –
В них с небес сошедшая
Мастера душа.

Словно в дверь открытую,
Сквозь мою ладонь
Мастера забытого
Я приму огонь...

г. Тюмень, 2023

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Станислав ЛОМАКИН

Тайное обаяние живописи

В Музейном комплексе имени И.Я. Словцова не так давно прошла выставка картин известного тюменского живописца, заслуженного художника России Александра Павлова «Времена года. Музыка русской живописи». Вышел прекрасный альбом под тем же названием с живописными работами художника с эпиграфом его поэтических строк:

*Мой друг, прими мои восторги,
Этюдov красочный настрой,
Родной природы образ кроткий,
Воспетый дерзостной рукой.*

Своеобразное, доверительное приглашение в поэтической форме. Поистине, не может быть сомнения, что произведения Поэзии и Живописи вызывают наибольший восторг, когда им удается затронуть наши душевные струны.

Живопись, поэзия, музыка – посредники и примирители природы и духовного мира человека. Их колдовские чары способны породить в нас радость, страдания, возвышенные устремления к прекрасному, почувствовать и понять, объяснить тайное обаяние живописи.

Открывая альбом, я окунаюсь в удивительный мир художника, раскрытый Владимиром Алексеевичем Леняшиным, доктором искусствоведения, профессором, академиком, вице-президентом Российской академии художеств. Меня поражает его глубокое понимание творчества мастера, раскрытие таланта живописца Александра Павлова, магии его живописи.

«Он стал пейзажистом не в результате логического выбора, а родился им, пейзажистом в глубоком изначальном смысле – одним из тех немногих, кому природа доверила поведать о её тайных переживаниях, надеждах и тревогах».

«Его зима – это царство тишины и неподвижности. Природа замирает, погружается в зимний сон, в зимнюю сказку. Уходит всё случайное, мимолётное». И мы погружаемся в его полотна «Зима. Ельник», «Январь. Зимний сон», «Зимняя сказка», «Голубые тени» и «Васенино», понимая, что живопись отображает души через её внешний облик.

«Его осень помнит пушкинскую поэзию: «Октябрь уж наступил», «Дни поздней осени», она исполнена хрупкого изящества, светлой грусти. Очарованию классической золотой осени он, конечно же, поддаётся, но ближе ему «осень первоначальная», та «короткая, но дивная пора», когда природа, простившись с летней жарой, отдыхает, просветлённая, хрустально-чистая, смиренно ожидающая приближения зимних бурь». И нас просто завораживают «Цветы осени» и «Золотая осень. Вечер», «В деревнях полыхают рябинь» и «Бабье лето», «Осеннее кружево» и «Октябрь».

«Его лето то проникает в холсты исподволь, фрагментарно, то напоминает о себе в прекрасных этюдах – «деревеньках», в полевых букетах и лесных цветах, «сиренях», «васильках», «колокольчиках»; то заглядывает

в дом – «Полдень. Родное окно» и постепенно становится одной из центральных тем его пейзажных странствий...». Перед нами открываются безграничные, такие родные, щемящие до глубины души просторы голубого неба в картинах «Моя Родина» и «Ливни золотые», мы замираем перед творением художника «Туман. Вечный сон» и «Летний вечер. Иван-чай», ощущаем дивное благоухание в его натюрмортах «Колокольчики» и «Купавки», «Деревенский натюрморт» и «Доброе утро, художник!».

«... Весна торжествует по-своему: тёплая и холодная, молчаливая и ошеломляющая зелёным шумом, звонким стаккато капли, нескончаемым птичьим гомоном; иногда зрелая, сверкающая вся в игре света и тени – «Весна-красна»; чаще «Весна. Большая вода», «Талые воды», «Весенние просторы» – ранняя, прозрачная, ещё не освободившаяся от зимнего плена, залитая весенним половодьем, разливами рек, влагой тающего снега, неисчерпаемыми лесными потоками». Здесь звучит и голос природы, и сильно выраженная музыкальная струна. Музыкальное сопровождение в душе того необыкновенного наслаждения, которое мы испытываем от стихов и картин мастера, ещё больше заставляет каждого из нас задуматься о высоком предназначении искусства.

Полотна Павлова проявляют особое, мощное воздействие на зрителя, взывают в памяти хранящие в девственной чистоте наиболее глубокие, устойчивые природные эмоциональные связи, которые могут быть осмыслены и бережно актуализированы человеческим разумом.

На выставке художника я подолгу стоял перед картинами «Вешние воды», «Весной», «Туман. Белые ночи», «Тишина», «Ливни золотые» и размышлял, как Павлов своими работами очеловечивает природу, дает возможность внедрения человеческих мыслей и страстей во все явления, которые зритель созерцает: цвет, форма, движение – эти элементы объединяют искусство, сливаясь в единую нравственную идею – любви к своей Родине.

Живопись – явление чисто человеческое, и зритель, посетивший выставку картин художника, сохраняет в своей душе полотна, предназначенные для насыщения его интересов, эмоций, чувств, сохраняет в памяти отчетливые образы над человеческой душой

Живопись расшифровывает действительность, в ней не может не заключаться божественный смысл. Все небесное, земное несет нам свет, свежесть дождя с небес. В том и состоит величие живописи, что она являет нам вечность, возвещая о существовании нового мира, устанавливая связь между прошлым, настоящим и будущим.

С нескрываемым удовольствием листаю прекрасно оформленный, красочный альбом, снова и снова люблю картины, которые я видел во время их зарождения, поскольку мои дружеские связи с Александром Николаевичем продолжаются несколько десятилетий.

Его творческое взросление, становление, известность начинались с персональных выставок в Тюмени и северных городах Тюменского региона. Их было много. Они были громкие! Помню лето 2001 года – первая персональная выставка в нашем музее – 200 картин, в залах полевые цветы в музейных корчагах, пение птиц – всё с большим вкусом, в поддержку идеи выставки. И когда мы говорим, понимают ли зрители настоящее искусство, смело отвечаю – да. По просьбам зрителей были впервые продлены часы работы выставки, и была продлена сама выставка.

Особенным был для художника 2003 год. Его в рамках культурной программы пригласили с выставкой картин на празднование 300-летия Санкт-Петербурга. Успех выставки в северной культурной столице был

ошеломляющий, и именно тогда известность художника перешагнула далеко за пределы нашего региона.

Летом 2006 года тюменцы пристально следили за информацией о творчестве нашего земляка. В Санкт-Петербурге в Государственном Русском музее проходила первая персональная выставка произведений Александра Павлова. Более ста картин мастера экспонировались в четырёх залах Русского музея. Издан красочный, солидный альбом-каталог. Это уникальное, знаменательное событие. Высокая профессиональная репутация живописца позволила впервые картины сибирского художника представить на столь высоком уровне – в одном из крупнейших музеев мира. Мы знаем, что шесть картин Александра Павлова по итогам выставки приобретены в коллекцию Русского музея, и они теперь участвуют на самых престижных выставках рядом с картинами великих мастеров.

12 июня 2008 года Указом Президента Российской Федерации Александру Николаевичу Павлову присвоено почётное звание «Заслуженный художник России».

После выставки в Государственном Русском музее художника стали приглашать с выставками за рубеж. С большим успехом в разные годы прошли персональные выставки в Будапеште (дважды), Праге, Вене, Лиссабоне, Мадриде, Риме и в Париже. Зарубежная публика высоко оценила талант и мастерство нашего живописца.

Десять лет спустя, с ноября 2016 года по март 2017, с огромным успехом прошла вторая персональная выставка произведений Александра Павлова в Государственном Русском музее. Высокое профессиональное мастерство, основанное на лучших традициях отечественного и мирового искусства, позволило живописцу дважды провести выставку в стенах Русского музея. Такой чести художники удостоиваются крайне редко. В экспозиции было представлено 168 картин мастера. Издан фундаментальный альбом-альманах. По итогам выставки ещё шесть картин Александра Павлова приобретены в коллекцию Государственного Русского музея, которые также участвуют на престижных выставках Русского музея.

Нельзя обойти вниманием ещё один интереснейший проект. С 2001 года художник регулярно проводит выставки, в рамках которых проходят творческие вечера «Двух муз связующая нить» с участием ведущих музыкантов Санкт-Петербургской филармонии.

С 2012 года выставки произведений Александра Павлова традиционно проходят в рамках музыкального фестиваля Народного артиста Дениса Мацуева. Давняя творческая дружба связывает двух маэстро музыки и живописи. В декабре 2022 года в музейном комплексе им. И.Я. Слоцова в рамках открытия персональной выставки художника «Здравствуй, зимушка-зима!» состоялся творческий вечер художника и музыканта и презентация их фильма «Двух муз связующая нить. Денис Мацуев и Александр Павлов». Это был настоящий праздник живописи и музыки! Был праздник и у музея – Александр Павлов подарил музею пять картин – это одни из лучших его произведений, экспонировавшихся на крупных престижных выставках, в том числе в Государственном Русском музее.

За высокое профессиональное мастерство и большой вклад в развитие российской культуры Российская Академия художеств Решением Президиума Академии от 29 ноября 2022 года избрала Александра Николаевича Павлова Почётным Членом Академии.

ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий САЗОНОВ

СВЕЖЕЕ ДЫХАНИЕ СИБИРИ

*Впечатления лауреата Филофеевского
литературного конкурса 2022 года*

Как-то к Александру Сергеевичу Пушкину обратился молодой человек, протянул тетрадь с просьбой: «Стоит ли заниматься творчеством?»

Речь шла о стихах. Уже известный в литературном мире России Пушкин не отверг начинающего сочинителя, охотно взялся посмотреть, что он «натворил». Через какое-то время они встретились, поэт протянул тетрадь знакомому. Тот открыл листы и поразился множеству пометок. «Надо потрудиться», – пояснил Пушкин. «Так это же тяжело!» – воскликнул собеседник. «А тогда и не пиши!» – вынес вердикт Александр Пушкин.

Эту «байку» про великого нашего классика я вспомнил не случайно. Занятие художественным творчеством – тяжёлый труд в одиночку, о чём не раз говорили самые разные авторы. Действительно, так! И когда закончено то или иное произведение, писатель не знает, что ожидает его впереди. Признание? Забвение? Равнодушные толпы?

Не зря же Фёдор Иванович Тютчев, великий русский поэт и философ, 27 февраля 1869 года написал строки, которые и сегодня звучат вполне злободневно:

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.*

Да и само это слово – сочувствие – имеет глубокий смысл: соучастие в чувствах Поэта, сопричастность к его внутреннему миру.

...В современном литературном процессе роль «сочувствия» в какой-то мере выполняют различные творческие конкурсы. Среди них, конечно, выделяется своей необычностью Филофеевский литературный конкурс, организованный Тобольской митрополией – митрополит Дмитрий; и Тюменским региональным отделением Союза писателей России – руководитель – известный прозаик Леонид Иванов. В 2022 году он проводился в третий раз.

В чём состоит необычность? В критериях отбора произведений, поступивших на конкурс. Они должны соответствовать духовности и нравственности. А это очень непросто.

Думаю, такое направление, которое конкурс пытается придать нынешнему литературному процессу, – свежее дыхание великой Сибири!

Поэтому, конечно, я был несказанно рад, когда узнал, что моя книга избранной прозы «Яблоки небесные» оказалась в числе победителей конкурса по итогам 2022 года.

Трудно передать все чувства, но сопричастность к выдающемуся просветителю Сибири – святителю Филофееву, призванному сюда, по сути, по воле Государя Петра I, обязывает, очень обязывает ко многому.

Поездка в Тюмень и Тобольск с вологодским писателем, священником Николаем Толстиком, которому было присуждено первое место за его прозу, оставила много ярких, незабываемых впечатлений. Вместе с гостеприимным Леонидом Ивановым мы посетили памятник святителю Филофею, что установлен на высоком берегу реки Туры в Тюмени, выступили перед старшеклассниками школы №30 областного центра, в которой было чему удивляться, потому что по всем параметрам это суперсовременное учебное заведение действительно XXI века.

И, конечно, встретились, будто со сказкой, с руководителем «Фонда возрождения Тобольска» Аркадием Григорьевичем Елфимовым. Несмотря на большую занятость, он принял самое активное участие в разговоре с читателями в торгово-культурном центре «Ермак» и в Центральной городской библиотеке города Тобольска. Эти встречи точнее было бы назвать искренним, душевным общением, когда разговор шёл о самых насущных проблемах жизни.

Само вручение литературных наград, прошедшее в драматическом театре Тюмени в рамках XXI Филофеевских общеобразовательных чтений, оставило неизгладимое впечатление. Архиерейскими грамотами и медалями святителя Филофея были награждены: прозаик Николай Толстик – 1 место (Вологда), поэт Александр Орлов – 2 место (Москва), прозаик Геннадий Сазонов – 3 место (Вологда).

Большой группе известных российских прозаиков, поэтов и критиков жюри конкурса присудило дипломы Филофеевской литературной премии.

Пусть свежее дыхание Сибири крепнет и привлекает к себе новых авторов со всей России и из-за рубежа.

*ВОЛОГДА-ТЮМЕНЬ
октябрь 2022 – январь 2023.*

Галина МАНАЕВА

Возвращаясь к напечатанному

*Жизнь, пройденная без служения
широким интересам и задачам
общества, не имеет оправдания.*

Н.С. Лесков

В Год русского языка в странах Содружества как языка межнационального общения, одновременно и Год педагога и наставника – важно вспомнить корифеев, внесших огромный вклад в развитие отечественной лингвистической школы. 1920-е годы выдвинули плеяду выдающихся филологов, сформировавших новые принципы учебной и методической работы.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Ф.Ф. Фортунатов, С.И. Абакумов, Ф.Е. Корш, П.О. Афанасьев, П.А. Дудель, И.Н. Кубиков, И.Р. Палей, Н.С. Поздняков, М.В. Ушаков, А.Б. Шапиро активно включились в работу по пересмотру целого ряда положений научно-педагогической деятельности.

К числу новаторов по праву относится и близкий друг Максимилиана Волошина – Александр Матвеевич Пешковский, 145-летие со дня рождения и 90-летие памяти которого в этом году отмечает российская словесность. Его деятельность, труды, нравственные позиции по защите и поддержке русского языка сегодня как никогда звучат актуально, что подтверждается дополненным январским (2023 г.) Указом Президента России о внесении изменений в Основы государственной культурной политики.

Но вот случился еще один повод рассказать читателям об этом выдающемся ученом, филологе, просветителе. В тюменском альманахе «Врата Сибири» № 2(59) в разделах «Краеведение», «Критика и Литературоведение» появились замечательные статьи, которые предвосхитили появление вышеуказанного официального документа. Они стали несомненным украшением выпуска и солидным вкладом в сохранение исторической памяти.

Упомяну статью писателя-краеведа Татьяны Солодовой «...несправедливо предано забвению», повествующую о тобольском лингвисте и писателе Сергее Иосифовиче Карцевском (1884–1955 гг.). Так вот, он был знаком с Пешковским, переписывался с ним и, находясь в эмиграции, обращался к Александру Матвеевичу за содействием в публикациях своих научных статей в России. Есть уверенность в заинтересованности нашего читателя узнать подробнее и об этой яркой, талантливой и многогранной личности. Тем более это интересно и познавательно, что при знакомстве с российскими литературными журналами и альманахами последних месяцев таких качественных исследований прочесть пока не удалось.

Александр Пешковский – коренной сибиряк. Родился в Томске, в семье иркутского купца второй гильдии. В 1889 году он переехал вместе с родителями в Ялту, где окончил прогимназию. Дальнейшую учебу продолжил в Феодосийской мужской гимназии. Учился вместе с Максимилианом Волошиным, который оказал огромное влияние на формирование творческой личности своего друга.

Они сняли комнату в небольшом доме Петровых на Дурантовской улице. Глава большой семьи Михаил Митрофанович Петров, полковник

пограничной службы в отставке, в силу разнообразных талантов слыл в Феодосии «своим Леонардо да Винчи».

В доме жила и старшая сестра пятерых братьев – Александра Петрова, преподавательница начального женского училища, наставник, покровительница и собеседница Волошина и Пешковского. Эта улица легендарная еще и потому, что сегодня носит имя выдающегося феодосийского художника Константина Богаевского, тоже близкого соратника М. Волошина. Константин Федорович здесь поселился после женитьбы на представительнице древнего генуэзского рода.

В начале прошлого века Феодосия являлась средоточием интеллектуалов России. У живописца бывали Марина и Анастасия Цветаевы, Николай Бердяев, Константин Кандауров, Юлия Оболенская, внук Айвазовского, художник Михаил Латри, Александр Грин, Викентий Вересаев, Кузьма Петров-Водкин.

Александр несказанно рад знакомству с замечательными феодосийцами. А, главное, молодыми, как он! Он хорошо знал, что в Феодосии, древнем названии города, царил дух просветительства и стремления к знаниям. Ведь в городе еще в XIII веке при общинных церквях существовали школы, где изучали философию, грамматику, риторику, овладевали искусством переписывания текстов. Это чрезвычайно его волновало. Втроем молодые люди совершают прогулки по Итальянской улице, к морю, в городской сад, где гремел духовой оркестр пехотного Виленского полка, на мыс Святого Ильи. Они все такие разные. Петрова – строгая, с правильными чертами лица, Волошин – несколько меланхоличен и весь «в себе», Пешковский – восторженный, с зорким взглядом, остроумный. Беседы единомышленников о высоком вызывают всеобщее любопытство. На них обращают внимание, а у Макса девушки просят автографы. В вечерних дискуссиях обсуждаются свежие выпуски журналов, газет: «Вестник иностранной литературы», «Весь», «Мир искусства», «Золотое руно», «Русские ведомости», «Вестник Европы», «Политическая экономия». Александр и Александра исполняют классические произведения Баха в четыре руки.

Пешковский, преданно поклонявшийся Пушкину и Лермонтову, имел возможность вслушиваться в постоянное поэтическое бормотание будущего певца загадочной Киммерии. Когда в воображении возникали таинственные, непонятные образы, Александр испытывал особые душевные порывы. Иногда даже думал про себя: «Я тоже так могу!» Сам брал в руки перо, но строки получались малоподвижными, бессвязными. Однако упорный юноша продолжал познавать интуитивно ритм стиха. Тогда гимназист даже и не думал, сколько ему предстоит сделать в сфере языкознания. И уже совсем не представлял, даже в самых смелых мечтах, что станет преподавателем русского языка в московских школах и институтах.

Заслушиваясь волошинскими переводами Платона и Гейне, юноша вслед за другом читал Ч. Дарвина, В. Ключевского, В. Соловьёва. Они даже задумали издавать собственный журнал. И... О, счастье! Вместе они едут в гости в имение И.К. Айвазовского Шах-Мамай, который так тепло и уважительно их принял.

Приговоренный временем к традиционному изучению естественных наук (так было заведено: сначала получить техническое, юридическое образование, а потом уже – танцуй, рисуй, сочиняй, лицедействуй), золотой медалист, знающий латинский язык, математику, увлекающийся биологией, грамматикой, поступил в 1897 году на естественное отделение

ние физико-математического факультета Московского университета. Но на лекциях ему скучно, неинтересно.

Возможно, неопределенность в своем профессиональном будущем и повлияла на заинтересованность молодого человека в общественной и политической жизни. В 1899 году за участие в студенческих волнениях его исключили из Московского университета, и Александр продолжил образование в Берлине. Через два года он снова поступил в Московский университет уже на историко-филологический факультет. В 1902 году по той же причине студент вновь исключается из университета и пять месяцев проводит в тюремном заключении, которое пережил достаточно сложно. Только спустя 5 лет Александр смог получить диплом. «Его переход от занятий естественной наукой в иную сферу, раскрывающую духовные способности человека, и стали тем отправным пунктом в судьбе будущего ученого, который на долгие годы определил его филологическое сознание», – пишет единственный исследователь творчества и жизнедеятельности языковеда, профессор, доктор филологических наук О.В. Никитин.

Самое положительное влияние на становление Пешковского как будущего ученого оказал Р.Ф. Брандт – известный славист, профессор Московского университета. Он был широко известен как поэт-баснописец, переводчик произведений славянских и западноевропейских художников слова. Он живо откликался на современные культурные явления и приоритеты, активно, в частности, участвовал в образовании лингвистических обществ. Например, написал работу о языке футуристов. Роман Федорович с 1889 по 1902 г. состоял секретарем историко-филологического факультета, неоднократно исполнял обязанности декана и, очевидно, способствовал благополучному завершению студентом Пешковским университета. Брандт был уверен в способностях любимого ученика, считая его подготовленным педагогом. На одном из учебников Александра «Наш язык» написано: «Моему первому и незабвенному учителю Роману Федоровичу Брандту посвящаю я эту книгу».

Жил Пешковский в центре Москвы по двум адресам: в доме № 2 по Рахмановскому переулку, где у него часто бывал его верный друг Макс, и на Сивцевом Вражке, в доме № 35, кв. 18. Неподалеку от него, в доме № 19, в начале 1912 г. останавливался и Волошин. Он и ввел Александра в круг знаменитых литераторов, художников, музыкантов.

Особенно часто их замечали на «Никитинских субботках». Недовольный качеством преподавания русского языка, здесь, в доброжелательной атмосфере, молодой ученый мог свободно высказываться, опираясь на живое слово слушателей, в творчестве которых он интуитивно находил подтверждение своим будущим открытиям. Идеи Пешковского, вызревая как художественный и лингвистический первоэлемент, кристаллизуются в процессе повышенного интереса к психологии, философии, что вызывает уважение среди литераторов. Неслучайно в № 3 сборника «Свиток», выпускавшегося этим обществом, вместе с публикациями Л. Гроссмана, К. Бальмонта, О. Мандельштама размещается и статья Александра Матвеевича.

С Волошиным он не прерывает связи, хотя иной раз у них случаются споры, непонимание друг друга в вопросах эстетики слова, а в дальнейшем – целого ряда научных позиций. Так, например, Пешковский раскритиковал статью Максимилиана «Скелет живописи» («Весы, № 1, 1904), назвав ее содержание как «крошкovidность», напоминая автору, что нужно писать так, чтобы читатель воспринимал мысли авто-

ра своими собственными. В 1910 году Максимилиан Волошин, в свою очередь, остался недоволен переводами Горация, считая, что его друг не выразил дух и стиль древнеримского поэта. Сам Александр безоговорочно согласился с оценкой и извлек из рекомендаций друга определенные выводы. Культуру филологического строительства они горячо обсуждали при встречах.

Друзья в разные годы встречаются в Париже, Женеве, продолжая философские дискуссии. Эти темы остаются ведущими и в личной переписке друзей. Она составляет более 170 писем и ждет своего исследователя.

Он ворвался в лингвистику на плечах филологических гигантов. Молодой талантливый ученый сумел обобщить громадный опыт школьной и вузовской практики своих предшественников и стал автором многих оригинальных работ, обогативших русский язык. Работая над созданием новых учебников, регулярно выступал со статьями, посвященными изменению методики преподавания языка в школе.

Александр Матвеевич глубоко вникал в повседневные заботы учительской жизни, посвящая свои труды учету ошибок, предупредительно-диктанту, особенностям преподавания в семилетней школе и среди малограмотных. Александр Пешковский – крупный знаток европейской лингвистической практики. Александру Матвеевичу принадлежит более двадцати книг (научных, методических, педагогических) и более сорока статей по вопросам лингвистики и методике русского языка. Изданы его «Избранные труды» тиражом в 4000 экземпляров.

В 1910-е годы ученый выступил в Москве на первом Всероссийском съезде преподавателей русского языка средней школы с докладом «Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания». Он ведет активную общественную деятельность на уровне филологического просвещения. Пишет рецензии, редактирует книги ученых-практиков. В 1914 г. выходит еще один известный труд – «Школьная и научная грамматика: Опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике».

Так, языковед ратовал за изучение фонетики в школе: «С точки зрения усвояемости звуки представляют, конечно, наилучший из всех других элементов языка материал... Тут всё непосредственно ощущается, даже осязается на себе самом. Я бы сказал, что фонетика – это самый интересный, самый близкий к ребёнку уголок природоведения, грамматической науки, подобно тому, как черчение преподаётся при геометрии». До сих пор в школах идут дискуссии по проблеме зубрежки правил. Есть ученики, не знающие правил, но пишущие правильно. Много и таких, которые отлично знают правила, но пишут безграмотно. Пешковский своеобразно подводил итоги этих споров, причем особым художественным приемом: «Правописание – искусство. А во всяком искусстве возможны чисто интуитивные достижения. Немало есть музыкантов-самоучек, играющих без нот, «по слуху», даже транспонирующих слышанное в другой тон, с оркестра на рояль и так далее. И никому ещё в голову не приходило отрицать на этом основании пользу знания нот и теории музыки».

В 1914 году вышла первая научная работа А.М. Пешковского – «Русский синтаксис в научном освещении». Эта книга, отмеченная премией Академии наук, как сказано в предисловии к ней, «возникла из педагогической деятельности автора». Грамматика трактовалась филоло-

гом в её подлинном существе – не как прикладная дисциплина, учившая, как правильно говорить и писать, а как наука о формах, то есть о строе языка. Неслучайно на страницах этого объёмного, но увлекательного труда появились строки из поэзии В. Брюсова, А. Блока, Ф. Сологуба наряду с отрывками из А. Пушкина, Н. Некрасова, Л. Толстого, А. Чехова и периодики 1920-х гг. Текст воспринимался ученым не как привычный объект изучения: он наполнен всполохами событий и имен, речевых характеристик разных эпох. Послереволюционная деятельность Пешковского связана с преподаванием на кафедре сравнительного языковедения в Днепропетровском (Екатеринославском) университете (1918 г.). Там он одновременно давал частные уроки музыки и математики! Так сказать, для души и разнообразия своей интеллектуальной жизни.

С 1921 года Александр Матвеевич – профессор 1-го Московского университета и Высшего литературно-художественного института им. В.Я. Брюсова. В эти же годы он вел большую организационную работу: руководил Московской постоянной комиссией преподавателей русского языка, состоял членом специальных ученых комиссий при Наркомпросе и Главнауке. Так, например, 14 июля 1922 года ученый выступил с докладом «Желательные изменения в программе рабочих факультетов по русскому языку» на конференции рабочих факультетов. В то же время он занимался подготовкой материалов для «Словаря языка А.С. Пушкина» и составлением нового орфографического словаря для начальной и средней школы, толкового словаря русского литературного языка (так называемого «Ленинского словаря»), работа над которыми проводилась в начале 1920-х годов. Труды ученого положительно встречали в профессиональном сообществе, хотя находились и авторитетные оппоненты. Но и они со временем соглашались со многими воззрениями филолога. В 1925 году профессор избран в действительные члены Общества любителей российской словесности.

Каким он был человеком? Об Александре Матвеевиче с большой теплотой вспоминали люди, отмечавшие, пожалуй, самую суть его натуры: страстность, пылкость мысли, борьбу за передовые идеи в методике русского языка.

Известный филолог Н. Поздняков писал: «...он как живой стоит передо мной: маленький, подвижной, очки всегда немного набок, а за ними сосредоточенные, постоянно вглядывающиеся в какую-то мысль глаза. Я вижу искорки, вспыхивающие в его зрачках, улыбку, сопровождающую эти вспышки, и мне чудится его голос...»

Портрет Пешковского дополняют воспоминания писателя А.Р. Палея: «Из-за своего некрепкого здоровья... Александр Матвеевич быстро уставал от ходьбы. Потому он носил с собой портативный складной стул. Однажды мы с ним встретились у гостиницы «Метрополь»... Пешковский поставил стул у стены здания и расположился сидя побеседовать со мной. Какая-то проходившая мимо старушка посмотрела на стульчик, потом на сидевшего на нем пожилого человека, явно не собиравшегося уходить. Затем, движимая, очевидно, привычными ассоциациями, достала монетку и попыталась предложить ее Александру Матвеевичу. Пешковский потом добродушно смеялся...»

Жена Пешковского, Людмила Сергеевна, прожила 78 лет. У него было трое племянников – сыновья его старшего брата Артура. Среди них – журналист и прозаик Александр Артурович (1905) во время за-

ключения печатался в «Соловецких островах», мичман Лев Артурович (Понсард; 1894–1936), Георгиевский кавалер, прапорщик Арнольд Артурович (Арнольд-Вольдемар-Матеус Пешковский, 1892), полярник, участник Ленского похода.

Жизнь А. М. Пешковского оборвалась 27 марта 1933 года.

Александр Матвеевич верно, с полнокровной самоотдачей отстаивал систему жизненных и научных ценностей, беззаветно служил стране. А наследие Пешковского сегодня служит надежным щитом, точным компасом в сохранении культурного суверенитета России.

Вероника СОТНИКОВА

Предложим миру нашу школу

Можно сказать, что с Ярославом Владимировичем Мальцевым мы познакомились благодаря современности – это понятие он подробно рассматривал в кандидатской диссертации по философии, к моменту нашей встречи успешно им защищённой. Человек, способный анализировать идущие вокруг процессы, безусловно, интересен, тем более что давним объектом его исследовательского любопытства являются отношения общества и власти – тема остро актуальная во все времена.

Мой собеседник преподаёт в ТюмГУ и параллельно ведёт уроки истории и обществознания у старшеклассников. Помимо этого, в его педагогическом багаже – несколько лет тренерских занятий с учениками в секции айкидо. И как человек по складу склонный к наблюдению и анализу, он, естественно, не мог отказать себе в удовольствии осмыслить накопившийся преподавательский опыт. В итоге мы встретились, чтобы поговорить о школе. О той, от которой всем нам хочется уйти, и о той школе, к которой мы сегодня стремимся.

– *Ярослав Владимирович, в нашей стране немало дискуссий развёрнуто вокруг реорганизации среднего образования. А сформирована ли в общественном представлении идеальная модель, которая в равной степени устроит и педагогов, и учеников, и родителей?*

– Не буду спорить с тем, что в России можно найти неплохие школы, прежде всего, частные. Это, например, «Летово», где реализуется уникальная образовательная модель, или сохраняющая исторические традиции школа-пансион МГУ, или иркутская «Точка будущего». Из государственных можно отметить физико-математическую школу имени М.А. Лаврентьева при НГУ. Но подобных им всё равно очень мало на такую огромную страну. Что касается подавляющего большинства наших стандартных школ, их условия, к сожалению, таковы, что учитель, даже изначально мотивированный на глубокую и вдумчивую работу, бывает не в состоянии ею заниматься. Самый простой пример: параллельно со мной в школу устроилась девушка – молодой специалист. И сразу получила сорок часов нагрузки плюс классное руководство. Выдержала всего месяц, а дальше, я подозреваю, не просто ушла из конкретно этого учебного заведения. В любой другой школе её ждёт то же самое, а это значит, что непосильные объёмы работы, скорее всего, приведут к надлому, и она оставит профессию, ради которой столько лет училась.

Допускаю, что найдутся люди, которые сейчас же мне возразят: «Что такое эти сорок часов? Все мы за неделю отработываем столько же...» Но часы в музее, в управленческой сфере или даже на заводе несравнимы с часами, отработанными в школе. Какова специфика учительского труда? Во-первых, это восемь часов в день непрерывной речи. Во-вторых, классы разного возраста, требующие каждый своего подхода. Современный класс – приблизительно тридцать учеников. Если брать начальные параллели, это тридцать ребятишек различной степени подготовленности, с разной способностью концентрировать внимание и далеко не одинаково заинтересованных в учёбе. В старших – тридцать подростков, которые по своей природе очень активны и стремятся к действию. Их необходимо настроить на восприятие предмета, а потом в течение урока удерживать

к нему интерес. Когда учитель выходит на перемену, у него бывает одно желание: хоть немного отдохнуть в одиночестве и подготовиться к следующей встрече с учениками. Но возможностей для этого практически нет: наши зоны отдыха чаще всего ограничиваются общими учительскими. Когда у меня в расписании несколько «окон», я ищу место, где можно их скоротать. Потому что мой классный кабинет, как правило, занят, а стандартная школа не подразумевает того, что для учителя создаются комфортные условия. Когда-то у нас в стране был объявлен национальный проект «Образование». Он принёс положительные плоды: школы были переоборудованы, в них пришли новые технологии, теперь являющиеся неотъемлемой составляющей работы в классе. Но, мне кажется, что пришло время запустить новый стратегический проект, поставив в нём на первое место личность учителя.

– *И самый первый вопрос, который этот проект сможет решить?*

– Вопрос о классном руководстве давно уже назревший. Сам я, спасибо руководству нашей школы, его не веду, и это позволяет мне сосредотачиваться на моих профессиональных обязанностях, на взаимодействии с учениками. В моём понимании учитель должен заниматься своим предметом, любить его, вовлекать в круг этой любви молодое поколение. Организационную деятельность и классное руководство разумнее передать людям, имеющим к ним интерес и склонность – администраторам, кураторам, воспитателям. Я не случайно начал с огромной загруженности школьных педагогов. Классное руководство – это не только ответственность, но и масса бумажной работы. Отговорив у доски положенные ему часы, учитель садится писать отчёты, вместо того, чтобы отдыхать, проводить время с семьёй или посвящать его самообразованию. И если мы задумываемся о профессиональных успехах, последнее важно особенно. Из восемнадцатого века к нам пришёл лозунг «Laissez-faire» – не мешайте! Его выдвинули бизнесмены, когда правительство вставляло им палки в колёса. Очень справедливо и с педагогической точки зрения: не мешайте, не отвлекайте нас от наших книг, от возможности их обсуждать, от научной работы. И тогда у нас будет успех в классе. Потому что увлечённый профессионал найдёт способ заинтересовать детей, донести до них свои знания и стимулировать к поиску. В условиях ковида и вынужденного дистанта у учителей появилось чуть больше свободы, и коллеги мне рассказывали, что стали обстоятельнее готовиться к урокам. Вот и я, понимая, что хороший урок требует подготовки, не хочу отвлекаться на классное руководство, планёрки, воспитание или пропаганду. Это, думаю, справедливо в любой сфере деятельности. Чем мне нравилось айкидо? Там была только практика: татами, развитие навыков, совместный рост с учениками. Никаких бумаг и других обязанностей! И если в образовании и науке у нашей страны сегодня много проблем, то российское айкидо успешно и признаётся таковым на мировом уровне.

– *То есть главная задача: разгрузить учителя?*

– Я бы сказал, что это один из этапов. Давайте посмотрим на ситуацию с другой стороны и в качестве примера, который неплохо было бы перенести на школу, опять же возьмём спортивную секцию. Тренер свободен в организации учебного процесса и выставит ученика на экзамен, только понимая, что тот готов подтвердить свой уровень. А до этого будет заниматься с каждым ребёнком столько, сколько тому потребуется. Дети от такого подхода в восторге: им нравятся тренировки, у них нет стресса или боязни, что они чего-то не успеют. Успеют обязательно! Поэтому

в глазах родителей тренеры – уважаемые люди. Но, как я уже говорил, в спорте вместе со своими воспитанниками развиваемся мы сами. Именно в обязательном саморазвитии заключается принципиальное отличие труда учителя от любого другого – вот этого понимания в нашем обществе до сих пор нет. Беда в том, что ни родители, ни чиновники не хотят признавать, что преподавание в школе не может сводиться к функционалу. Нельзя прийти и выполнить свои операции без эмоционального и творческого вовлечения. Труд педагога вырастает из его личности. Все успешные учителя, имеющие последователей и оставившие след в культуре, начиная с Сократа, вовлекали окружающих в свою орбиту саморазвития.

– *Интересно, а как бы проявил себя Сократ в современной школе?*

– Я бы хотел, чтобы в ней работали настоящие мастера. Историки, которые ведут исследовательскую работу. Издающиеся, имеющие свою аудиторию писатели и поэты. Успешные бизнесмены. Или те, кто на высоком уровне овладел каким-нибудь ремеслом. Было бы очень здорово, если бы под их влиянием дети приобщались к реальному миру. В одиннадцатом классе мне повезло принимать участие в конференции, которая проходила во Дворце пионеров. Там выступали представители ТюмГУ, и я, поражённый уровнем их компетенции, сделал выбор в пользу моей нынешней профессии. К сожалению, чаще бывают обратные ситуации, когда учить детей приходят люди, которые не нашли другого применения в своей области знания. И, напротив, те, кто способен развиваться и двигаться дальше, её покидают. У меня есть очень интересные, очень увлечённые друзья-историки. Оба начинали работать в школе, а потом двинулись собственным путём. У одного теперь свой центр подготовки к ЕГЭ, другой переводит с английского исторические книги. Можно только представить, сколько знаний и желания узнать что-то новое они могли дать детям, если бы оставались рядом с ними. Но в систему, отнимающую все силы и не оставляющую ни минуты на то, в чём ты хотел бы совершенствоваться, они уже не вернуться. С другой стороны, в школах продолжают трудиться тысячи учителей, которые любят свой предмет. Я бы предложил продумать для них различные формы стимулирования к самообразованию. Возьмём, например, всем хорошо знакомые курсы повышения квалификации. Их деятельность отлажена: учителя регулярно и в обязательном порядке их посещают. К сожалению, в основном, там рассматриваются методические вопросы. То есть педагогические навыки ставятся выше знаний по предмету. Но лично мне была бы интереснее другая программа. Я бы с удовольствием послушал, что нового за последнее время произошло в моей науке, не важно, история это, философия или математика... Если бы об этом рассказывали преподаватели университета, представители академических кругов, это была неоценимая помощь учителям, позволяющая сориентировать их в дальнейших поисках.

– *Значит, приоритет профессионала над, собственно, педагогом? Тогда что же делать: только учить? Или всё же учить и воспитывать?*

– А кто мы такие, чтобы заниматься педагогикой? Кому известен правильный вариант и образ жизни? Настанет время, и сегодняшние ребята сами выстроят и себя, и своё общество, опираясь на собственный анализ. Они умные. Часто умнее и моральнее взрослых. Кажется, Борис Слуцкий, известный советский писатель, поэт и переводчик, говорил, что школьники – самые умные люди, так как они только что прочитали всю классику... Это меткое замечание и одна из причин, почему мне нравится работать в образовании. Но если надо непременно говорить о воспитании, то в ка-

честве примера я опять же предложу секцию айкидо. Дети бежали ко мне обниматься, родители звонили, чтобы поблагодарить. И я был счастливым тренером, который видит результаты своего труда. Школьная реальность чаще другая. Здесь общение с родителями не всегда конструктивно. Многие из них заходят к учителю, только если ребёнок получил двойку. И не с желанием разобраться в проблеме, а затем, чтобы высказать претензию. Все перечисленные мною проблемы не новы – с ними сталкивается каждый, кто работает в этой системе. Но, к сожалению, прежде всего этих столкновений не выдерживает молодёжь. Как результат, мы видим в школе немало педагогов, «привязанных» к ней обстоятельствами – возрастом или, например, кредитами, которые позволяет выплачивать их зарплата. Да, сегодня учитель может более или менее нормально жить. Но эта «нормальная жизнь» даётся ему огромным напряжением сил. И ребёнок, которого он учит, видит уставшего, потухшего человека, давно выгоревшего эмоционально. Вот тут-то, на мой взгляд, и кроется опасность, потому что школа – это модель жизни, к которой маленький человек будет стремиться. Или не будет – откажется её принимать. А тогда где ему искать ориентир? Хорошо, если есть достойное домашнее окружение. Но в классах немало детей из неблагополучных семей. Для них особенно важно приходиться в школу как в некий оазис и понимать, для чего именно они получают здесь знания. Хотя это понимание необходимо и любому другому ребёнку, пусть даже из самой обеспеченной и любящей семьи. И личность учителя, его харизма, настроение, его профессиональный уровень имеют приоритетное значение, потому что дети должны ему подражать – в одежде и манерах, в широте взглядов и знаний, в желании и возможности путешествовать. Они должны понимать, что учитель успешен и уважаем и ведёт их к такой же успешной жизни. Если уж воспитывать, то только так! Именно поэтому нам нужна новая школа – красивая, комфортная, рождающая у ученика позитивные мысли и ожидания.

– *Тогда надо менять отношение и к школьному пространству.*

– Я не зря с самого начала говорил об условиях учительского труда. Качественное обучение – это небольшие классы или даже группы учеников. И как можно больше учителей на каждого ребёнка. Пока что мы знакомы только с двумя концепциями образования – дореволюционной и советской. В первом случае оно было не всем доступно, во втором вводился всеобщ, но огромное население страны позволяло не бороться за раскрытие потенциала единичного человека. Всё решалось достаточно просто: быстро схватываешь материал – можешь рассчитывать на поступление в вуз. Если нет, условно говоря, идёшь на завод. Сегодня демографическая ситуация изменилась: нас мало, а конкуренция в мире растёт. В этих условиях мы не должны разбрасываться нашими гражданами. А поскольку потенциал есть практически у любого ученика, важно правильно с ним работать. У меня на домашнем обучении находится мальчик. Изначально его результаты были совершенно неудовлетворительными. Но индивидуальный подход, возможность проговаривать каждую тему и, сколько надо, столько раз к ней возвращаться, дали свои плоды. В настоящий момент, учитывая, с чего мы начали, успехи его максимальны. И так, я считаю, нужно заниматься с каждым ребёнком. У меня был опыт преподавания в православной гимназии – её условия позволяли уделять внимание каждому ученику, разговаривать, спрашивать домашнее задание. Об этом же говорит и практика наших лучших учителей, победителей педагогических конкурсов: достижения их воспитанников тем выше, чем комфор-

тнее обстановка, созданная в классе. Но в стандартной переполненной школе, где не хватает места и приходится заниматься в библиотеках, коридорах или актовом зале, добиться её практически невозможно. Мы должны строить новые школьные здания – и как можно больше. Делать в них упор на эстетику и экологию. Мне очень понравился разработанный во Франции проект учебного заведения: там всё в зелени – и по вертикали, и по горизонтали. Это не просто красиво, но и полезно, потому что растения благотворно влияют на здоровье и интеллект. Не могу удержаться, чтобы не привести цитату из любимого мною Алена: «Прекрасное требует, чтобы мы мыслили». Школа должна воспитывать вкус – хочется, чтобы там были просторные помещения, мебель, картины. Так же важно, чтобы она была удобной: со множеством уютных уголков, рекреационных зон, где ребята могут собраться своими стайками. Пока же в большинстве наших школ нет простейшей возможности – выстроить парты так, как этого требует конкретный урок. Допустим, при обсуждении текста мне нужны сиденья, выставленные в круг для равного диалога, подчёркивающие, что я в нём только партнёр. А если я что-то рассказываю, мне опять же неважно, как сидят ученики. Главное, чтобы удобно было им. Идеальная школа современности, на мой взгляд – это, скорее, некий семейный центр с культурным и спортивным наполнением. С литературными клубами, мастерскими художников, кружками поэтов, с залами для проведения публичных лекций и площадками для различных физических активностей. Конечно, для создания таких центров потребуется перераспределение бюджета. Но, думаю, многочисленная армия родителей его обязательно поддержит.

– *То есть ждём запроса со стороны наших граждан?*

– Он уже существует. Ответственные родители готовы многим жертвовать ради своих детей. Они выбирают учебные заведения, вплоть до переезда в другие районы и даже регионы, собирают информацию о школах, смотрят показатели по ЕГЭ. Существующая система образования не устраивает никого, не случайно сегодня в стране, как мы уже говорили, идёт общественная дискуссия с привлечением широкого круга экспертов. Я думаю, что нам требуется как можно больше школ – самых разных. Конкурирующих между собой, позволяющих себе по конкурсу отбирать учителей – это опять же станет для нас стимулом совершенствоваться. Тем более что во многих школах есть думающие руководители и педагоги: они могли бы пытаться менять свою работу, приближая её к надобностям дня сегодняшнего, как это делают, например, современные вузы. Но вузы в более выгодном положении: они свободнее в принятии решений. Возьмём в качестве примера ТюмГУ: сегодня там создаются гибкие программы, продумываются индивидуальные траектории обучения, максимально ориентированные на потребности студентов. Наши преподаватели предлагают списки возможных курсов, и только проявленный студентами интерес влияет на то, какие из них закрепятся в расписании. Школы так трансформироваться не могут – слишком жёсткие требования к ним предъявляются со стороны Министерства образования. И вот тут, если мы говорим об общественном запросе, родителям стоит обращаться с вопросами и пожеланиями не к учителю как самому доступному звену образовательной системы, а активнее взаимодействовать с государством, донося до него свои пожелания.

– *Но надо взглянуть на проблему и глазами ученика... Что сами школьники включили бы в запрос о реформе?*

– Уменьшение нагрузки! Только представьте: шесть дней в неделю по семь предметов – как может мозг ребёнка переработать такой объём информации? В школах, да, есть одарённые дети, которые справляются с подобными задачами. Но мы, взрослые, должны понимать: они это делают, отказывая себе в отдыхе, что в итоге не приведёт ни к чему хорошему. На мой взгляд, нужно разделить предметы на обязательные и на те, которые ребёнок будет изучать по желанию. Их давать до определённого возраста или в объёме вводных курсов. Дети, имея право выбора, прекрасно сориентируются сами. Я, например, уже с шестого класса знал, что мне не столько нужна математика, сколько литература, история, обществознание. Но если ученик уже выбрал нужные ему предметы, он должен получить возможность изучать их как можно шире. История? Тогда пусть это будет, допустим, «история колониализма», «история феминизма», «история развития техники»... И ребёнок, читая о том, что ему интересно, постепенно начинает на чём-то специализироваться. Два-три нужных и захватывающих урока в день, таким образом, ему будут гораздо полезнее, чем семь совершенно неинтересных... А пока мои коллеги не случайно жалуются, что их ученики ничего не учат. Кроме тех, разумеется, кто нацелен на медаль и делает всё возможное для того, чтобы её получить.

– *Ещё один большой вопрос: способ оценки знаний...*

– Можем для начала порассуждать о том, насколько хороша или плоха система ЕГЭ. С одной стороны, она, действительно, даёт возможность детям из регионов поступать в ведущие вузы страны. С другой – у неё масса несовершенств. Это и уровень стресса, и вынужденные походы к репетиторам. Да и, честно сказать, не очень я люблю тесты. Они не информируют меня о действительных знаниях моих учеников. Ребёнок, отвечая на тестовые вопросы, может упустить из внимания какой-нибудь маленький факт, даже если у него есть понимание той или иной исторической ситуации. А ещё в школах сегодня огромное количество всевозможных проверочных работ помимо ЕГЭ. Мне кажется, это лишнее. Гораздо эффективнее вовлекать детей в творческие мероприятия – в олимпиады по предметам, в научные конференции. И наряду с результатами ЕГЭ, было бы очень неплохо, если бы высшие учебные заведения активнее принимали во внимание портфолио, объективно демонстрирующее стремления абитуриента в выбранной области знаний.

Думаю также, что определённой мотивацией к учёбе могли бы служить «двоечные» аттестаты. У нас ведь только формально существует пятиступенчатая система оценки, в реальности родители и дети понимают, что в любом случае их «натянут» на тройку. Но с решением этого вопроса спешить не стоит. У меня сейчас пять девятых классов. В каждом есть и очень сильные ребята и те, кому мой предмет, скажем так, не особенно интересен. И мне гораздо удобнее было бы заниматься по группам, практикуя как динамичное обучение, так и стандартное. Тогда я бы по-разному строил программу и выставлял материал, добиваясь максимального эффекта для одних и для других учеников.

– *Россия, на ваш взгляд, гуманитарная страна?*

– У России огромные гуманитарные традиции, это верно. Но сегодня мы ощущаем нехватку специалистов именно этого профиля – даже в плане просто качественного преподавания литературы или истории. Я часто задумываюсь о некой цивилизационной матрице, которую Россия могла бы предложить миру. Пока что мир тяготеет к США как к стране победившего либерального порядка. Но если мы возьмём американское

образование, то увидим, что там достаточно проблем, в частности, низкий уровень обучения детей в государственных школах. Зато университеты Запада имеют лучшую материальную базу, чем у нас, привлекают сильнейшие кадры, конкурируют за них. Я в прошлом году читал курс по истории стран Азии и Африки. Отечественной литературы по этой теме практически нет. То есть целый регион мира для нашей науки остался *terra incognita*... И так же во многих сферах философии или социологии – все передовые исследования пишутся и издаются на английском. Не вредно обратить внимание также на то, что сегодня лучшие социологи мира едут работать в Китай, несмотря на политические особенности этой страны. Это говорит о создаваемых там условиях работы. Помните лозунг Трампа: «Сделаем Америку великой»? А если мы возьмём другой лозунг и сделаем Россию комфортной? И начнём именно с образования, с вклада в наше общее будущее. «Россия – республика учителей!» – мне кажется, это достойная программа и привлекательный культурный и цивилизационный проект, который рано или поздно заставит многие страны взглянуть на нас как на новый ориентир.

Наталья КОСПОЛОВА

ЗВЕЗДНЫЕ КОНТУРЫ ЗЕМНЫХ ДЕЛ

(Сага о вогулах)

Отдавая дань памяти легендарному, фантастически талантливому человеку, каким был мой отец Эмиль Иванович Косполов, считаю возможным сказать несколько слов о народе манси. Об этом малочисленном и загадочном этносе исследователям известно не много. Выделяясь на фоне географических соседей подобно тому, как отличаются от окружающих групп, например, сахалинские айны, не совпадая по языковым, антропологическим и социо-культурным признакам практически ни с одним из этносов, этот народ незаслуженно мало изучался, и история его содержит массу вопросов, на которые в течение не одного столетия ученые не могут найти ответов.

На фоне глобального экологического кризиса тема малого этноса приобретает особую ценность: инфраструктура современного мегаполиса в корне противоположна малому поселению в аутентичной среде. Противоположна в плане техногенных компонентов и в плане особой этики. Этика мегаполиса рассчитана на активное вмешательство в природную среду без учета сохранения вековых традиций, в то время как целостность мира, единство всех его составляющих – от микро до макро, от капли росы и луча света, до бурления реки по весне или хруста снега зимой, понимание себя как частицы мира – это чувство характерно теперь только для малых этносов.

Настоящим откровением будет признание факта, что именно малые народы способны сохранять гармоничное эколого-духовное слияние с окружающим миром. И свет заповедных истин, передаваемый от поколения к поколению представителями уникальной нации «от первого лица», набирает все большую значимость на фоне стремления передовых держав отрывать от своего природного начала.

Если же принять во внимание известный «Угорский транзит», о котором скудные, но точные сведения находим разве что у археологов, этих странноватых, загадочных, немногословных людей с непроницаемыми лицами, имеющих дело с костями и черепками и весьма неохотно делящихся драгоценной информацией с простыми смертными, то в новом свете выступают сюжеты редчайших письменных свидетельств мансийского фольклора. Речь не только о миграциях протоугров за «Камень» в те далекие времена, когда еще манси имели богатырское телосложение, а женщины их родов стреляли из лука не хуже мужчин. Учитывая сведения, что в 1455 году Вогульский князь Асыка напал на Вычегодскую Пермь, прошел до Усть-Выма и взял в полон Питирима Пермского, а затем – в ответ – в 1465 году из Европы Скряба прошел на Угорскую Землю воевать и добился обложения данью зауральских народов, можно заключить, что перемещения вогулов «за Камень» были периодически возобновляемым явлением, и устный эпос манси донес особенности, конкретизирующие ситуацию каждого нового похода.

Так сложилось, что исторически мансийскому народу постоянно приходилось сталкиваться с более агрессивными соседями, будь то отдельные группы коми в Европе или отряды хантыйских или татарских соседей. Мансийская легенда «Вожак Ивыр» в переложении А.М. Коньковой доносит до нас следы этого транзита, в ходе которого богатырского телосло-

жения нация с феноменальными способностями вытеснялась на Восток и Север, растрачивая постепенно силы на борьбу с тяжелыми погодными условиями. В ходе этого передвижения происходило естественное смешение этносов и закономерная трансляция мансийских – и всевозможных коми-вогульских и вогуло-мордовских названий – на территорию современного Ялуторовского района, Тобольска, Ишима, Тюмени. Это породило множество загадок для исследователей: если сравнить топонимику мансийских названий и названий ряда стран Европы, то нас поражает сходство ряда топонимов или гидронимов. Начиная от прибалтийского «Юрмала», финского «Куоккала» и, например, архангельского «Соломбала» – и оканчивая топонимами «Емуртла», «Юшала», «Ингала», Шеркала в Тюменской области, можно отметить трансляцию форманта -ла как прямую языковую преемственность.

При этом множество фактов говорит о существовании «прототекстов», в большинстве своем до нас не дошедших, где отражена главная миграция манси на Восток. Культурные последствия такого транзита прослеживаются не только в мансийской литературе, которая, кстати, катастрофически бедна на записанные тексты, но и в материалах, до настоящего времени с мансийской культурой не связанных. Как не сказать, например, спасибо Бажову с его уральским правдивым и дотошным документализмом литературного языка! Мы находим, к счастью, массу памятников литературы, где сливаются непротиворечиво реалии сказов П.П. Бажова, одна из основных особенностей которого – биографичность и деловитая документальность; и лаконичность мансийского эпоса, наиболее аутентично переданного и дошедшего до нас в интерпретации А.М. Коньковой.

Вчитываясь в Бажова, мы слышим звуки: звучит кирка или другие специфические прилады горнозаводских рабочих, хрустит снег, пересыпаются блестящие камушки под ногами... Фосфоресцирует туман в виде синей шапки – над Синюшкиным колодцем, который с детства врезается в нашу память... Даже запахи присутствуют в этой прозе, осязаемость приисков, путей и ослепительность природных огней...

Обобщенная проза Анны Митрофановны Коньковой подобна Северной библии, где нет нужды пристально вглядываться в происходящее на наших глазах чудо. Имеет место быть изящная констатация факта данного чуда, краткая и исчерпывающая, как несколько страниц из огромной летописи странного и не всегда понятного потомкам народа.

Постоянный диалог с природой у «слушающего человека Севера» в крови. Да и шаманы – это не только какие-то камлающие обкуренные бабуси, это целая культура, закрытая от досужих любопытных глаз.

Мироощущение миропонимание манси – изначально или в силу сложившихся обстоятельств кем-то или чем-то гонимого на восток народа – постепенно трансформировалось в соподчиненное некому Торуму, некому объекту на звездах, лесной или Водной деде. Обожествление сущего, рядом царящего порядка, второстепенное к нему отношение, как ни парадоксально облегчило группам угров крещение и повлияло на христианизацию, одной из важных заслуг которой стало уменьшение вымирания народностей от засилья кабаков.

Как до христианизации, так и после уклад жизни и верования манси не имели базовой зависимости от места, выбираемого для поселения (малый круг – избы, землянки, юрты; большой круг – Европейская территория, Уральский регион, Западная Сибирь), и не переживали фундаментальных мутаций, связанных с перемещениями.

Потому и угорская сказка так многозначна, и только один её план нацелен на неназидательное воспитание и обучение подрастающих охотников, воинов или мастериц.

Мансийские сказки поэтому предполагают ролевое или ритуально-игровое замещение зооморфными персонажами людей в ситуации, когда требуется закрепить какой-либо навык в образной, смягченной, неназидательной форме. Прием замещения идет параллельно с обучающим приемом, когда животному целиком отдана человеческая роль и совокупность функций, так сказать, пожизненная.

Например, Заяц и Зайчиха в сказке «Хочу – не хочу» выполняют постоянные функции родителей, и только. Множество других планов просматривается в образах духов.

Человек – дух в человеческом обличье (Комполэн, Виткась, Кул-нэ) как антропоморфный участник северных сказок и притч, как правило, присутствует либо в некоем фоновом удаленном пространстве или времени, в параллельной действительности, в рассказах или высказываниях активно беседующих зверей и птиц сказки, либо они способны к возрастной, телесной либо иной трансформации, которая необходима им при общении с человеком.

ВОДНАЯ БОГИНЯ

Такова, в первую очередь, хранительница водных просторов – Кул-нэ. Примечательно, что для ряда китайских, тюркских и ряда других народностей женская ипостась Водного пантеона богов естественна. Это не только признак длительности действия матриархата у малых народностей Югры, но и указание на функцию воспроизводства, способность рождать живое. Для мировоззрения большинства фратрий народа манси характерна установка, что первоосновой бытия является вода.

Такая приверженность к доминированию водной стихии может говорить о древности и всеобщности для различных наций текстов о происхождении земли, появлении участка суши из-под воды. Таким же древним является повествование о предшественниках людей – представителях четвертой расы на Земле – Менквах.

Менквы в мансийских мифах – это неудачная попытка верховного Бога сотворить людей, и создавались они из стволов лиственниц, являясь представителями среднего мира. Эпоха менквов так и называется – Менквен-Торум. По одной из версий, например, младшей сестрой братьев-менквов с реки Ляпин считается лесная дева Мис-нэ, связь которой с Кул-нэ иногда восходит к прямому замещению: в некоторых интерпретациях Вор-Мис-нэ (лесная женщина) и Вит-Мис-нэ (водная женщина) имеют равноправную функцию в пантеоне «подчиненных» духов. В этом случае Кул-нэ напрямую дублирует Вит-Мис-нэ.

Верховные боги мансийского пантеона, представители верхнего мира – это прежде всего верховный Торум, сотворивший менквов и следящий за миром, отвечающий за мирное разрешение конфликтов, а также Хонт-Торум – высшее Божество войны; Сорни-Кворес, к которому можно обращаться напрямую не иначе, как Сорни-Кворес-бабушка, Сорни-Кворес-тятенька.

Меньшие по рангу представители невидимых трех миров (верхнего, среднего и нижнего) – это «смотрители» стихий: земли, огня, воды.

Присутствие женского персонажа, связанного с водой, встречается в мансийских легендах, нашедших отражение в сказках А.М. Коньковой,

например, в сказке «Мыколкинакамка». «Мыколка нашел в своем труде то добро, которое обещала ему Кул-нэ – Женщина-Рыба». Еще более показательный пример почитания Кул-нэ встречаем в «Сорнин Канясь – «Золотой князь»: «Побежала тогда Вондр к реке, увидела ее Кул-нэ – Женщина-Рыба – из воды и начала звать: «Беги ко мне, я укурю тебя». Распустила Кул-нэ над водой свои длинные зеленые волосы и скрыла под ними Выдру. Ушла Выдра в воду, нашла там свое спасение и поныне в воде живет».

Образ Кул-нэ примечателен целой палитрой соответствий с образами хранителей водных глубин у других народов или в областях за пределами Тюменской области. Если рассматривать привязанность к определенному месту – роднику, ручью, реке, колодцу, то у Кул-нэ «подведомственная территория» – река, причем в ряде случаев – часть реки, либо – реке – бассейн конкретной реки.

В сказках Бажова аналогичными свойствами обладает, например, синюшка, которая говорит о себе и своей связи с глубоким колодцем: «К здешним богатствам навек приставлена». Ее полномочия – охрана территории, на которой находится колодец и подземные россыпи драгоценных камней.

Отличительные особенности этого персонажа – способность к трансформации и одновременно – молодость и старость. «Синюшка я, всегда старая, всегда молодая».

Возможно, есть связь у образа Синильги и образа Синюшки не только с легендарной Кул-нэ, но и – топонимически – с озером Сингуль в Ялуторовском районе. Синиль=снег, Синюш (производное от Синиль и трактуемое состояние воды) – это один корень. У саамов, как известно, 41 обозначение состояний снега, а плеяда женских персонифицированных божеств, отвечающих за различные агрегатные состояния воды, впечатляет. В этот пантеон входят всевозможные владычицы царства снегов, Снежная королева – у датчан, Снегурочка – в средней полосе России, Синильга – в Восточной Сибири, причем «синиль» непосредственно означает снег. Отсюда понятно Син-гуль – озеро. Снег – и синиль – означает одно и то же. Русская версия, производная от снег – снегурка, дочь – дочурка. Интересна связь этого персонажа с темой девственности, целостности: чистота снежной девы должна быть неприкосновенна.

Другая поведенческая история у Синильги, например, скорее вяжется с лесными девами: захочет – появится, захочет – исчезнет, а того и гляди запутает, уведет в чащу. Образ Синюшки поражает чисто мансийской многозначностью – тут параллели с Комполэном, и чисто Бажовской выпуклостью: у нас полное ощущение не только подлинности персонажа, но и присутствия рядом.

ЧЕЛОВЕК ЛЕСА

Талантливый, гениальный рыбак-одиночка, который знает, как выйти «на связь с Кул-нэ» – так думали об Эмиле Ивановиче многие соседи, жители дальних поселков и даже соратники по Думе. Эмиль Косполов – человек из породы вождей – передатчиков и интерпретаторов высшего знания, той необходимой основы, на которой базировалось устройство северной жизни, не мог быть и не был обыкновенным. Его аура спланивала людей вокруг незримо, но безусловно, и поэтому неудивительно, что мы оказались свидетелями того, каким ударом стал уход его из жизни не только для отдельных соратников, но и для целых семей и родов.

...Добродушный и улыбчивый в общении, он иронически относился ко всем ярлыкам, которые приписывали ему при жизни, находясь космически далеко от любых определений и не признавая сужения рамок. Он мог подолгу глубоко задумываться, как бы выпасть из реалий этого светлого мира, что естественно для литераторов и музыкантов любой нации (по одной из ветвей происхождения родов предки его – Лозьвины, считавшиеся неисправимыми молчунами). Предполагаю, как такому человеку, как мой отец, трудно было подолгу в обычном традиционном для современного человека социуме. Любой, даже бытовой разговор и с отцом, и с бабушкой Аннэ – А.М. Коньковой всегда хотелось продолжать и продолжать, продлевать подольше, потому что было странное ощущение «космического ветра» – и от слов их, и от самого общения. Для таких людей всегда отворено некое «окно в небо», и даже уходя, они просто делают какой-то малозаметный оставшимся жить знак или жест – как взмах крыльями. Прожить, не проронив даром ни частички света – большое искусство, данное немногим...

Рыбак с большой буквы с этими мифами был, безусловно, знаком. Но вряд ли вспоминал о них, когда рыбачил. Со стороны его знаменитая рыбная ловля выглядела трагикомично. Комично – для него, трагично – для других рыбаков. Перекладывая сигарку с одного уголка рта на другой, а то и обходясь без сигарки, он усаживался у лунки, замирал, «слушал реку»... Потом весело и молниеносно являл на свет Божий очередную щучку или окунька... Потом – следующего... И сиял при этом, как диск луны в полнолуние. А метрах в двадцати от него вверх и вниз по течению унылые, экипированные до зубов собраты по увлечению мерзли, сердито зыркали в его сторону и, отчаявшись, выносили резюме – мол, с Кул-нэ договор у него, или присказку какую знает, колдун! Ну, посудите сами: посреди белого безмолвия неподвижной равнины реки пять почти одинаковых лунок – недалеко друг от друга. Все в равную заняты ловлей, но только у Эмиля клюет. Сидят в оцепенении ханты, манси, русские – неважно; унылые еще более потому, что и полчаса не проходит, как издевательская сияющая физиономия свидетельствует о том, что крупная щучка опять пришла к тому самому счастливчику...

Он признался однажды, посмеиваясь над прозвищем «колдун», что на самом деле он просто ищет необычное в обычном – река ли это, лес ли или скрупулезная работа в Думе. Глубина – в мелком, свет – в темноте, дорога – в чаще... Жизнь по законам рода требует постоянного диалога с природой, утраченного современной цивилизацией, и дает человеку особое чутье в выборе правильного направления.

Владимир МОСКОВКИН

Военфельдшер

На черно-белой фотографии 1945 года, стоящей в рамке на столе, высокая, стройная, красивая девушка в военной форме. Все ее лицо и фигура выражают чувство уверенности и достоинства. Прошли годы, многое изменилось, на лице появились морщинки, волосы побелели, но рассуждает и говорит она замечательно, поэтому записывать ее воспоминания легко и интересно. Я расположился в удобном кресле с блокнотом в руках рядом с расправленной кроватью, на которой она сидела, опираясь на подушки, готовая в любой момент, если потребуется, прилечь и отдохнуть. Негромким спокойным голосом она начала свой рассказ.

Родилась я в 1921 году в селе Богандинском под Тюменью. Мне было два года, когда случился пожар, дом сгорел, и семья перебралась в соседнюю деревню Киёво. Отец – Петр Дмитриевич был человеком грамотным, его избрали председателем сельсовета. Мама – Анна Михайловна была домохозяйкой, после меня она родила еще троих дочерей: Лиду, Любу и Тамару.

С детства я смотрела за младшими, помогала по хозяйству, доила корову, ухаживала за телятами и овцами. В восемь лет пошла в школу.

Окончив семь классов, поступила в фельдшерско-акушерскую школу в Тюмени. После окончания ФАШ была направлена на работу в больницу села Гладилово Голышмановского района. Там меня поселили на квартиру, где жила зоотехник Вера Ладан. Мы подружились, вместе ходили в клуб, катались на велосипеде, купили туфли на высоком каблуке. Вера познакомила меня заочно со своим братом Иваном, курсантом одного из московских военных училищ. После окончания училища он обещал приехать, но их курс досрочно выпустили и отправили на западную границу.

В 1940 году я поехала в отпуск к родителям. Мама была беременна. Подошло время рожать, а акушерка уехала в город, санитарка прибежала за мной. Я приняла роды и запеленала младшую сестренку Люсю.

Весной следующего года познакомилась с парнем – Петей Шинкаревым, только вернувшимся из армии после четырех лет службы. Он был высоким, стройным блондином, старательно ухаживал за мной. В пятницу 20 июня пришел нарядно одетый с цветами и сделал предложение. Мне было девятнадцать, многие мои подруги были уже замужем. Я дала согласие. Его родители стали готовиться к свадьбе.

В воскресенье мы с Верой отдыхали дома, когда на улице по репродуктору стали передавать что-то важное. Собрался народ, мы тоже вышли и услышали сообщение о нападении фашистской Германии.

Вечером, когда я дежурила в больнице, пришел мой жених. Я отказалась выходить замуж, объяснив, что теперь нас обоих призовут в армию. Всю ночь он уговаривал меня, сидел на крыльце до утра, но напрасно. Через три дня его отправили на Дальний Восток.

Вере пришло письмо из Полтавы от родственников – ее брат Иван пропал без вести.

Было еще тепло, когда призвали в армию отца, я поехала попрощаться. Мы обнялись и расцеловались. Он был в военной форме и в этот же день отбыл на фронт.

Зимой пришла повестка и мне. Зинаида Ивановна напекла в дорогу пирогов. Я собрала вещи. На конном дворе Вера запрягла в кошевку лошадей и отвезла меня на призывной пункт.

Из райцентра меня и еще одного фельдшера отправили пассажирским поездом в город Ачинск, где шло переформирование 56-го гвардейского артиллерийского полка. Меня назначили фельдшером медсанчасти и выдали военную форму. Как фельдшер я относилась к офицерскому составу. На лацкан воротника мне прикрепили медицинскую эмблему и два кубика. Я посмотрела на себя в зеркало и увидела настоящего бойца Красной армии.

Около месяца шло переформирование полка, затем в воинском эшелоне нас отправили на Запад. Зачехленные 122-миллиметровые орудия, охраняемые часовыми, размещались на платформах, лошади в крытых вагонах. Санитарный вагон находился в конце состава. Мы следили за санитарным состоянием эшелона, лечили больных.

Чем дальше продвигался состав, тем яснее я понимала, что еду на войну, и плакала. Один молодой лейтенант уговаривал меня не плакать, но слезы сами наворачивались. Лишь непрерывная работа и новые впечатления высушили их. Ранним утром эшелон прибыл на станцию подмосковного города Дмитров. Мы стали выгружаться. Построились на перроне, затем двинулись в кирпичные казармы, где на плацу приняли воинскую присягу. В казармах, занимаясь боевой подготовкой, учились передвигаться по-пластунски, стрелять из пистолета, выносить раненых с поля боя.

После месяца подготовки полк выдвинулся в район Волоколамского шоссе. За несколько километров от фронта было видно зарево пожарищ, доносились раскаты орудийных выстрелов. Выйдя к передовой, полк вступил в бой, артиллерия поддерживала наступавшую пехоту. Медсанчасть осталась в тылу полка. Когда разрывы стали стихать, привезли раненых. Сначала их было трое, затем доставили еще нескольких. Это были солдаты и офицеры нашего полка, мы делали первую обработку ран, накладывали шины и отправляли их в медсанбат.

Постепенно мы втягивались во фронтовую жизнь. Я привыкла к арт-обстрелам, а к авианалетам привыкала трудно. Страх вселялся в душу, когда сверху на нас падали бомбы. Как-то после боя я сопровождала тяжелораненых на конных повозках в медсанбат, находившийся в десяти километрах от передовой в большом селе, в одноэтажном здании школы. В селе были сосредоточены тылы армии разных полков и дивизий. Я сдала раненых и поехала в тылы артполка, располагавшиеся в большой деревянной избе, но не успела зайти, как послышался отдаленный, слабый, нараставший гул самолетов. На горизонте показались «Юнкерсы» в сопровождении истребителей. Кто-то крикнул: «Воздух!»

За ним закричали другие. Люди побежали, спотыкаясь и падая, кто куда. Пикируя, бомбардировщики один за другим стали сбрасывать на село бомбы. Кругом грохот и пламя. Не чуя ног, я бежала на окраину села, бросилась в первую попавшуюся яму лицом вниз, подтянула ноги, обхватила голову руками. Взрывы раздавались все ближе.

Сколько продолжался налет, трудно сказать. Самолеты отбомбились и улетели. Я осталась цела, не ранена, не контужена, только в голове шум, соображаю медленно. Выбралась из ямы, осмотрелась по сторонам, село горело, черные клубы дыма поднимались во многих местах. Еще не придя в себя, пошла в сторону полка на передовую. Навстречу раненый солдат, левой рукой он придерживал правую, срезанную осколком ниже локтя.

– Сестричка, перевяжите, – попросил он.

Я наложила жгут, обработала и забинтовала рану. Повязкой через плечо подвесила руку к груди.

– Вас сопроводить?

– Не надо, у вас работы много, а для меня война закончилась, – сказал он и пошел в сторону медсанбата, а я в свою часть.

В начале августа началось наступление на Ржев. Я, теперь дивизионный военфельдшер, находилась на батарее. Рано утром началась арт-подготовка, длившаяся более часа. Наконец, канонада стихла, огневые средства противника подавлены, путь танкам и пехоте расчищен, мы двинулись за ними. По сторонам горящие деревни, жители прячутся в лесу.

Немцы, отступившие на заранее подготовленные позиции, сильно бомбили и обстреливали передний край, тем не менее пехота изо дня в день продолжала атаковать укрепления немцев. Меня на некоторое время отправили в пехоту помогать военфельдшеру, не справлявшемуся с наплывом раненых. Мы обрабатывали раны и делали перевязки. Руки в крови, но вытирать некогда. Многие стонали, кто-то умирал. Мы едва держались на ногах, пальцы затекли, руки не слушались, но раненых не бросали. Каждый солдат должен был знать, что его не оставят в беде.

Осенью напряженные бои продолжались. Погода портилась, все реже проглядывало солнце, шли холодные дожди. Меняя место расположения, мы преодолевали многие километры по размытым дорогам, а когда добирались до постоянного места дислокации, рыли и устраивали землянки, ставили печь, и тогда становилось тепло и уютно.

Я проверяла санитарное состояние землянок, вещмешков, чистоту котелков у солдат, они не любили их мыть. Раз в месяц организовывали баню. Ставили большую палатку для помывки. Отдельно мылись женщины-медики. В походных условиях это трудно сделать, и бывало подолгу приходилось терпеть, ожидая банного дня. Солдат беспокоили насекомые. Бывало, боец снимал гимнастерку, встряхивал, и земля становилась живой от черных вшей. Тогда разводили костры и держали над ними рубашки. Со временем соблюдение гигиены и улучшение питания привело к исчезновению вшей.

Простудных заболеваний не было, так как мы все время были на воздухе. Если кто-то жаловался на недомогание, я давала таблетку и отправляла в землянку, при этом разговоров часто бывало больше, чем лекарств.

Бойцы с нетерпением ждали почту, радовались каждой весточке из дома. Я получала письма от Лиды и была в курсе домашних событий. Она писала, что устроилась дежурной по станции на разъезде Беркут, получила служебную квартиру. Мама с детьми переехала к ней. Лиде давали паёк, кроме того, были своя корова и огород. Я получала денежное довольствие и половину высылала маме, а другую часть оставляла себе. В наши тылы приезжал военторг, где можно было купить расческу, полотенце, белье.

Поздним осенним днем я обходила батареи. Раненых не было, я пошла в штаб дивизиона. Тут немцы начали стрелять шрапнелями. Я бросилась бежать и спрыгнула в запорошенный снегом окоп, а там убитый немецкий солдат. Он сидел, как живой, уткнув голову в колени. Я зажмурила глаза, подсунула голову под его туловище и так сидела пока обстрел не закончился. Когда стихло, выбралась из окопа, а навстречу уже шел солдат, посланный из штаба. Командир дивизиона майор Кондыба вызвал меня и отчитал за то, что хожу без сопровождающего, но я и впредь продолжала ходить одна.

Зимой началось новое наступление. Тяжелые орудия и минометы не смолкали. Танки и пехота атаковали немецкие укрепления, однако вмешался сильный снегопад с ветром. Преодолевая сугробы, пехотинцы упорно шли на укрепленные немецкие позиции. Раненым и обмороженным мы оказывали первую помощь и отправляли на санях в медсанбат. Лишь перед самым Новым годом атаки прекратились, но и обескровленные немцы не смели атаковать. В начале 1943 года мы наступали на Жиздринском направлении. Днем и ночью шли тяжелые бои. Поступало много раненых.

Весна пришла рано, снег таял, зазвенели ручьи, земля превратилась в непролазную грязь. Несмотря на некоторое продвижение, освободить Жиздру и Брянск не удалось, но опасаясь окружения, немцы начали отступать и оставили Ржевский выступ. В это время мне было присвоено звание лейтенанта, я пришла к гимнастерке погоны с двумя звездочками.

Перед Курской битвой войска пополнялись новыми солдатами, офицерами и вернувшимися из медсанбатов. Меня перевели на должность фельдшера минометного дивизиона. Там я подружилась с санинструктором Женей Петровой, восемнадцатилетней москвичкой: невысокой, худенькой, очень доброй и отзывчивой. Мать ее умерла во время войны, отец погиб на фронте. Мы всегда были вместе как две лучшие подруги.

Когда на одном из наблюдательных пунктов ранили командира батареи, мы с Женей, получив приказ, отправились по кратчайшей дороге. Пересекая ржаное поле, не маскировались, а бежали в полный рост, громко разговаривали и смеялись. С наблюдательного пункта кричали, чтобы мы укрылись, но мы не слышали. Немцы открыли огонь. Пришлось залечь. Когда огонь стих, мы поднялись, пригибаясь, побежали дальше и вскоре прибыли на НП. Командир батареи был ранен осколком в плечо. Чтобы не причинить ему боль, мы осторожно обработали рану и наложили повязку. Он поблагодарил нас, а меня похвалил за смелость, сказал, что я очень мужественная, и если он останется жив, то напишет обо мне. После возвращения в дивизион меня вызвал командир и отчитал за то, что позволили себя обнаружить немцам, которые могли засечь наблюдательные пункты.

На следующий день Женя пошла ко мне с батареи в штаб и попала на мину. В медпункт ее принесли на плащ-палатке. Она была без сознания, правая нога раздроблена, сильно текла кровь. Я крепко перевязала ногу бинтом с ватой. Терять нельзя было ни минуты. Солдаты нашли машину, положили девушку в кузов и повезли в медсанбат. Назад Женя не вернулась. Из госпиталя она написала, что ей ампутировали ногу.

В сторону Курска шли танки. Ежедневно автомобили доставляли боеприпасы, продовольствие, медикаменты. Мы должны были наступать на Орловском направлении. Рано утром повара накормили солдат, и они встали у минометов. Тысячи орудий открыли огонь. Казалось, противник подавлен, но он все же опомнился и попытался перейти в контрнаступление. Снаряды и мины со свистом и воем понеслись в нашу сторону.

Один из снарядов попал в угол нашей землянки и пробил щель. Не успели клубы пыли заполнить помещение, как снаружи крикнули: «Связь оборвалась!» Двое связистов пошли исправлять. Вскоре позвали военфельдшера. Я, пригибаясь, побежала по траншее. Один из связистов был ранен в бедро. Пожилой солдат лежал на спине, запрокинув голову, и сдавленно стонал, гимнастерка и брюки набухли кровью. Когда я сня-

ла ремень, подняла гимнастерку и нательную рубашку из живота вывалились кишки. Я затолкала их обратно и быстро перевязала. Солдаты приподняли раненого, он громко застонал, а затем, собрав силы, сказал:

– Сестричка, милая, помоги, у меня четверо детей.

Я плотнее затянула повязку:

– Ничего страшного, вы будете жить, только надо срочно сделать операцию.

Его осторожно положили на носилки, вынесли с передовой и повезли в медсанбат. По дороге он скончался. Я долго не могла успокоиться. Мой отец тоже находился на фронте, но я о нем ничего не знала.

К передовой шли новые колонны пехоты, танков, машин с боеприпасами. После нескольких дней упорных боев немцы отступили. На поле боя остались тысячи убитых, подбитые «тигры», перевернутые пушки и машины. Началось общее наступление.

Осенью мы стояли в местах, где леса почти не попадались. Для укрытий использовали овраги, землянки сверху закрывали ящиками от снарядов, оставалось надеяться, что прямого попадания не будет.

После очередного саносмотра я проходила мимо наскоро сделанной землянки. Оттуда выглянул офицер: «Сестра, заходи чай пить». В укрытии было четыре человека: командир батареи, замполит и два командира взводов. Повар приготовил жаркое из убитой обозной лошади. Я никогда не ела конины. Оказалось, вкусно. Мы покушали, попили горячего чаю, поговорили, посмеялись, и я пошла к себе. Шагая по дороге, я услышала свист снаряда. По звуку он уже был на излете. Надо быть осторожнее. Только зашла в землянку, села на нары и начала перебирать содержимое сумки, как вбежал посыльный.

– Вам приказано немедленно явиться на батарею.

– Я только оттуда.

– Начальник штаба приказал срочно.

Я схватила сумку и побежала на батарею. Там, на месте землянки, где мы только что пообедали, дымилась глубокая воронка – прямое попадание снаряда. Офицеров разорвало и расшвыряло по полю. Части их тел собрали и похоронили в этой же воронке, сделали небольшой холмик, дали залп из орудий. Я сильно расстроилась и плакала, офицеры погибли, а меня и на этот раз смерть обошла.

Мы шли на Запад. Проходили по много километров в день. Со временем лошадей заменили автомобили – «полуторки» и «студебеккеры», передвигаться стало легче. В 1944 году меня перевели в Запасной артполк, а затем в учебный дивизион фронта. Мы располагались лагерем в лесу. В дивизион прибывали офицеры-артиллеристы, с которыми проводились занятия, а затем распределяли по передовым частям. Командиром был сибиряк из Новосибирска майор Белоногов. Однажды он вызвал меня в штаб и спросил: «Ну, что, землячка, хочешь съездить домой?»

Начались сборы: выписали документы, дали сухой паек, и в конце лета с вещмешком на плече я отправилась в двухнедельный отпуск. Ехала на восток в пассажирском поезде. Лежала на верхней полке, на расстеленной шинели, подложив под голову вещевого мешок, и под стук колес смотрела в окно на мирную жизнь. В голове возникали радостные картины встречи с родными. Я не успела им сообщить, что еду в отпуск.

На третьи сутки поезд подошел к Тюмени. Мимо окон проплыли сибирские избы, знакомый старый вокзал. Поезд резко затормозил и остановился. Еще через час поезд подошел к разъезду Беркут.

Никто меня не встречал. У стоявшей на насыпи женщины спросила, где живут Липчинские? Она указала на один из домов. Около дома играли две девочки – мои сестры. Старшая Тамара узнала меня и бросилась на шею, подошла и Люся. Вместе зашли в дом. На кухне готовила обед бабушка Пелагея. Она всплеснула руками: «Боже! Откуда ты?» Через некоторое время прибежали мама и Лида. Все обнимали и целовали меня, никому не верилось, что я живая, мама и бабушка плакали. Накрыли стол: накормили меня картошкой, грибами, огурцами – от чего я уже отвыкла. С фронта я привезла гостинцы: тушенку и печенье. Разговоры шли до поздней ночи. Вместе читали письмо отца, где он писал, что служит ефрейтором в аэродромном полку ПВО и недавно был награжден медалью «За боевые заслуги».

Спать меня положили на Лидину кровать, она легла на полу. Мы ещё долго разговаривали. Утром мама принесла парное молоко. В небе яркое солнце, на улице тепло, на деревьях шумит листва, как будто и нет войны. Неделю я пробыла дома. Съездила в город к крестной – тетке Ульяне. В парикмахерской сделала модную стрижку «под мальчика». Больше нечем было заняться. Стало скучно.

Отпуск пролетел. Провожая меня, мама и сестры плакали, и я тоже, но не вернуться нельзя. Поезд тронулся, разъезд растаял вдалеке. До Москвы добралась без приключений, затем по железной дороге до Гомеля, а оттуда на попутных машинах в свой дивизион, который за две недели продвинулся далеко на запад вместе с фронтом.

В учебном дивизионе я прослужила всю осень, а в конце года был назначен новый командир, приехавший с женой. Она стала военфельдшером дивизиона, а меня направили в 68-ю артиллерийскую бригаду 48-й армии. Бригада находилась северо-восточнее Варшавы. На грузовом автомобиле вместе с возвращавшимися офицерами мы пересекли границу с Польшей.

Несколько месяцев артиллерийская бригада стояла в обороне на Наревском плацдарме. Командиром бригады был полковник З. Травкин, командиром 2-го дивизиона, в котором я должна была служить – майор П. Боев. Командиром батареи звуковой разведки капитан А. Солженицын – будущий известный писатель. Он казался мне гордым и недоступным. Всегда был занят, постоянно записывал что-то в блокнот, не шутил как другие при встрече. Я его видела на собраниях офицеров, но чаще он сидел в землянке и что-то писал.

Новый 1945 год встретили в хорошем настроении, с наряженной ёлкой и праздничным столом. Пригласили молодых полячек. Они пришли в красивых платьях. Офицеры ухаживали за ними, угощали, приглашали на танцы. Впервые за годы войны праздник проходил так весело.

Скоро должно было начаться наступление. Траншеи заполнялись пехотинцами. Бесперывным потоком шла военная техника.

Утром 14 января, несмотря на то, что из-за мокрого снега ничего не было видно, тысячи орудий и минометов, сотни «Катюш» обрушили на противника лавину огня. Когда гул орудий стих, пошла пехота. Атаковали по открытому полю. Артиллерийские разведчики выдвинулись вперед и действовали в боевых порядках пехоты, засекая огневые точки противника. Вернувшись с поля боя, разведчики зашли на НП. Здесь их встретил командир дивизиона майор Боев и поблагодарил за хорошую работу, а начальнику разведки сказал, что представит к награде. Начальник разведки – высокий, стройный, молодой лейтенант был доволен. Тогда впервые я услышала его имя – Василий Федорович.

В образовавшийся прорыв двинулись танки и кавалерия. За ними на машинах пехота. Артиллеристы, зацепив тракторами пушки, двинулась за ней. На пятый день мы подошли к границе с Восточной Пруссией. Ночью в метель дивизион выстроился по фронту и открыл огонь.

Начало светать, когда командир дивизиона скомуандовал дать очередной залп. Я попросила командира батареи разрешения выстрелить и, получив согласие, встала у орудия. Раздалась команда «Огонь!». Я из всех сил дернула за спусковой шнур, но чуть запоздала. Все снаряды полетели вместе, а мой – за ними.

– Кто стрелял из четвертого орудия? – закричал по рации командир дивизиона

– Это стреляла военфельдшер...

Мы вступили на территорию врага. Началось наступление к побережью Балтийского моря. За день мы преодолевали десятки километров, преследуя отступавшего противника. Вскоре передовые части вышли к морю и отсекли восточно-прусскую группировку от Германии.

Дивизион выстроился в походную колонну. Мы прошли по мосту через реку Пассарге на восточный берег и стали обустривать огневые позиции.

Часть расположилась в деревне Адлиг Швенкиттен. Разведчики обследовали её, ни противника, ни местных жителей не обнаружили. В соседней деревне Кляйн Швенкиттен расположился штаб дивизиона.

С вечера шел снег, затем поднялась метель. Ветер наметал сугробы. Мне и вольнонаемной прачке, принятой в Белоруссии, велели занимать комнату в соседнем со штабом двухэтажном доме. Мы стали обустриваться, принесли дров, растопили голландку. Поужинав, собрали мягкие перины, подушки, одеяла и легли спать. Ночью раздался стук в дверь:

– Раненых привезли!

Мы быстро вскочили. Снаружи слышались крики и стрельба. В прихожей на плащ-палатке лежал раненый, еще нескольких выгружали из машины. С чердаков домов и сараев начался обстрел неизвестно откуда взявшимися немцами. Боеприпасы подвезти не успели, защищаться нечем. Мы остались один на один с пехотой и танками противника.

Дом заполнялся ранеными. Приказа отступать не было, из штаба бригады требовали: стоять насмерть. Тогда вызвали в штаб дивизиона командира взвода лейтенанта О.Н. Гусева, сына командующего армии. Он позвонил отцу, рассказал об обстановке на нашем участке, и генерал дал приказ отступать. Началась эвакуация. Когда все раненые были отправлены, я осталась одна в пустом доме. Последней отъезжала крытая грузовая машина, она снизила скорость: «Прыгай». Я на ходу заскочила на подножку и держалась за дверку, пока не выехали из деревни. В поле рядом с машиной стали рваться снаряды. Машину преследовал немецкий танк, стреляя на ходу. Пришлось бросить машину и бежать в лес. Как только мы бросили машину, в неё попал снаряд, и она загорелась. По лесу мы бежали несколько километров, и наконец, добрались до штаба бригады.

Вслед за нами группами и по одиночке на левый берег реки выходили артиллеристы. Последними шли разведчики, вооруженные автоматами, они прикрывали отходившие расчеты. Несколько дней продолжались кровопролитные бои, всё это время я не покидала поле боя, оказывая помощь раненым. Наконец, к нам подошло подкрепление. В атаку пошли танки. Оставленные позиции были возвращены.

В бою погибло много солдат и офицеров, погиб и командир дивизиона майор П.А. Боев. Павших похоронили с воинскими почестями.

Во время немецкого контрнаступления капитан Солженицын вывел из окружения свою батарею. Однако вскоре мы узнали, что Солженицын арестован контрразведкой. Никто ничего не объяснял по поводу его ареста, среди офицеров ходили слухи, что он в письмах критиковал Сталина.

За участие в боях на реке Пассарге я была награждена орденом «Красной Звезды». С переднего края меня вызвали в штаб бригады. Командир бригады вручил мне орден и поблагодарил за отличную службу. Я ответила: «Служу Советскому Союзу!»

Мы блокировали немецкую группировку под Кенигсбергом, в местности, где было множество рек и озер. С наступлением весны непролазная грязь, туманы и дожди еще больше затруднили продвижение.

Немцы начали эвакуацию своих войск морем, часть их с помощью подручных средств переправилась на косу, остальные начали складывать оружие. Крупные бои остались позади. Раненых становилось все меньше, и наконец, совсем не стало. Весенняя распутица закончилась. Война близилась к концу. Тогда мне было присвоено звание старшего лейтенанта.

Несколько дней никто не стрелял. И вдруг ночью раздался сильный шум, крики и выстрелы. Я вскочила с кровати и выбежала. Все солдаты и офицеры высыпали из казарм, прыгали, кричали «Победа! Победа!», обнимались и стреляли в воздух из автоматов, винтовок, пистолетов. Война закончилась. 9 мая проходило в праздничной обстановке, проводились митинги, бойцы обнимались, кричали «Ура!», поздравляли друг друга.

На следующий день бригада разместились в городе Эльбинг, а затем переместилась на запад в Померанию. Немцы возвращались в свои дома, теперь они мирные жители. Мы продолжали нести службу в военном городке. В окрестностях собрали брошенных коров, организовали ферму. На работу пригласили девушек – украинок, угнанных на работу в Германию. Офицеры ухаживали за ними, некоторые женились. Главной заботой стало устройство личной жизни. Мне нравился старший лейтенант, командир разведки 2-го дивизиона. Он стеснялся, посылал сержанта Орлова, чтобы сосватать меня. Я шутила: «Орлов, я за тебя выйду замуж». Наконец, Вася пришел в санчасть. Мы долго разговаривали и сошлись. Как и я, он был старшим в многодетной крестьянской семье. После окончания школы в Белоруссии учился в Крымском техникуме агроинженерии. Когда началась война, его послали учиться в артиллерийское училище, через год присвоили звание лейтенанта и отправили на фронт.

Мы жили в разных казармах, но затем переехали в отдельную квартиру. В день моего рождения, 24 октября, мы с Васей сфотографировались и послали карточку домой. В ответ пришло письмо от отца. Он писал, что демобилизовался вскоре после Победы. Дом в Киёво продали и купили в Тюмени флигель с небольшим огородиком. Отец спрашивал, когда мы вернемся, я ответила, что надо немного подождать.

В конце 1945 года нас с Васей перевели в минометный полк, и мы переехали в соседний военный городок. Там нас вызвал командир полка майор Разуваев и сказал, что если мы серьезно думаем жить вместе, то надо зарегистрироваться, это можно сделать в Гданьске, в консульстве СССР. В марте 1946 года на грузовой машине мы приехали в Гданьск. Нас пригласили в комнату, где сидел офицер, он зарегистрировал нас, выдал свидетельство и поздравил: «Теперь вы стали мужем и женой». Мы вернулись в часть и отметили это событие вдвоем на квартире.

После регистрации я демобилизовалась, окончательно рассталась с военной формой, надела гражданское платье, заново научилась ходить

в туфлях, купила сумочку, сделала новую прическу. В военторге мы приобрели койку, стол, стулья, посуду – всё, что необходимо.

В феврале 1947 года Вася демобилизовался, и вскоре мы выехали из военного городка на железнодорожную станцию. С собой везли мебель и много других вещей, в отдельную коробочку упаковали ордена, медали и военные фотографии. Приехали в Тюмень 17 марта ночью. Поезд проследовал мимо вокзала, до тупика. Солдаты помогли выгрузиться. Вася пошел искать дом отца, а я осталась караулить вещи. Когда Вася постучался в ворота, уже светало. Все в доме проснулись, соскочили с кроватей. Отец с Васей взяли лошадь с телегой у соседа, коротким путем добрались до станции, погрузили вещи, посадили меня и поехали домой. Там уже накрыли праздничный стол. Мама и сестренки с радостью обнимали и целовали нас.

Это сейчас мы ветераны, а тогда о войне не хотели и вспоминать – закончился этот ужас и слава Богу.

Зинаида Петровна закончила свой рассказ. Находясь под его впечатлением, на минуту задумалась. Но вскоре усталость пересилила, и она уже спала – глубоко и ровно дышала.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Елена КРЮКОВА

БЕСПРЕДЕЛЬНЫЙ ПРОСТОР

О шеститомнике поэта и прозаика Александра Кердана

Многотомник писателя – целый Мирь. Огромная, невероятная Вселенная. Когда выходит многотомник, словно шумит на ветру дивный лес с гигантскими корабельными соснами, разлапистыми елями, мощнейшими дубами... и самой малой травкой, травинкой душистой, нежной, тайной, единственной.

Этот лес – жизнь писателя.

Эти стволы, эти ветви – дни, месяцы, годы его жизни, радостно отданной любимому труду, созданию книг, бесконечной каждодневной работы с великим русским Словом, со звёздно сияющим Логосом, а оно, Слово, мы помним, «было у Бога, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна).

Александр Кердан вырастил шесть таких поэтических и прозаических лесов. И тут даже дело не в юбилее, не в возможности отметить свою хорошую, торжественную дату со дня рождения весомой, значимой работы. Дело тут в совокупности этих возможностей – в обретении себя на земле, в счастье художественного высказывания, в творческой радости большой личности.

Конечно, надо прожить на земле среди людей крупный, фресково-неохватный кусок жизни, многое переплыть, иное перейти вброд; бороться с пожаром злости, зажигать огонь Духа, не сгибаться, иной раз и стоять насмерть. Если ты выбрал творчество, то – ни шагу назад. Творчество – это победа. Каждый раз победа. Над временем. Над косностью. Над неверием. Над самим собой. Творчество – это неуклонное движение к Богу.

И вот много всего наработано. Александр Кердан объединяет Вселенную своей поэзии и прозы в шесть томов. И мы входим под их словесные, образные, сюжетные, нравственные своды.

Существование многотомника загадочно не только для писателя, автора, но и для читателя. Как читатель встретит такое монументальное собрание? Вызовет ли оно живой интерес? Или масштабы предьявленного отпугнут человека, всеми последними временами настроенного на удовольствие, отдох, откровенный гедонизм? Что греха таить, мы понимаем общий настрой времени: скорости увеличились, чтение плавно переселилось в область фильмов, клипов, видео – их смотрят теперь гораздо чаще, чем читают, охотятся за коротенькими романами, легкими сериалами, эстрадной рифмой – одним словом, за развлечением.

Но есть целая армия читателей, что не сдает позиции Духа. Именно к ним и обращен шеститомник Александра Кердана. Можно открыть один том – и погрузиться в стихи; можно сопоставить поэзию автора с достижениями и открытиями его прозы. Мы глядимся в многотомник Кердана, как в зеркало, узнавая там себя – наше время, наших людей, наши лица, наши судьбы, и одновременно мы видим в нем Родину: ведь Россия – это мы и есть.

Громадное зеркало бытия – вот что такое все творчество Александра Кердана в совокупности. Шесть томов – это счастливая возможность переселиться, перелететь на планету Кердана и заняться ее изучением, а на этом пути и нас, и уже знакомых с произведениями Александра Борисовича, и впервые их читающих ждут несомненные находки, потрясения, радости, озарения.

Для русского писателя существование одновременно и внутри поэзии, и внутри прозы – традиционное, привычное и во многом необходимое существование. Здесь надо помнить о законе культуры, который есть почти закон природы: чем шире душа человека, чем больше и безусловнее любит Родину и весь окружающий Мирь, всю земную ойкумену его чуткое и отзывчивое сердце, тем богаче и неохватнее диапазон жанров, в которых писатель (да и всякий художник!) работает; расширяя круг жанров, приёмов, стилистики, тем, образов, сюжетов, такой широко и оригинально мыслящий писатель поднимается до высот художества.

Таков Александр Кердан. Вертикаль его писательских интересов и пристрастий уходит глубоко в историю, обнимает настоящее и поднимается над землей, и он хочет посмотреть на события, на сиюминутность сверху, охватывая наблюдательным взглядом и мыслью большие пласты русской истории, психологии, культуры, искусства, разных областей жизни, разноликих её пространств.

Кердан прежде всего поэт. Поэтических штрихов, акцентов, поэтического видения у него много и в прозе. Проза и поэзия в его художественном мире сплетаются, взаимопроникают. И шеститомник дает нам, читателям, прежде всего ощутить необычайную цельность и творческой природы писателя, и его полнокровного, полновесного художественного пространства.

Открываем первый том... тут крупная форма. «Роман с фамилией» и «Царь горь».

И становится понятно, почему писателя так тянет тема времени, образность, напрямую связанная со временем, его глубинами и высотами, его неспешным неумолимым ходом, с его тайным трагизмом (прошлое не вернуть...). Автор обнимает и мыслью, и сюжетом большие времена – эпохи. Первый век нашей эры, Рим, эпоха Христа, первых мучеников за Христа, колоссальной драматической силы столкновения христианских максим, гласящих о любви как о параллели Бога, как о первом признаке бытия Божия, и злобы людской, неистребимой и узнаваемой, в борьбе с которой либо гибнет, либо укрепляется человек, поднимаясь до бесспорных нравственных высот. После изображения Рима перед нами предстает другое историческое время и другие страны – Первый Крестовый поход, Испания, Иерусалим, а потом тяжелой волной, девятым валом трагедии наваливается семнадцатый век – век колоссального кровопролития на землях Украины. То время и для Руси-России было неизмеримо болезненным, полным духовных сражений и подлинного ужаса: это пограничное, терминальное время русского Раскола, когда схватились в битве за древние книги царь Алексей Михайлович и Никон с одной стороны, а с другой – опальный протопоп Аввакум.

Александр Кердан, погружая читателя в исторические бездны, человеческие борения и страсти, говорит нам прежде всего о вечности человеческих чувств и о вечной тяге человека – познать ход времен и принять участие в переустройстве Мира. Человек всегда стоит перед выбором – его представляет человеку Господь. Да, история – это бушующий океан, и не всякий пловец его преодолеет, не всякий капитан доведёт свой корабль до пристани

без лощи. Судьбы иной раз безвозвратно тонут в море времени. А в памяти людей остаются герои – те, кто отважился пожертвовать своей жизнью во имя великой – и часто не личной, а общечеловеческой – цели. Воин, павший в бою давным-давно, в чужой стране, в незапамятные времена, улетает душою в небо, не ведая, что станет живым звеном, соединяющим цепочку поколений...

«(...) Острие ударило меня чуть повыше кромки кольчуги, в ямочку под горлом. Удар был такой силы, что я выронил меч, сорвался с лестницы и полетел вниз, задыхаясь и захлёбываясь собственной кровью. И тут как будто раздвоился.

Одна часть меня продолжала стремительно падать, другая – неожиданно легко взмыла ввысь. Воспарив, увидел всё происходящее со стороны (...).»

Удивителен этот момент перевоплощения, интенсивного проживания других жизней, отдалённых от нас вереницей долгих веков...

И всё время лейтмотивом звучит в романе авторский голос приёмом «от первого лица», и человек размышляет о судьбах семьи, неповторимости прошлого, чудесах будущего, которые нам не дано увидеть...

«По задумке Творца, судьба каждого человека predetermined. И хотя у сотворённых по образу и подобию Его сохраняется право выбора, возможность сделать шаг по торному пути или свернуть на обочину, воспользоваться даром Божьим или зарыть свой талант в землю, – мне кажется, что всё, что со мной должно случиться, уже случилось.

Мне дано родиться, увидеть белый свет, дарована способность видеть, слышать, дышать, двигаться, мыслить, страдать и сострадать, познать творческие муки и вдохновение...»

Роман «Царь горы» тоже соединяет времена. Как в свое время пел Виктор Цой: «Перемен, мы ждём перемен!..» Не всегда перемены идут во благо государству и его жителям. В этой работе Александр Кердан говорит о подлинном, об истинном, о пережитом и сам вкладывает сильное собственное чувство в размышления и сюжетные, и «закадровые», которые мы способны лишь почувствовать, о времени, истории, событиях. Можно ли было предотвратить огромную горе разлома и гибели Советского Союза? Мы потеряли сильную, великую, цельную, крепко сколоченную страну. Конечно, в то время перед нами вставало много соблазнов, первый из них – свобода. Пресловутая свобода, за которую боролись наши прадеды, сыграла с нами, со страной, плохую шутку – общество раскололось, одни люди видели ход событий так, другие иначе, и эта борьба мировосприятий обернулась возникновением целого букета войн, восстаний, смертей... И то, что сейчас происходит с нашей соседней страной-сестрой, бывшей республикой СССР, есть результат тех горестных, горьких, но, увы, бесповоротных исторических событий.

И боль войны Кердан тоже изображает в романе: это афганская война, и ее трагизм поднимается словно бы из глубин воспоминаний, написан строгими, скупыми, сдержанными красками – и тут же вспыхивает ярким, страшным светом военной реальности:

«Рядом с носилками семенил капитан-медик с системой для переливания крови в поднятой руке:

– Кто это, док? – спросил Борисов.

– Прапорщик, десантник... Минно-взрывная травма обеих нижних конечностей... В Кабул везём... – на ходу отозвался тот.

– А фамилия как? – Борисов пошёл рядом.

– Шуплов... Прапорщик Шуплов. 345-й отдельный гвардейский парашютно-десантный полк... Знакомый, что ли?..

– Знакомый... – Борисов скорым шагом пошёл к «таблетке», у которой поджидал его майор Петров.

– Что, сослуживца встретил? – поинтересовался он.

– Одноклассник. Женька Шуплов, второгодник и школьная шпана... Никкак не ожидал его здесь увидеть... (...).

Во втором томе собрания сочинений Александра Кердана опубликована историческая диалогия «Берег отдалённый...». Первопроходцы Русской Америки – кого не волновали, особенно в юности, их яркими факелами горящие судьбы? Кердан предстает тут перед нами как великолепный мастер сюжета. Живо и энергично разработанный сюжет придает прозе оттенок пространства кино, делает роман зримым, и книга «пускает» нас в себя жить, становится увлекательным, познавательным трёхмерным фильмом, героям которого сопереживаешь. Блестяще разработанная событийность, рельефность характеров исторических персонажей – да, это прекрасный материал для режиссёра! И какие люди являются на страницах книги!.. Гордость русской истории... Николай Резанов, Иван Крузенштерн, Кирилл Хлебников, Дмитрий Завалишин...

«Те, кто провёл многие месяцы во власти океана, подтвердят: нет радости большей, чем снова ощутить под ногой надёжность матерой земли. И если уж потомки неустрашимого Беринга, как дети, бывают счастливы появлению на горизонте любого клочка суши, то что говорить о тех, для кого пресловутые футы под килем – наказание Господне!

Речь о невольных пленниках зыбучей стихии, об этом балласте океанических судов – их многострадальных пассажирах. Для последних вернуться в привычный сухопутный мир – словно заново родиться на свет. Они вдругорядь учатся ходить по земной тверди, словно впервые восхищаются всем, чем богата земля: лесом, ручейком, цветком на обочине. Но ни с чем не сравнимо чувство путешественника, когда и лес, и ручей, и цветок, которые он видит перед собой, родные, российские. И пусть земля, на которую он ступил – это самая дальняя оконечность Отечества, всё одно – родина! (...).»

Родина... Задумаемся над этим словом. Дадим охватить, обнять себя этому огромному и светлому чувству, чувству Родины. Каково им, отважным нашим русским, было там, на другой оконечности Земли? Но они служили Родине, работали во имя Родины, на благо Родины.

И вся ткань произведения пронизана, пропитана живыми разговорами, диалогами, общением, которое, по утверждению Антуана де Сент-Экзюпери, и есть самая большая роскошь...

«– Чего сумерничаешь, Андрей Александрович?

– Карты отыскал в архиве, Кирилл Тимофеевич... Очень занятные. Составлены лейтенантом Романовым в его бытность в колониях. А вот описание путешествия Корсаковского по Юкону...

– Для чего понадобились тебе сии труды?

– Хочу подготовить экспедицию, Кирилл Тимофеевич. Такую, чтобы дойти посуху до мыса Барроу и до Ледовитого моря... Вот, посмотрите: от озера Нушагак, через горный хребет в долину Кукоквима...».

Мощное дыхание Тихого океана. Обычай и уклад чужих племён, чужедальних народов. Освоение неведомых земель. Любовь, принесённая в жерт-

ву науке, политике, изысканиям, флоту, государству. Ландшафты Северной Америки – и строгие улицы Санкт-Петербурга, испанские блестящие балы – и индейские пещеры... Александр Кердан в этой дилогии выступает как превосходный живописец словом. Ему одинаково хорошо удаются и изображения природы, и человеческие необоримые страсти, и философские раздумья героев.

И что же? Русская Америка, великая русская история не отпускает ни автора, ни нас с вами, дорогие читатели. Третий том собрания сочинений Александра Кердана снова обращён к тематике, к образам Русской Америки. Это романы «Крест командора» и «Звёздная метка».

В «Кресте командора» перед нами – мощнейшая фигура Витуса Беринга. Его Вторая Камчатская экспедиция открыла России новые земные горизонты, новые земли. Финал романа знаковый. В размышлениях человека о судьбах тех, кого уже нет на земле, просвечивает неколебимая уверенность в том, что герои сделали масштабное, грандиозное дело, отворив государству Российскому новую историческую дверь:

«Заметив обглоданные кости, Шелихов подумал, что надо перезахоронить эти безвестные останки, да и полусгнивший крест над могилой Беринга заменить... А ещё подумалось ему, как запутана жизнь: в ней и великое, и низкое, и память, и забвение – рядом. «После смерти происхождение и вера значения не имеют. Важно, ради чего жил человек, служил ли добру или подличал, исполнил ли свой долг или нет...»

Для командора Беринга и разделивших его долю рядовых матросов главным итогом земного пути стали не их слабости и просчёты, приведшие на этот островок. Главным было другое – в тяжких каждодневных трудах совершили они почти немислимое – великие открытия, которые навсегда останутся славой России».

Шелихов долго глядел на океан, за которым лежала Аляска... (...)

Сначала мы открыли и завоевали Аляску. А потом её потеряли. Это явилось геополитической драмой, если не трагедией. И здесь Александр Кердан касается вопросов более чем насущных именно для нашего сегодня. Мы все это понимаем. Россию Запад, страны атлантического мира всегда хотели расчленивать, разорвать на куски. А ту часть Америки, которая пребывала русской настолько, что люди там уже ходили молиться в православные храмы, была продана в 1867 году, и писатель показывает сквозь боль и горечь неизбежного, насколько важна была земля Аляски для России, и какова была мера и политической, и финансовой, и хозяйственной трагедии после этой печальной сделки.

Кердан пишет об этих роковых последствиях продажи Аляски прямо, не завуалированно, горько, смело. Мы сейчас, из нашего исторического далека, видим, что всё так и произошло...

Откроем четвёртый том: здесь повести, рассказы и роман «Караул». Этот том можно назвать томом военной прозы Александра Кердана.

Сам военный человек, отдавший службе в армии много лет, автор великолепно, полно и глубоко знает военную жизнь. Всё событийное, всё изображаемое пропущено через судьбу, сердце, непростые, серьёзные раздумья о судьбах солдат и офицеров, о бытии русской армии. Тридцать лет службы в Вооружённых силах родной страны подарили писателю необходимый,

насущенный армейский опыт. Кердан дослужился до полковника, и это уже о многом говорит. О смелости, об ответственности за службу, об энергии действия, о верности присяге и Родине. Конечно, всё увиденное, услышанное, пережитое легло в основу этой прозы, и автор берёт читателя в плен и подлинностью пережитых сюжетов, и силой откровенности, и мастерством психологических характеристик, и, конечно, изображением контрастных человеческих судеб – тут широкий нравственный диапазон: вот героизм, а вот лукавство, подлость, злоба. Они никуда не исчезают из нашей жизни. Но осмыслить их необходимо.

Вот рядом – ужасная смерть и светлая, ласковая, продолжающаяся наперекор всему жизнь...

«Вернулись к своим. Осмотрели убитых. Это были солдаты и офицеры первой мотострелковой...»

У Смолина желваки заходили на скулах. Он ссутулился ещё больше и молча ушёл в штаб-подвал. Кравец отправился следом. Все необходимые распоряжения по отправке погибших отдал Долгов.

Ночью они решили раскупорить остатки водочного «энзэ».

Рядом крутился щенок дворняжки, которого солдаты нашли среди руин соседнего дома. Был он мохнатый, округлый, смешно переваливался на коротких лапах и всем своим видом подтверждал кличку, на которую отзывался – Шарик. Щенок холодным носом тыкался в ладони, то к одному, то к другому. Наконец, он устроился на коленях Долгова, время от времени поскуливая, преданно заглядывая ему в глаза и пытаясь лизнуть в лицо (...).

Этот маленький весёлый щенок рядом с трупами замученных, распятых врагами друзей – тот необходимый художественный контраст, что внезапно становится жизнью, правдой и неистово переворачивает душу.

Зададимся вопросом: а вечна ли на земле война? И задумываются ли над этим люди военные, армейские? На примере Александра Кердана мы видим: не только задумываются, но и героически отдают свои жизни за то, чтобы те, кто воспевают и превозносят войну, когда-нибудь навеки сложили оружие.

Обратимся к пятому тому. Тут самое волшебное и необъяснимое, что только есть на земле в формате человеческого Слова – поэзия.

Поэзия Александра Кердана разнолика. Она то проста до прозрачности, то драматически нагружена, то исповедально нежна, то любовна и страстна. Разнообразие интонаций говорит о разнообразии образов. Но самое важное, самое главное, доминантное в поэтике Кердана – её неистребимая народность. То тайная, то явная, праздничная, то вложенная внутрь раздольной либо озорной, как частушка, песенной интонации, то распахивающая над родной землей широкие, вольные крылья всеобъемлющей любви. Кердан, да, очень песенный, и о песне мы еще скажем отдельно.

И военная его жизнь – вот она, опять перед нами, стучит колёсами вечного эшелона: *Судьбы моей военный эшелон, / Неотвратимо мчащийся куда-то. / Теплушечный, как в давнем сорок пятом, / Где все мы улыбаемся девчатам, / Что машут нам платочками вдогон.*

Здесь ставится знак равенства между эшелоном, грохочущим вдаль по рельсам, и отдельно взятой человеческой судьбой; здесь и воспоминание о трагедии войны, и предчувствие любви («...улыбаемся девчатам...»), и констатация вечной памяти войны, казармы, армии, службы.

Военные воспоминания и ассоциации приходят и в любовь, и в пространство разлуки, и в нахлынувшее счастье: *И за чёрной полосой – / Так уж этот мир устроен – / Как солдаты, ровным строем / Дни счастливые пришли.*

А вот и прикосновение к теме всепожирающего Времени. Прикосновение обжигающее. Как всегда, когда мы осознаем ход времён: быть может, время не идёт, а недвижно стоит, а это мы идём, бежим, летим, ковыляем в нём, его преодолевая, себя – в нём – навек запоминая, но не имея возможности вернуть... Поэт пишет об этом: *Бежит мальчишка, а навстречу / Ему едва бредёт старик... / Сойдутся, как рассвет и вечер, / И разойдутся в тот же миг. / А я – сторонний наблюдатель – / Стою, их встречу за-дет: / В душе – мальчишка и мечтатель, / Хоть за спиной полсотни лет. / Стою, на опыт не в обиде / И не в претензии к судьбе, / Как будто миг назад увидел / Себя, бегущего к себе.*

Вот это «...себя, бегущего к себе» – удивительное, одновременно и авангардное, и архаическое зеркало, отражающее другое зеркало – попытка обнять сердцем и нашу смертность, и нашу бесконечность.

Поэт не боится говорить о смерти, о навечной разлуке. Бездна небытия – как бездна Тихого океана, так величественно изображённого в романах, посвящённых Русской Америке. Но рядом любовь. Пока рядом... Нет! Не пока! Не на время! Любовь будет рядом всегда. Она и есть обещание вечности, ее неоспоримый признак в зыбком мареве мимо летящих ночей и дней...

От земли взор поэта поднимается к небесам. К Богу. Но через призму чьей жизни, чьей души поэт созерцает Бога? Бог говорит тихим, родным, нежным голосом матери.

Мы для наших матерей всегда дети, сколько бы лет нам ни исполнилось, какой бы неизмеримый путь мы ни прошли по широкой земле. Александр Кердан пишет портреты матери во многих стихах, и вспоминаешь портреты старых мудрых женщин кисти великих русских художников – Ильи Репина, Ивана Крамского, Валентина Серова, Филиппа Малявина... Мать для поэта свята. Мы счастливы, пока мы можем припасть к груди матери, обнять ее колени... Мать – это жизнь. Но война и гибель так рядом. Каждый в ответе за мир. И каждую душу, объятую тревогой, слышит поэт, ибо на всеобщую боль отзывается его душа: *Моя передовая / Без залпов и огня – / Третья мировая / Идёт внутри меня. / А вырвется наружу – / И всё спалит дотла... / Проходят через душу / Фронты добра и зла. (...)*

И шестой том естественно, с внутренней грацией и гармонией продолжает пятый. Здесь опять стихи, но еще пригоршни словесных сокровищ – песни, переводы, сказки, очерки. И много светлых, торжественных, звонких нот тут звучит, оркестр природы подчиняется дирижёру-поэту! С течением жизни мы начинаем лучше и глубже, любовнее слышать и видеть природу, – мы становимся ближе к ней, нам внятны голоса земли, зверей, растений, мы видим лик небес: *Гроза, перепугав, отгрохотала. / Но страхи все рассеялись как дым, / Когда внезапно солнце просияло, / И радуга – в полнеба – вслед за ним! (...)*

Поэт слышит самое драгоценное, наверное, от сотворения Мира – тишину... Тишина – камертон любви. Тишина – дорога солнечного, громадного, как Гималаи, облака в летнем синем зените...

А вот и песни! Песенные тексты – целая область Логоса, где он должен сплестись с Голосом, на выходе образовав музыкальное единство, неразъ-

ёмную гармонию, новый музыкальный Космос. И какими только гранями не заиграет слово поэта, находящееся в стихии ритма, захлёстывающей эмоции, формата куплета-припева!

А как прекрасны переводы Александра Кердана – удивительно его понимание северных поэтов. Вот Юрий Вэлла (Айваседа), его стихи про экзотический для русского человека бубен – вполне шаманский предмет, но он же – олицетворение солнца, луны, круглой Земли, священного озера в тундре, человеческого лица, улыбаясь, глядящего в твоё лицо, а после в небо, в вечность... И этот звонкий бубен, символ всей великой природы, своим ритмом, стуком и звоном помогает человеку совершать важное дело: петь песню.

Вот поэт коми Михаил Елькин с его обострённым, таинственным чувством природы, воды, ходящих в глубине рыб (*Когда луна, как жёлтый поплавок, / Качалась в небе, листьев звонкой жестью...*).

Не только Северу верен переводчик Кердан. В его творческом багаже – переводы азербайджанских, болгарских, белорусских, удмуртских, колумбийских поэтов и поэтов многих других стран. Земля многолика. Колоссально разнообразие поэтических миров, национальных поэтических красок, интонаций, мегаобразов. И Александр Кердан способен перевоплощаться, проживать множество других жизней – так, как если бы это была его собственная жизнь. И это признак гигантской, неиссякаемой пассионарности его вечно работающего, ищущего духа.

Сказки... детские сказки... Волшебная сказка – то, без чего не может жить ни один ребёнок, не проходит ни одно детство на Земле. «Сказка про Поповича», «Старое ружьё», «Солдатская сказка», «Мальчик – золотые ножки», «Пуговица» – самые настоящие волшебные сказки, и кто знает, как в них авторская фантазия сплетается с народной, авторские находки – с услышанными у старых уральских бабок полными сказочными байками?... Увлекательнее сказки нет для дитя пространства – там можно жить, путешествовать, смеяться и плакать со сказочными героями. Именно таково царство сказок Кердана, и уже множество детишек в нашей стране любит его незабываемых героев: Пуговицу-ворчунью и Царевича – золотые ножки, Медведя, героя-Солдата и важного Генерала, Попа и Поповича... В этих сказках – Россия, старая Русь с её чудесами, заговорами и ведуньями, противостоянием самого нижнего и самого верхнего, владычного, поиском справедливости и счастьем любить. Да, эти сказки полны любви и света. И это главное в сказках. И главное для писателя.

А какой писатель без очерков? Очерки Александра Кердана не столько журналистские, сугубо документальные, сколько писательские, художественные. Они сочетают в себе качества эссе, прозаических этюдов и, собственно, очеркистской стилистики.

Правда – завет литературы невыдуманной, документальной. Но дело не только в правдивом изображении случая, героя, проблемы. Дело еще и в том, насколько сильно, весомо, ярко, энергично, философски, необычно подан этот невыдуманный материал. И здесь надо быть художником. Именно художник пишет огромный холст, портрет действительности своими самыми самоцветными, драгоценными, оригинальными красками.

Александр Кердан – один из масштабных мастеров сегодняшней литературной России. Его жизнь, его работа – достоинство Родины. Много сделано

им, но ещё больше ему откроется; важно идти по пути, глядеть вдаль, видеть цель, радоваться неповторимым впечатлениям единственного земного бытия. И знать, помнить, что над головою – великое, ясное, Божие небо. Бесконечность. Беспредельный простор: *...Пред Вечностью и человек, и птица – / Случайные мгновенья бытия... / Не знаешь ты, не ведаю и я, / Когда тебе и мне уйти случится. / Но верую: душа моя крылата, / Как пёрышко единое легка, / В свой час вспорхнёт и полетит куда-то – / За облака, дружок, за облака...*

Нина СТРУЧКОВА

ОТКЛИК НА КНИГУ
АНАТОЛИЯ ОМЕЛЬЧУКА
«МОЖЕТ БЫТЬ КОГДА-НИБУДЬ»

Когда в руки попадает новая книга, заранее не знаешь, дочитаешь ли её до конца, какой след оставит она в твоих чувствах и мыслях, захочется ли на неё откликнуться. Я не критик и не оперирую литературоведческими терминами, просто высказываю свои впечатления и своё отношение. Имя Анатолия Омельчука мне уже знакомо, я безошибочно узнавала, угадывала его почерк, его стиль даже в цитатах. И вот у меня появилась новая книга писателя с интригующим названием «Может быть когда-нибудь». И я с нетерпением раскрыла её страницы.

Жанровое разнообразие книги понятно и оправдано, если всё её содержание, «Избранное», по словам автора, – это выбор читателей, и не случайных читателей, а тех, чьё мнение важно для него. Но эту многоцветную книгу объединяет главная героиня практически всех рассказов, очерков, стихов Анатолия Омельчука – его любовь, его гордость, его тайна, его боль и его прошлое, настоящее и будущее – Сибирь.

Писать об этой книге сложно. Дробность материалов такова, что невозможно говорить о каждом произведении в отдельности. С чего начать, за какую ниточку какого клубочка потянуть?

Сказать, что Анатолий Омельчук оригинален? Да, он оригинален во всём – в стиле рассказов и очерков, в аннотации и авторском предисловии, в таком неопределённом названии книги, в юморе и в суждениях, в подаче и оформлении. Но оригинальных людей немало, и так ли уж это самоценно? Иногда такая оценка бывает и со знаком минус, поэтому не выразит в полной мере всех достоинств книги и самого автора.

Сказать, что автор самобытен? Да, самобытен – по словарю, по глубине погружения в темы, по свежести и аромату языка. Но чаще такое определение даётся писателю, который только входит в литературу. А Омельчук давно уже занимает в ней достойное и заслуженное место. Разносторонне талантливый, он и художественные книги написал, и Европу повидал, и с известными в стране политиками и государственниками пообщался, и Север не просто изучил, а прошёл, проплыл, проехал, и журналистика его на высшем уровне. Как определить его? Разве что как в анекдоте: есть школьная комната с табличкой «Хорошие дети», есть комната с табличкой «Плохие дети», «Гениальные дети», а есть отдельный кабинет с табличкой «Вовочка». Вот и автора книги сравнить не с кем, это отдельная планета под названием «Омельчук» – страшно талантливый и ни на кого не похожий. И он давным-давно сам знает это.

Читая рассказы Анатолия Константиновича о детстве, я невольно сравнивала и своё деревенское детство в маленькой тамбовской деревне. Как много похожего! О, я до сих пор прекрасно помню это нетерпение и усталость тоненьких рук и так долго тянущееся время, пока в маслобойке не появятся первые крупинки сбитого масла! Это одно из посильных занятий ребёнка, его помощи, пока взрослые занимаются более трудоёмкими делами. И детские хвори, внезапно исцеляемые не лекарствами, а чем-то необыкновенно вкусным, раздобытым мамой. И безмен, и керосинка, и уют на углях, и веретено... Но у писателя Омельчука свой взгляд и свой

необыкновенно поэтичный, образный язык этих коротеньких рассказов: «Время остановилось. Оно не течёт. Оно затвердело, как старый мёд, ему некуда течь. Я в этом дне, как в меду». «Если ангелы пахнут – они могут пахнуть только цветущей черёмухой». «Счастье слов. Я произношу старые – родного дома – старинные слова и испытываю счастье».

Очень впечатлил рассказ о встрече писателя с Валентином Григорьевичем Распутиным («Осень патриарха»). И почти оксюморон в определении состояния Распутина на момент встречи, на момент осени жизни: «Мужество смирения». Да, не просто смирение, а мужество смирения.

Мне приходилось видеть Валентина Григорьевича при его жизни, он приходил в издательство «Молодая гвардия», где я работала. И всякий раз меня поражало выражение боли в его лице. Не физической боли, а человеческой муки, страдания. Хотелось сделать что-то такое, что изменило бы это выражение. Но что можно было сделать? И вот Омельчук говорит с патриархом нашей литературы, у которого в лице уже не боль, а мужество смирения. И «Может, и не пишет уже. Но вырастает в масштабе давно написанное им».

Поэт Светлана Сырнева из Кирова на одной из встреч с читателями сказала: «По большому счёту, настоящий писатель одинок – независимо от количества поклонников». Собственно говоря, мысль не новая. И у Анатолия Омельчука, при огромном количестве его поклонников, в творчестве прослеживается эта нота одиночества – в эссе, наблюдениях, зарисовках.

Тесная Европа не менее располагает к зарисовкам внутреннего мира, чем необъятная Сибирь. А может, и более – с её историей, литературой, с большим вниманием к женщине как объекту вожделения, с чужими мнениями и высказываниями. Но в Европе нет возможности для глубины мышления. Даже если автор просто сидит один за столиком какого-нибудь малолюдного кафе, наблюдает, размышляет о литературных героях, исторических личностях, о проходящих мимо женщинах, создаётся ощущение тесноты. Одиночество талантливого, творческого человека – ещё острее в коллективном одиночестве. Возникает разительный контраст. Сибирь выше, чище, мысли и строки рождает более высокие и чистые. И одиночество там – иного порядка.

«Может быть когда-нибудь» – это книги в книге. А если так (ну можно же так сказать, не нарушая правил русского языка?): книга книг!

«Книга печали» – белым по чёрному. Но и печаль печали рознь. Вот «Печаль чужой лунь»: «Народ здесь мелковатый, желтоватый, неказистый и неисправимо послушный. Хотел бы я, великий Омельчук, быть одним из них?» Ну и кто усомнится, что это Гулливер Омельчук, даже если бы он и не называл свою фамилию? В этой миниатюре, кроме иронии, ещё можно много чего разглядеть и почувствовать. Маленькая луна – лунёшка, даже не оставляющая на волнах лунной дорожки. Чужая. «Моя родная луна всегда прокладывала путь-дорожку (не просто дорожку, а ПУТЬ-дорожку! – Н.С.) на серебряных водах ночной Оби». Можно написать огромную книгу о патриотизме, а можно без всяких «измов» в небольшой поэтичной и мудрой картинке сказать об этом ярче, богаче и верней.

Омельчук вначале в своих эссе и рассказах философски размышляет на темы любви, женщины, печали, времени, а в «Печальках» кратко подытоживает то, что остаётся в памяти сердца: «Время любви в зачёт жизни не идёт», «Ревность – репетиция похорон», «Любовь – репетиция бессмертия», «Печаль – нерастворимый осадок», «Завтра наступило – и прошло».

В стихах Анатолия Омельчука – темы те же, разве что без политики, без внешних социальных раздражителей. Но он более доверчиво раскрывается – нежно, сердечно. Как будто для того, чтобы высказаться откровенно лирическими строками о любви, о душе, о времени, об одиночестве, а потом захлопнуть дверцу душевных откровений и вернуться к суровой, умной, мужественной прозе.

К чему бы я субъективно придралась – так это к составлению и наименованию разделов книги. Я не очень понимаю, чем, например, раздел «Тексты» отличается от предыдущих очерков и рассказов. Вероятно, хронологией написания? Да и какие же это «тексты»? Даже обидно! Теперь ведь зачастую многочисленные попсовые исполнители не обращаются к поэтам за стихами для своих песен, они сами их пишут. И стыдливо называют их уже не «стихотворения», а «тексты». Но здесь – о! – это поэмы о Сибири, гимн Сибири! Случайно ли Омельчук поместил эти самые важные, самые острые, самые злободневные статьи в самое сердце книги?

Писатель задаётся вопросами: «Чем это пространство отличается от другого? Почему я – дитя этого пространства? Чья колония Сибирь? Как же так получилось, что невероятно природно богатая страна Сибирь влачит, по существу, полунищенское существование? Что теряет, теряя Сибирь, планета? У Сибири есть будущее?» И он приходит к выводу: «Большое пространство не делает государство крупным... Пространство России, естественно, сибирское пространство – самый надёжный её щит... Великой – окончательно великой – Россию делает Сибирь... Планетарная миссия Сибири». «Хотел написать о том, как красива, мощна, мудра, сильна страна Сибирь. Российская Сибирь. А оказывается, ещё необходимо доказывать, что Сибирь нужна России».

И лично для себя автор делает вывод: «Хорошо любить это впечатляющее пространство (Атлантический океан. – Н.С.). А кому же любить мою скромную сибирскую родинку? Моя родина не может обойтись без моей любви – она родила и породила меня – её любить». Так сын берёт под защиту свою мать и заявляет об этом во всеуслышание. Так он, сын своей земли, берёт под защиту и ранее рождённых, и усыновлённых её детей. Он напоминает о том, что именно в Сибири зародились идеи очень многих знаковых для всей России событий, таких, например, как отмена крепостного права. Он реабилитирует известных исторических личностей, не приукрашивая их, но и не принимая чёрно-белых красок, которыми пишут их портреты некоторые сторонние исследователи и историки. Это и князь Матвей Гагарин, и Григорий Распутин, и адмирал Колчак.

Каждый очерк требовал от писателя огромного труда, глубокого погружения в тему, поиска источников, – и вот нам открываются доселе неизвестные или малоизвестные факты, сюжеты, документы, письма. И являются живые образы людей удивительной судьбы, твёрдого характера, жертвенной любви. В книге представлены и осмыслены характеристики и образы самой Сибири глазами её сторонних поклонников – поэтов, писателей, путешественников.

Благодарные и восторженные слова находит Омельчук для тех, чьими именами восславлены и Сибирь, и вся Россия. Например, ничего выше о Петре Павловиче Ершове, знаменитом авторе «Конька-Горбунка», я ранее не читала: «Редкому гению удаётся так совпасть с собственным народом». «Конёк-Горбунок» – это эпос. Эпос русского народа. Русская Илиада. Эпос русского духа». «Космическая феерия».

Анатолий Константинович Омельчук не принимает понятия «малые народы». Ханты, манси, ненцы и другие народы Сибири... для писателя любовь к ним – это любовь не к малым, а к великим народам, сохранившим в чистоте «то, чего у нас не было, или было, но растеряли». Если бы сам писатель не сообщил, что он сибиряк в первом поколении, в это трудно было бы поверить – настолько в нём ощущается многовековая родовая память Сибири.

Ещё один раздел «Смыслы» – это афоризмы, остроумные, оригинальные, образные, неожиданные и точные:

«Прогресс – всегда агрессия», «Любя – не грешат. Грешат – не любя», «Парадокс России – и работы нет, и работать некому», «Демократия – свобода без ответственности», «Золото правды не любит». Да по одному только последнему высказыванию можно написать целый трактат! Но Омельчук есть Омельчук! Только начнёшь с полной серьёзностью вдумываться в изречения мудреца, а он – бац! – и выдаёт такое, что нельзя не рассмеяться:

«Первый признак профессионала: попросишь его сделать плохо – он сделает ещё хуже», «Вдохновение – это приспичило!», «Он полюбил шахматы за мат», «Опыт девушку не украшает», «Интеллигентность по наследству не передаётся». Вот такой умный русский юмор!

Из произведений последнего года большое впечатление произвёл рассказ «Желтоглазая смерть». О многом заставляет задуматься – о жизни и смерти, о тайнах и непознанных явлениях природы и двойного бытия. Это факсимильное воспроизведение рассказа – вольный, распахнутый, красивый, открытый, просторный почерк намекает нам и о характере его обладателя.

Надо отметить, что к оформлению книги многие творческие личности приложили свои таланты. Разнообразие красок и шрифтов, замечательные рисунки художников, просто гениальные рисунки детей – внучек Анатолия Омельчука. Да, пестро получилось, но ярко, красиво, разнообразно, интересно. Как сама жизнь.

Признаюсь окончательно: не будучи знакомой с автором книги, я ещё раньше влюбилась в язык его художественной прозы по отдельным публикациям. Спасибо Вам, теперь более знакомый мне и уважаемый Анатолий Константинович! Вам и Вашим произведениям, новым и уже написанным – счастливого будущего!

Эдуард АНАШКИН

ОТ СЕБЯ НЕ УБЕЖИШЬ, или «Анатомия побега»

Мастер слова и интересный рассказчик. Таким давно зарекомендовал себя в современной литературе сибирский прозаик Анатолий Кондауров. Прочитав хотя бы один раз его произведения, хочется новых встреч с автором на страницах его книг. Автор не только умеет рассказывать живым языком полноцветной русской речи. Его произведения объединяет нечастое качество – Анатолий Алексеевич не довлеет над читателем, не поучает его, хотя многие его рассказы, особенно из его практики следователя и юриста, весьма поучительны.

Кондауров не вещает, как некий оракул, знающий истину в последней инстанции. Он выводит своего читателя на просторы неспешного размышления и задумчивого диалога о жизни. Причем неважно, о чем пишет Кондауров – об охоте, ставшей одной из основных тем его творчества, или об отношениях мужчины и женщины, или о тайге, которая в его произведениях предстает некой живой сущностью – таинственной и непостижимой. Множество тем и лейтмотивов в творческом активе этого на удивление разнообразного писателя. И, конечно, я был рад получить от Анатолия Алексеевича его новую книгу рассказов «Блюз мимолетности».

В свое время на меня произвела большое впечатление его повесть «Таежный кодекс» – дохнуло со страниц книги такой огромной самобытной Сибирью, которая есть некое другое измерение, столь редкое в нашей (не сказал бы, да скажешь – суетливо пошлой!) повседневности. Так вот бегаёт-бегаёт читатель по замкнутому кругу житейской тщеты, а тут раз – и откроется ему книга Кондаурова, словно говоря: «Куда спешим? От кого убегаем? Не от себя ли?..»

Даже суровые мужские будни таежника, которые Кондауров так художественно осмыслил в своей таежной повести, вовсе не будничны, потому что каждый день не похож на другой. А почему не похож? А потому что живой, в отличие от словно бы дистиллированных будней горожанина.

Писателям, особенно молодым, свойственно искать себя. Большинство авторов тратят на эти поиски годы и даже десятилетия. Многие, так и не найдя себя, сходят на нет в никуда. Анатолий Кондауров пришел в литературу со своей темой, которой даже подражать невозможно, до того она неподражаема. Человек интереснейшей биографии долгие годы совмещал работу следователя-оперативника, а позже и солидного милицейского чина – с писательством. Темы рассказов сами находили его, причем круглосуточно. Собственно, и работа писателя, как и работа правохранителя, разве не круглосуточная?

В книге «Блюз мимолетности» творчество Кондаурова играет новыми гранями, представляя для меня как читателя совсем в другом ракурсе. С одной стороны он – некий Шерлок Холмс советской эпохи, на счету которого не одно раскрытое уголовное дело, признанный коллегами по службе. С другой стороны он же – некий доктор Ватсон, что переводит дедуктивные профессиональные методы в русло литературы. Рассказы службиста Кондаурова явно автобиографичные, не читаются, а буквально проглатываются, до того они живые и интересные.

Нам следует поблагодарить кондауровского друга-журналиста, что в один из своих приездов предложил Анатолию попытаться записывать свои профессиональные следовательские дела. И это занятие так захватило Кондаурова, что, к счастью, не отпускает и донныне. К счастью для читателей! Записки следователя Кондаурова я бы посоветовал читать не только милицейским службистам, но и педагогам. Чтобы попытаться понять, почему при «пагубном влиянии улицы» из одного парня вырастает преступник, а из другого – человек, противостоящий преступности. Ведь только такой человек сможет изнутри понять душевную трагедию оступившегося по юности в преступность человека. Не поддаваться профессиональному искушению осуждения оступившихся. Уметь видеть даже в падшем человеке – человека. Казалось бы детективы – не самый философский жанр. Но в детективных историях Кондаурова ненавязчиво растворена между строчек та самая «милость к падшим», что завещал нам Пушкин! «Милость к падшим» как один из главных критериев настоящей русской литературы.

Собственно, пером баловались по молодости многие. Но если это «баловство» не ложится на глубокий фундамент таланта и взыскания слова, то оно будет недолгим и вряд ли успешным. Талант к слову передается по родове. Зреет-зреет в предках, чтобы потом явить себя в творчестве одного из потомков и снова уйти, как подземная река, с глаз людских... И снова зреть и вызревать в поколениях.

Матушка будущего писателя, как мимоходом следует из его «записок следователя», была та еще хранительница самобытного русского наречия. В устах Елены Марковны даже порицания людских пороков вроде «жулебия» и «грищоба» – звучат самобытным колоритом народного наречия, где каждое слово, как неповторимый самоцвет, которым хочется любоваться пробовать на вкус.

Тайгу, как тему творчества и как образ жизни, Анатолий Кондауров выбрал, скорее всего, по образу и подобию отца – фронтовика и охотника-промысловика, которого любимая отцом тайга однажды и забрала к себе навсегда. Но и тайга выбрала Кондаурова, ведь не будь выбор взаимным, не было бы у нас сегодня в русской литературе таких неповторимых произведений на эту тему, которыми радуется нас Анатолий Алексеевич. Хотя сначала все-таки юный Анатолий выбрал профессию, где попытался перевоспитывать людей и переключать их с наклонных дорожек на честную, хотя нелегкую, дорогу жизни честной.

Не удовлетворившись студенческой юридической учебной-теорией, предпочел с головой окунуться в практику ежедневной жизни милиции в то непростое время, когда страна пошла на слом. Воистину говорят: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет». Стоит почитать о том, как студент-заочник Кондауров, захотев вкусить практики милицейских будней, безо всякого табельного оружия в одиночку и по собственной инициативе сумел не просто арестовать преступника-рецидивиста, но и препроводить его в отделение милиции, где работал.

Позже этот следователь станет исследователем и менестрелем тайги, побредет таежной тропой в сторону большой литературы – от городской суеты, в которой равно участвуют преступники и потерпевшие, и порой с моральной точки зрения невозможно отличить одних от других, разве только с юридической...

О чем бы ни писал Кондауров, при всей широте его тем, главной темой остается человек. Анатолий Алексеевич даже в самом динамичном

детективном экшне внимателен прежде всего к человеческой душе и мыслям. Рассказ о загадочном убийстве в духе Шерлока Холмса («Подсолнухи», «Весной опята не растут» и др.) не уступят по увлекательности сюжета конан-дойловской «Пестрой ленте» и «Пляшущим человечкам». В них герою повествования, в котором легко угадывается автор, есть где применить не только и не столько табельное оружие, сколько умственные способности, а часто и сострадание к подозреваемым, чтобы раскрыть преступный замысел. Но в этой же книге «Блюз мимолетности» – мы найдем такие удивительные с точки зрения психологии и философии рассказы, как «Анатомия побега», «Укус пчелы», «Мимолетность» и многие другие...

Возможно, кто-то из коллег попеняет автору – мол, зачем объединять под одной обложкой столь разножанровые произведения – динамичный детектив и романтическую историю? Если попеняет, то будет очень неправ, потому что, по большому счету, жанр у кондауровских рассказов и повестей один – жанр души человеческой, которая раскрывается в разных обстоятельствах настолько по-разному, что вспомнишь Достоевского: «Широк русский человек!»

Рассказ «Подсолнухи» не просто конкретный случай раскрытия зависшего уголовного дела. «Всяк» – называют его следователи на своем профессиональном жаргоне. Но не только загадка преступления держит читателя в напряге. Но и исследование натуры человеческой, столь склонной как к грехопадению, так и к покаянию. Одно преступление тянет другое, молчание случайного свидетеля становится причиной его гибели, непонятные детали нарастают как снежный ком, поначалу никак не вписываясь в логичную гипотезу происшедшего. И кажется, что уже нет никакой возможности пролить свет истины на это дело, остается лишь списать его в архив. Но что роднит профессии следователя и писателя? А то, что они круглосуточные! Если писатель стоит у окна и молча смотрит в окно, он – работает. Если следователь после трудной смены прилег на диван, на всякий случай не расставаясь с мобильником и табельным оружием, он – работает... Думаю, если бы по детективным рассказам Анатолия Кондаурова был снят фильм, этот фильм был бы обречен на успех, тут и надо-то режиссеру – не испортить качественной литературной основы, по максимуму сохранив ее!

Особо хочется выделить небольшой рассказ «Анатомия побега». Читая его в череде рассказов в стиле художественного детектива, читатель поначалу думает о побеге лишь с точки зрения милицейской. Как в фильме «Берегись автомобиля» – один убегает, другой догоняет. Но повествование продолжается, и вот уже перед нами открывается во всю свою ширь тот мир, в которой побег – есть лишь следствие неприятия этого мира. И уже вовсе не понятно – кто убегает, а кто догоняющий. А начиналось-то так по-милицейски!

Автор выводит нас на психологические и философские обобщения. И словно в знак особого доверия к нам, читателям, оставляет одних на этом пути, предпочитая замолчать... И перед нашим мысленным взором вдруг проходит весь путь от рождения, открывая глубокие истины, что лежат, оказывается, на поверхности, да, мы в суете не видим их или предпочитаем не замечать... Анатолий Алексеевич дает нам подсказку о символике побега едва ли не как о символике победы, как вечный диалог внутренней жизни человека с его телесной жизнью. Все мы, хотим того или нет, являемся заложниками этой телесности. Не зря же святыми отцами сказано, что тело – тюрьма для души и духа. Кондауров рас-

смаатривает побег и как личный выбор человека, и как выбор народный, попущенный свыше.

Хочу спросить, дорогие читатели, была бы наша страна Россия такой огромной, если бы не было в менталитете нашего народа вечной тяги к побегу? Ведь бежали от того же Раскола целыми селами, не желая изменять вере предков. Бежали в Сибирь и дальше, не думая, что осваивают и приращивают территорию к невеликому по территории Московскому княжеству. В основе огромной территориальности России лежит неискоренимая тяга нашего народа к побегу. И как тут не согласиться с Анатолием Кондауровым:

«История побегов – Великая Империя Необъяснимого. Одно дело – бежать от обиды, тоски, скукоты, обыденности, в общем от различных форм зависимости, но когда человек лишается свободы – побег приобретает крайние формы: он переходит в навязчивое состояние, всецело овладевает душой и телом... Когда-то (не так уж давно!) в тишину бескрайних сибирских просторов глухим эхом вплетались – сильное дыхание людей, тихий ропот, тяжелая поступь, бряцание железа. До сих пор наши тобольские «копатели» находят на ссыльных трактах нательные кресты, складеньки да звенья кандалных цепей – мрачных свидетелей поруганной свободы...»

Анатолий Алексеевич расскажет нам сколь трагическую, столь же и загадочно романтическую историю древнего сибирского кедра, в котором долгие годы гнездо вил царственный орлан-белохвост. Однажды в лютый мороз рухнул подгнивший кедр-исполин, думается, он тоже совершил побег из брэнной жизни. Увидевший это охотник-селькуп решил, что не стоит пропадать большому количеству дров, приступил к кедру с пилой и сломал пилу о... белую человеческую кость, обвитую ржавьем кандалного железа. Оказалось, что в огромном дупле кедра когда-то давным-давно пытался спрятаться от мороза и погони беглец с лесоповала, несчастный заключенный, который так и остался навеки в дупле, найдя в нем последний приют свой...

Рассказывая о своем милицейском опыте в поимке бежавших из тюрьмы заключенных, Анатолий Кондауров говорит о побеге как неискоренимой потребности человеческой души. Ведь в основе побега лежит надежда на свободу. А что такое литература? Разве не побег человека от реальности окружающей в реальность художественного вымысла?

Более неискоренимая потребность человеческая, такая вроде бы диаметрально противоположная побегу, это любовь. Только она, наверное, может стать (да и то не всегда!) противоядием тяги к побегу. Ведь если любовь сталкивается с ложью человеческих отношений, она в итоге тоже кончается побегом. Как это случилось в повести «Крым после «присоединения». Нет, это не о политике, это о любви, точнее, попытке любви. Страстно влюбленный лирический герой едет из далекой Сибири в Крым, который недавно вернулся в состав России после своего «побега» в Украину по вине недалновидного Хрущева. Герой едет не просто в Крым, он едет к девушке, которую мечтает назвать женой. У него нет даже мысли о побеге из родной Сибири. Даже во имя любви он не готов оставить родину. Хотя к побегу из суровой холодной Сибири его, коренного сибиряка, склоняют жители солнечного Крыма, прельщая южными красотоми и возможностью семейной жизни. И тут герой понимает, что его надежда на то, что он едет к себе, то есть к любимой женщине, оказалась пустой, ведь, по сути, его хотят заставить убежать

От себя, от своих корней... В итоге главный герой после невеселых сомнений, попутно восхищаясь крымскими красотами, предпочитает избавление от навязчивого семейного окружения своей избранницы, которая к тому же оказалась не способна сделать окончательный выбор между ним и своими привычками...

Это прямо побег Подколесина из гоголевской «Женитьбы», от навязываемых окружающими представлений о счастье, по сути, побег к самому себе, а скорее даже – возвращение к себе самому... И нам надо поблагодарить автора книги «Блюз мимолетности» за то, что благодаря его творчеству и неповторимому жизненному опыту, живому и образному языку, благодаря его знанию души человеческой мы можем совершить вместе с ним очень поучительный и одновременно увлекательный побег от обыденной повседневности в тот мир, который существует рядом с нами, но редко нами замечаем, потому что он – в нас. Зря говорят, что от себя не убежишь! Сколько ходит нас по земле, однажды убежавших от себя да позабывших вернуться обратно. А для возвращения порой достаточно раскрыть добрую мудрую книгу...

НАШИ ГОСТИ. ДОНЕЦК ЛИТЕРАТУРНЫЙ

*Творчество поэтов и прозаиков Донецкой Народной Республики
(в некоторых произведениях есть сцены табакокурения. Минздрав
предупреждает, что курение опасно для вашего здоровья).*

Елена АДИНЦОВА, Виктория СЕМИБРАТСКАЯ

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Ночное

– Не, дядько, мне город больше нравится, – вихрастый худой подросток недовольно шмыгнул носом и попытался устроиться поудобней на куцем коврикe. – Там рынок, лавки, дома.

– Город – хорошо, – согласно кивнул невысокий крепкий мужчина средних лет. – Да только разве может, Сашко, цыган не любить степь?

Мужчина глубоко вдохнул терпкий воздух, оглянулся на спящих неподалёку спутников. Окинул опытным взглядом силуэты стреноженных на ночь лошадей и повернулся к мальчонке.

– Я был чуть младше тебя, когда мы первый раз кочевали табором по землям войска Донского. Не сильно-то любят нас казаки, да уж больно у них кони хороши, – хмыкнул мужчина и замолчал, погрузившись в воспоминания.

Пряная летняя ночь катила по небу золотой червонец луны. В слабых бликах догорающего костра Сашко видел отражение лица дядьки Ангела. Мальчишка не мог разобрать, то ли усталость легла тенями, то ли думы.

– Тогда ещё была жива твоя прабабка – мудрая Донко. Не встречал я больше таких мастериц рассказывать истории. Да и гадалок, подобных ей, не припомню. Многие ведала она, да я был больно мал, не всё понимал. Но историю эту слово в слово запомнил.

Однажды, когда табор раскинул свои шатры недалеко от того кургана, где мы сегодня проезжали, пошла твоя прабабка собирать травы. Эх, Сашко, какой спрос был на её зелья у баб! Кому приворотное, кому и пострашнее в надобность, – дядька сорвал травинку и впился белыми крупными зубами в сочный стебель. – Нарвала любистка, чабреца, дело-то к Троице шло, травы самую силу взяли. Только разморило её на жаре. Прилегла, и приснился ей сон...

На вольную степь надвигается море человекоконей. Их было так много, что, казалось, на земле не останется ни одной не примятой копытами травинки. Волосы людей были цвета половы, а глаза синие, как небо в июньский полдень. Донко почувствовала большую мощь, исходящую от чужаков. Они не были цыганами, но любили странствия не меньше нашего. Шли со стороны восхода солнца, с берега великой реки. Путь был такой длинный, что они, как и мы, жили в нем. Рождались, женились, умирали под скрип повозок и стук копыт.

Сашко лежал на спине, слушал дядьку и смотрел на звёзды. Млечный путь, рассыпанный на черном бархате неба, казалось, подмигивает, внимательно слушая рассказ.

– Я думал, только нам Бог оставил шлях, – буркнул негромко Сашко, но мужчина услышал.

– Эх, – прищёлкнул языком цыган, – Знаешь, как раньше называлась эта земля? Дикое поле. И край, и рай здесь человеку, – голос мужчины стал тише. Какие-то особенные ноты появились в голосе. – Ты, знаешь, Сашко, много дорог истоптали мои ноги, да только степь даёт крылья. Жаль, грамоте не обучен, а то написал бы, как рождается в степи весна.

На короткое время, кажется, жизнь притихает. Серо, пусто. Взгляду скучно, не за что зацепиться. В это время происходят невидимые события. Земля собирает живые соки, делает глубокий неспешный вдох. Чаша переполняется, щедро выплёскиваясь наружу. Жизнь начинает стремительно проявляться из Небытия.

Позади ярые ветра, лютые морозы. Земля просыпается. Нежно отпускает к солнцу своих деточек – степные травы. Матушка отдаёт им все бережно собранные силы. Знает, деревья не напоить. Не место им в степи. Степь – это простор, Сашко. Свобода благодатью Божией увенчана.

Дикое поле превращается в холст. Безвестный художник не жалеет красок. Он увлечён созданием нового полотна. Ему хочется поразить мир новыми оттенками, удивить своей безудержной фантазией. Ты, Сашко, лавки вспоминал, – Ангел прикинул, куда смотрел малец, и поднял глаза в чёрную бездну. – Разве есть такой купец, такие товары, чтобы пестрело, как тут?

Подвизался как-то одному аптекарю травы поставлять, работа выгодная. Дай Бог ему здоровья – научил меня многому. Давно дело было. Только по сей день еду по степи и замечаю: вон тяжёлые синие кисти шалфея поникающего. Им лечат тебе, молодому, неведомую болезнь стариков – подагру. Белоснежные островки катрана татарского не просто красивы. Отвар из травы и корней укрепит болящего, цингу излечит. Розовый зопник клубненосный стоит солдатиком в нежно-фиолетовой пушистой шапочке. Лечит воспаление, останавливает кровотечения.

Учёному человеку здесь раздолье. От любого недуга найдётся цветок, травинка, листок. Растительности тут великое множество, даже я всю не знаю, – Ангел умолк. Прислушался к разноголосию летней ночи. – А воздух, Сашко! Густой, душистый, как цыганский чай, хочешь дыши им, а хочешь пей.

И даже не в одном воздухе дело. Тут кругом под ногами жизнь. Ящерка пробежит, гадюка погреться выберется. Волк или лиса за зайцем метнётся. Рыжая может и хомяком не побрезговать. Байбак с сусликом, опять же, по делам своим шастают. А уж мелочи всякой степной и счёту нет. Полёвка, мышь, хорёк, ласка, полоз, медянка, уж, гадюка степная, жабы, лягушки.

Ангел замолчал. Тишину мелодично заглушали сверчки. Бескрайнее небо не отпускало взгляд. В нём, бесконечном, как в зеркале, отражалась такая же вольная степь. Алмазные поляны цветных звёзд казались тёплыми и близкими. Мерцание уравнивало и придавало ощущение причастности к чему-то большому. Только протяни руку и прикоснёшься, может, к самой главной тайне: «Как на небе, так и на земле».

– Ты про Донко не досказал, – Сашко решил вернуть дядьку к интересующей его теме. – Что дальше было во сне, прабабка рассказала?

– А то! – вернулся из своих дум Ангел. Длинным острым лезвием ножа поворошил остывающие угли. – Она увидела большую свадьбу. Был последний месяц весны. Дикая пивония покрыла степь празднич-

ным красным ковром. Половецкий хан брал в жёны первую красавицу племени.

– Такую, как Рада? – Сашко вспомнил лучшую певунью и плясунью табора, перед чарами которой никто не мог устоять.

Ангел ухмыльнулся в густые, черные, как смоль, усы.

– Донко рассказывала о богатом празднике. Гостей щедро угощали мясом: говядина, конина, зарумяненные на огне. Выпечка, украшенная особыми символами. Коровье молоко.

Невеста и впрямь была хороша. Соплеменники поговаривали, что в свадебном наряде она была точным воплощением богини Умай.

Донко видела, как девушка подняла ввысь небесно-синие глаза и, не отрываясь, следила за полётом орла. Белокурые длинные волосы походили на густую гриву дикой лошади. Собранные в две туго сплетённые косы, опускались ниже пояса. Голову венчал причудливый головной убор, похожий на башенку. Он вытягивал и без того стройный силуэт девушки.

Хан не сводил глаз со своей избранницы: «Тонкая талия, упругие округлые бёдра. Она станет хорошей матерью моим сыновьям, новым воинам племени». К празднику хану и невесте сшили одинаковые кафтаны, рубахи, сапоги. Только украшения для поясов было разным. У невесты на талии красовались зеркальце и сумочка с девичьими безделушками. У хана, как и положено воину, оружие.

Стемнело. Гости ещё вкушали угощение. Хан легко подхватил молодую жену на руки и увлёк в манящую степь.

– Дядько Ангел, они прожили счастливую жизнь? – в груди Сашко защемило предчувствие нерадостного конца истории.

– Спать пора, Сашко, завтра в седле не удержишься, свалишься сонный, что мамке твоей скажу?

– Мамка говорит, я в седле родился, никого ловчее меня в таборе нет. Дядько, доскажи, сам не усну и тебе не дам.

Ангел прищурился, припоминая сказ Донко. Помолчал. Тяжело вздохнул и продолжил:

– Счастливая у них была жизнь. Только недолгая. Высокие, густые травы в этих местах, такие, что и конному легко спрятаться. Попал хан в засаду. В тот раз мало с ним было воинов, но дрались они отчаянно. Жестокая была сеча, да силы неравные.

– Они все полегли? – севшим голосом спросил мальчишка, ярко представляя картину кровавой битвы.

– Почти, – кивнул дядько. – Смертельно раненого хана привезли уцелевшие воины.

– Раненого? – в голосе Сашко высокими нотами прорезалась надежда.

– Смертельно, – повторил рассказчик. – Донко видела, как убивалась его молодая жена, как богато, богаче чем хоронят у нас барона, провожало племя своего вожака. Как насыпали высокий холм и ставили каменного истукана лицом на восток. Он и по сей день охраняет покой кургана и первым встречает солнце. Всё показал Дух степи Донко. И радость, и боль. И как уходило племя дальше.

– Они ушли из-за гибели своего вождя? – глаза Сашко уже слипались от навалившейся сонливости, но он хотел разобраться до конца в истории.

– Нет. Близилась зима, и люди двинулись к морю, где им легче было устроиться на зимовку. Донко узнала тайну. Во сне почувствовала, как под сердцем молодой жены хана забились новая жизнь, она ждала сына.

– Степь снова стала безлюдной? – засыпая, успел спросить мальчишка. Ангел слышал, как сладко засопел Сашко, и всё-таки ответил:

– Эти земли никогда не были безлюдными. Они испытывали многих и давали приют. Когда-нибудь я расскажу тебе о свободолюбивых предках нынешних казаков.

Мальчик не слышал последних слов дядьки Ангела. Удивительный сон омутом поглотил парня вместе с его думами о пророческом видении прабабки Донко. Сашко почувствовал, как отрывается от земли и стремительно набирает высоту. Глаза стали зорче, руки мощно рассекали воздух, улавливая потоки. Взмах, ещё один. Да это крылья!

Степным вольным орлом взмыл Сашко над просторами Дикой степи. Всматривался в горизонт. Не видать края волнующемуся серебристым ковылём морю. Отражают солнечный свет целебные родники живой воды, восходят на поверхность из древних глубинных пластов земли, собрали мудрость и любовь предков.

Степь с её бесконечными просторами стала для многих народов символом свободы. Вольный ветер, нашептывающий сказки диким травам. Древние курганы, хранящие тайны. Табуны диких лошадей, разбивающие копытами непаханую твердь, открывая ходы к солнцу прорастающим семенам. Простор, который заполняет душу каждого, кто хоть однажды вдохнул пьянящий воздух целинной земли.

Сашко, свернувшись калачиком, спал. Дух степи нёс его на крыльях державной птицы. С высоты полета мальчишка видел реку и даже откуда-то знал её название – Грузский Еланчик. Сашко вдруг ощутил, в степи нет однообразия и монотонности. Он всматривался в её тело, пронезанное небольшими балками с пологими склонами. Вдоль берега реки белыми костями сказочных чудовищ вышли известняки. Особенным, недоступным ни людям, ни птицам зрением Сашко видел поразительные картины за пределами степи. Мир менялся со скоростью движущихся картинок в синемаатографе. Год назад в посёлке Юзовка Сашко бывал в одном таком. «Сатурн» В.Ю. Шмидта называлось то место.

С восторгом и страхом наблюдал мальчишка, как рождались новые города и поселения. Как всполохи жестоких битв окрашивали небо. Как преображалась земля человеческим трудом. И только Дикое поле, наполненное первородной силой, оставалось нетронутым. «Степь, Сашко – главный оберег этой земли. Теперь ты за неё в ответе», – донёсся до мальчишки незнакомый голос.

– Я услышал тебя... – прошептал во сне Сашко.

– Хорошо, – улыбнулся дядько Ангел и заботливо укрыл мальчика козухом.

Михаил АФОНИН

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Нам смерть придумает награды

Нам смерть придумает награды,
Кому гранит, кому польнь.
Но будут дни и будут даты,
И будет лес, поля и синь.
Подруга будет, что заплачет,
А может – друг, что рядом шёл.
И будет много разных всячин
И на поминках разносол.
И будет жизнь, и пусть не наша,
А мы, как будто, не при чём...
Но мы останемся, как стража,
С живыми жить к плечу плечо.

Рисую облака

Рисую облака в асфальтовой нирване,
В наушниках звучит смешная тишина.
Свободен для любви, свободен от страданий.
Ах, только б не война. Ах, только б не война!

Раскованы мечты, есть место для желаний,
Развязаны узлы, настроена струна.
Вот умер лилипут, воскреснув в великане.
Ах, только б не война. Ах, только б не война!

Серебряным крылом на землю рухнет память.
Под жёлтым кирпичом дорога не видна.
Вдруг в самый ясный день век на столетье замер.
И началась война. И началась война.

Мы полубогами считаем богов

Мы полубогами считаем богов,
Мы приняли жизнь без мольбы и торгов,
И каждый готов путь и правду держать до конца.
Мы брали вершины, спускались на дно,
А сердце у каждого обнажено.
Пусть нам повезёт, и зверьё побежит на ловца.

Не надо жалеть, мы избрали судьбу,
Отбросьте эмоции и ворожбу.
Мы сами решаем, какие три цвета – наш флаг.
И в самом конце непростого пути
Мы чуть отдохнём и продолжим идти,
А с неба скамандуют: «Только вперед! Шире шаг!»

Журавли

Здесь каждый новый день – не смена даты,
Здесь на полях сгорает хлеб несжатый.
Здесь знают, верят, ждут и не забыли,
Что сила в правде, но и правда в силе.

Сотри, что видел. Дом милей неволи.
Здесь в каждом шаге стон и крики боли.
Но если не идти, придут чужие,
Похожие, но всё-таки другие.

Чтоб жизнь прожить свою, а не чужую,
На Родине, не по углам кочуя,
Здесь никогда не встанут на колени.
Здесь в каждом слове память поколений.

И мы пошли, роняя кровь и слёзы,
Вперёд в гранит, в кресты и тонны бронзы,
А за спиной – проспекты с тополями.
Нам рано становиться журавлями!

Разговор с сыном

Поверь мне, сын,
Пройдёт немало лет,
Пройдёт немало зим,
Поймёшь, что ты – мой лучший в жизни след.
Живи, звездой храним.

Свой город роз
Я подарю тебе.
Пусть он растёт с тобой.
Поверь, Отчизны не бывает две.
Иди одной тропой.

Ты этот мир
Откроешь, будто дверь,
Шагнёшь к своей любви.
Послушай, сын, и снова мне поверь:
Ярмо и цепи – рви.

Наступит день,
И мой придёт черёд
Вдохнуть последний раз.
Тебе, мой сын, в наследство перейдёт
Дом, Родина, Донбасс.

Девятая жизнь

Я старый, окопный, потрёпанный кот.
Хромаю, скачу на трёх лапах.
Я тот, кто с солдатами рядом живёт,
И сам называюсь солдатом.
Стою на довольствии, хлеб с тушнякам
Свои для меня не жалеют.
Ещё я с комбатом немного знаком
И даже считаюсь главнее.
Бывает, с ребятами песни пою,
Бывает, что на бэтээре
Под выстрелы лезу в жестоком бою
И в нашей победе уверен.
А что на трёх лапах, так то не беда
И жизни моей не помеха.
Бандеровский снайпер, играясь, видать,
Её отстрелил мне для смеха.
Недавно и в танке пришлось воевать.
Вот это, скажу вам, махина!
Наводчик орал: «Ах вы, чтоб вашу мать»,
Им можно при мне, я – мужчина.
А в общем – живу. Вот сейчас подремал.
Чихать, что не стану белее.
Свои восемь жизней уже потерял.
Девятую – не пожалею.

За окном

Ночь. За окном Донецк.
Мы – строки в мониторах.
Я – пожилой юнец.
Но! Бывший в мушкетёрах.
Ты – не вольна в словах,
Ты – вся в мечтах и с мужем.
Путаюсь в адресах.
Мой мне сейчас не нужен.

Я – в книжке записной.
Ты – в облаке из красок.
Спрятана за стеной
И комендантским часом.
Я – говорю «дела»,
Ты – отвечаешь «тоже».
Старые удила
Нам разрывают кожу.

Ночь. Время быть собой.
Вот бы уснуть счастливым.
Но светофор немой
С красным горит отливом.
Я – зажигаю свет.
Ты – закрываешь окна.
Я – твой большой секрет.
Мы – отраженья в стёклах.

Фёдор БЕРЕЗИН

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Героев не хватило

Героев не хватило,
Мне пришлось
Во взвод черпать
Из прошлого,
Горстями.

Черпну ладошкой –
Вот он,
Тут как тут,
Стоит живой,
И годный для работы,
По новой,
Как тогда...
И говорит:
Что
Из-под Курска, мол.
И немец
На лужку
Их всех поймал,
В засаде «Тигр»
припрятав.
Под башню бил,
Всем взводом там легли,
С машинами.
Броня не помешала
Их всех спалить
В минуту.
– Ну, а ты?
– Я, барин?...
Не серчай,
Ты лучше б
Объяснил,
Как эту штуку
Пользовать
И биться?
У нас ведь
Не было
Таких чудесных вил...
Автоматических,
С патронами без счета.

В лесах,
Что под Смоленском.
Стережем
С рогатиной
Французика в снегу

Ну, и с конем кончаем.
Жалко лошадь.

Поворожу,
И вот уже:
– Я здесь!
Да, с Халхин-Гола...
Крылья подрубили
Япошки хитрые,
И плохо помню, как
Сгорел я...
Раньше
Или на земле,
Когда упал
В песок
На «И-шестнадцать».

– Я?... В Севастополе,
Вообще-то я моряк,
Пришлось на суше...
Корабли?...
Мы свой
Трехмачтовый
Пожертвовали морю,
Чтоб их десант...
Вы ж знаете сюжет?
Теперь грамматике
Обучены,
Все скопом.
Не то, что там...

– И я с япошками!
Мне, правда, повезло.
В окопе не присыпало
С друзьями.
Я в Порт-Артуре
После
На столе...
Хирурга.

Он тогда
Устал, бедняга,
Ну и где-то там
Он резанул не так
Иль не зажал...
Да мне-то

Все равно,
Я чувств лишился
Раньше,
Ведь наркоз...
Уже истек по сроку.
А сестра...
Меня держала за руку
Всё время.

Ну ладно, братцы!
После поболтать
Удастся, может,
Будет как-то время,
Сейчас задача...
В общем-то
Проста.
И не меняется,
Как видим,
За столетья.

Окоп,
Позиция,
Держаться,
Не уйти,
Не пропустить
И нанести,
Возможно,
Большой
Ущерб,
Если пройдут сквозь нас.

– А кто враги?
– «Укропы»...
Ну, хохлы...
Бандеровцы...
Фашисты на подхвате
У Штатов,
Ну, Европа там ещё,
Вся икебана в сборе,
Как обычно.
А нам – стоять,
И там,
Как повезет.
Короче...
Все усвоили задачу?

Ирина ГОРБАНЬ

г. Макеевка, Донецкая Народная Республика

Молитва о бабе Зине

То ли чётки в руках, то ли бусы,
То ли шепот её, то ли крик,
Бабе Зине ноябрь улыбнулся,
Лучик света из тучи возник.

С новой силой под шарф проникая,
Обнимает ноябрь холодком,
И наотмашь – колючая капля,
И по нервам – убийственный гром.

Каждый день ощутимей предзимье,
И слышнее снарядов полёт...
Я тихонько шепну бабе Зине,
Пусть еще на земле поживёт.

Пусть погост, от войны ненасытный,
Простоит много лет без неё,
Пусть еще почитает молитвы
С бабой Зиной моё старичье.

Пусть родные просторы ковыльи,
Словно бабий морщинистый лик,
Под окопы лопатой изрыли,
Превращая дорогу в тушик.

Оберегом, молитвой, крестом ли
Сохранить родниковую стынь...
Баба Зина поёт до истомы
Не убитую «градом» Псалтирь.

В этом городе

В этом городе всё по-особому,
Где промозглая серая стынь
Облаками над клёнами собрана,
И в туман погрузились мосты.

А мосты здесь особенно траурны,
Фонари – оригами из слёз,
Здесь аллеи украшены мрамором,
Здесь воюют ребята всерьёз.

В этом городе воздух особенный,
Звёздней небо, река холодней,
И пока до конца не угробили,
Есть дорога – мы ходим по ней.

Разве можно сравнить несравнимое?
Всех роднее – промозглая стынь.
Ах ты, Родина, сердцем хранимая,
Место Иверских чистых святынь.

Город мой

Город милый, тебя разве нет?
я ведь вижу дома и проспекты,
Хоть сегодня в лохмотья одет,
Но журишь мне тебя некорректно.

Город мой, под наркозом стоишь,
И тебя отгрызают вживую,
Но идешь ты на передовую,
В небо синее, в звёздную тишь.

Город милый, ну как ты молчишь?!
Ни стенаний, ни крика, ни воплей,
И не гнёшься от пули укропшей,
Только гордость и звёздная тишь...

Город мой, что там снова на передовой?
Ты не видишь? Ведь окна ослепли,
ты из стали и мужества слеплен,
Словно памятник. Значит, живой.

Зонт и форпост

Снова в волосах играет ветер –
капюшон накинуть недосуг,
сквер под фонарями будто светел,
будто тих, но вырвался из рук

старый зонт. Он был на всякий случай
взят, а вдруг сойдет дождем
не туман – кусок холодной тучи,
кто с зонтом – всегда предупрежден.

Только взрывы без предупреждений,
только смерть аллеями бредёт,
даты смерти, как и дни рождений,
под косу охапками гребёт.

Зимний ветер дует своенравно:
всё ему резвиться да шалить,
а прилет, от Кальмиуса справа,
словно смерти тоненькая нить.

В волосах запуталась дождевка,
ей бы покатиться по виску...
и, оставшись в центре поединка,
я до ливня простоять рискну.

Ливень здесь свинцовый и горячий,
то косой, а то наоборот,
и волос под капюшон не спрячешь,
Я не цель, я – выстроенный дзот.

Я – форпост, мой зонт кровит и стонет,
дождь смывает этот кровоток,
если выражаться попристойней,
к бесам капюшон! Где мой платок?

Только не платок, а плат Покрова,
словно Богородицы рука
прикоснулась к ране – я здорова,
и жива Донецкая река.

Я упрямо до утра стояла,
прижимая зонт к своей груди,
и под звёздным мёрзла одеялом,
вглядываясь, что там, впереди.

А к утру, рассеяв все туманы,
Кальмиус вздохнул и онемел:
Зонт, как пёс, зализывал мне раны
И тихонько от тоски ржавел...

Кальмиус

Повзрослели за восемь лет
Новорожденные малыши,
На вопросы – один ответ:
Был бы жив.

Попривыкли за восемь лет
Отчужденные визави,
А на просьбы – один ответ:
Не зови!

И стоят за отца и мать
Повзрослевшие пацаны –
Разве можно своих предать
псам цепным?!

Птицы в небе полёта ждут,
Им бы крылья расправить в срок –
За редутом горит редут,
Где урок?

Но Донбасс до конца стоит,
Жилы рвёт, поднимая крест,
Тихий Кальмиус – мо-но-лит!
Новый Брест!

Городской блюз

Тонкой струйкой июль убегает в далёкую Лету,
Вот уже разлетелся сугроб тополиного пуха,
Я тебя узнаю, город мой, по широким проспектам,
Ты запомнил меня по молитвам, хоть слушал вполуха.

Где-то барды в кафешке поют полусонные блюзы,
И уходит в депо предпоследний Донецкий трамвай,
Я тебе, город мой, никогда не был лишней обузой,
Мы обнимемся крепко, ты радости мне пожелай.

Будет новых июлей и новых дорог миллиарды,
Будут новые рифмы и в Лету уйдет время Майя,
Только так же в кафе будут петь нам охрипшие барды,
И в депо торопиться последние ретротрамваи.

По Донецким проспектам гуляют рождённые дети,
Нерожденных здесь нет – это отзвуки прежней войны,
Пусть июльское солнце всегда одинаково светит,
И не нужно искать в небесах чьей-то смертной вины.

Тонкой струйкой июль убегает в далёкую Лету,
Вот уже разлетелся сугроб тополиного пуха,
Я тебя узнаю, город мой, по широким проспектам,
Ты запомни меня по молитвам, и слушай вполуха.

Александр КУЧЕРЯВЫЙ

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Канонада, кукушка...

О рождении дня без умолку поёт канонада,
с удивлением рыжая белка глядит на меня.
Я смеюсь ей в ответ, не таясь, хриплым смехом из ада,
в нём мозаику здравого смысла храня.

Ранним утром иду, полусонных ворон разгоняя,
и курю не спеша, размышляя о странной войне.
Канонада. Кукушка. Я годы и жизни считаю,
парадоксам Донецка в душе удивляясь вдвойне.

Канонада, кукушка и приткая рыжая белка –
вам уже горожан удивить не дано.
«Забивает» под утро кому-то костлявая стрелку,
и кому-то приснится далёко-глубокое дно.

Не забудется больше дрожанье разбитой коленки
в такт дрожанию стен обречённо стоящих домов.
Канонада, кукушка и огненно-рыжая белка,
и молитва Господня... из болью подобранных слов.

Помнить буду до смерти – мне так повелела кукушка,
тех, кто вспомнить уже не сумеет, поверь,
как на мирных людей заходила стальная «вертушка»,
как гашетку давил и давил человеческий «зверь».

Имярек иступлённо кричит: «Все вы здесь пропадёте!
Против «жизни хозяев» вы – глупая, мелкая тля!»
Но кукушкой клянусь, убитой осколком в полёте,
не сдаётся подонкам Донецкая наша земля!

Благовещение в Донецке

В паутине весны заблудилось встающее солнце,
возле школы сороки гнездо, суетясь, затевают,
семиклашки мечтают спасти альбигойцев,
а учитель об отпуске тайно, с улыбкой, мечтает.

Мелюзга, во дворах шелестя прошлогодней листвой,
под деревьями ищет весёлый цветок первотала,
сизари-дуэлянты воркуют свой вызов на бой,
а девчонка щебечет, как с Ваней она танцевала.

В этот день позабыты кошмары смертей и агоний,
и в Донецке бескрайнее небо, как вечность над раем.
Мы бессмертием дышим и смотрим, и смотрим в ладони
белокрылого ангела, что над домами витает.

Донецкие маги

Седеют холмы и курганы
остатками мёртвого снега,
прогалины – чёрные раны –
как символы для оберега.

В оврагах, как в песнях и сагах,
где канули годы в столетья,
скрываются добрые маги –
наивные, древние дети.

Закутавшись в угольных складках,
они начаруют стократ
ковыльные волны и сладкий
цветов полевых аромат.

Сплетут узелок заклинаний
из солнечно-лунных лучей,
из радостных снов и желаний,
из горестных дней и ночей.

Затянется тот «узелочек»
на памяти нашей навек,
чтоб помнили мы между строчек
сколь здесь полегло человек.

Отважных и сильных героев,
достойных великих былин,
а также бродяг и изгоев,
пришедших из чуждых долин.

Их время собрало в курганах,
их сотни и тысячи тут –
батыров, нукеров и ханов,
героев походов и смут.

А может быть, их миллионы
скопились за сотни веков?
Мерещатся гулкие стоны –
рефрен неразборчивых слов.

Но с каждым мгновеньем всё чётче,
но с каждой минутой ясней
мне сон, наколдованный ночью
волшбою донецких степей,

о том, как седеют курганы
от времени и перемен.
Они, словно древние храмы,
нас вновь поднимают с колен.

И вот не страшны уже эти
вторжения новых изгоев.
Встают повзрослевшие дети –
потомки курганных героев.

Не все доживут, но весною
донецкие добрые маги
своим заклинаньем откроют
Донбасса холмы и овраги.

И выйдут на склоны родные
защитники древние храмов,
и больше не будут седыми
от мёртвого снега курганы.

Донецкий соловей

Город спит, устав от артобстрелов,
Дышит тяжело под лай собак.
Майский шелест листьев неумело
Глушит дальний гул ночных атак.

Нет, не спит, в дремоте на минутку,
Крикни – отзовётся стоном ран.
Только вдруг, пронзительно и чутко –
Соловиный щебет – Божий план!

Так выводит радости кантаты –
Маленький певец весенних грёз,
Чтобы приумолкшие солдаты
Не дождались материнских слёз.

Паутиной звуков оплетает
Площади, кварталы и во сне
Маленькой надеждою витает
Над большой мечтой о мирном дне.

Наш солист умело душ коснулся –
Не нарушит он ночного сна...
И напев смертельный захлебнулся –
Соловьём пристыжена война.

Грозы

Провожали на войну с плачем жёны,
мы боялись умереть этим летом,
не боятся дураки и пижоны,
и, наверно, старики тайно где-то.

Над Донецком пронеслись ночью грозы,
жёны плакали, уткнувшись в подушки.
Мы немного все под местным наркозом,
спим и дышим в унисон нашим пушкам.

Дни растут под канонаду годами
и взошли на чёрном – красным и белым.
Вот уж девушки – со шляпками дамы:
справа сын и фотокарточка – слева.

Снова проводы в молчанье и плаче,
и боимся умереть, как и прежде.
Нам казалось, всё сегодня иначе.
Нет, всё также, но и та же надежда

под грозу и канонаду. На плечи
давят горькими потерями годы.
И мечтает о рассвете под вечер
мой народ – донецкой, твёрдой породы.

Молитва по-Донбасски

Кочевали здесь гордые ханы
и придумали сабельный пляс.
Но оставил в полях лишь курганы
от кочевников древний Донбасс.

На колени под звуки «осаннь»
так хотели поставить всех нас
слути папы, хафизы Корана,
но стоит православный Донбасс.

Если слух режут звуки «тамтама» –
страшный призрак «зигующих» масс –
перезвоном откликнутся храмы
и гудками заводов – Донбасс.

Я живу, невзирая на раны,
нанесённые сердцу не раз.
Есть на землю мою чьи-то планы,
но твержу: «Не сдавайся, Донбасс».

Пусть попробуют мира титаны
обнулить процветание рас.
Наш народ в «зеро» списывать рано –
заявляет упрямый Донбасс.

Без обид, джентльмены и дамы,
ваших ценностей скучный коллапс
в терриконах, обугленных вами,
похоронит бродяга Донбасс.

Вновь проносятся здесь ураганы
чёрных свастик, чумы и проказ,
и грохочут войны барабаны,
но поёт песню жизни Донбасс.

Демагоги, кликуши, тираны
друг за другом уйдут в сотый раз,
слижет время великие страны,
но останется вечный Донбасс.

В донецкой степи

Плачет в поле лазурный шалфей над ковыльной степною волной,
плачут маки на склонах полей, и желтеет малыш зверобой.

Почему поседел мой ковыль в этот солнечный, ласковый день?
Почему седовласая пыль стала пеплом родных деревень?

Стонет призрак небес – пустельга: слишком сытен безумия пир.
Помнят древней реки берега, как за Калкой закончился мир.

Дремлет грузный седой террикон, лёгкой дымкой закрыт небосвод,
в рагнарёк погружается сон, в тьму просторов уходит народ.

Я хочу поседеть, как ковыль – заплатить этой малой ценой
за мальчишески-смелую быль, за девчоночьи-тихий покой.

Я рассыпаться пробую в пыль вместо этих корней-городов
древнерусских, запомнивших стиль жизни, силы и праведных слов,

слиться с миром, как клевер с пчелой, раствориться в усталой земле,
каплей веры, седой, но живой, как кузнечик на том ковыле.

Наталья ЛИТВИНЕНКО

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Боже, помилуй мой город, в котором нет горячей воды,
Не осталось слез и почти не осталось мужчин.
Есть сирень. В центре города будто бы расцветают сады.
Но не радуется это и даже злит без причин.
Я не вижу почти никого из птиц, не слышу по голосам.
Я не вижу шумных грачей и веселых детей.
Город пуст и помыт, он стоит вообще ничей.
В нем холодную и обстрелы дают только по часам.
В нем холодную не дают, а привозят бак.
В нем обстрелы выдают полный сервис-пак.
В нашем городе что-то совсем не так.
Даже песня вдруг из машины не в такт.
Завершился Пост, травы дали в рост.
Этот край на излом и совсем не прост.

Боже, помилуй! Закончилось первое лето
Среди зимы, и от снега отряхивается пехота.
Боже, храни этот город в сумерках до рассвета,
Ведь ни ослабы нету и ни укорота.
Там наверху, как стучатся вагоны в сцеплениях,
Бьют в барабаны переразмерными ботами.
Смерть доминирует здесь над рожденьями,
Бьет сверхурочно, сверху и с переработками.
Бьют круглосуточно. Кажется – близко.
Если вдруг тихо – нас этот пугает покой.
Я так устала свои переписывать списки:
Реже – за здоровье, чаще – за упокой.
Нынче вопросы поставлены грубо.
Ныне общественное становится личным.
...А наверху все режут бесконечные трубы
Залпами целыми или частичными.

Боже, спаси этот город, над которым летит ворона,
Солнце вылезит напугано и осторожно.
Боже, спаси этот город повзводно и порайонно,
Ибо земля близко и тепло почти невозможно.
Я вот не знаю, а кто это там грохочет –
Подлый ли враг или бьются богатыри?
Я вот не знаю, а ворон поживы хочет.
Видит ее далеко, до новых границ земли,
До самого конца света. А может – и до начала, и до Глагола.
Что подняло его – взрыв? Противоракета? Обсуждаемая килотонна?
Ворон один, не спешен он и печален, и не успокоен...
И не кончается страшное это лето.
И не кончается бесконечное это лето...
...И не кончается смертельный в степи подсолнух.

Вдруг исчезает телефонная связь.
Вблизи не дозвониться, будто вдали.
Ты как специально ни в какие передрыги не влазь
И постарайся, чтобы они сами тебя не нашли.
Не исчезай, не пропадай, постарайся, не сгинь
Ни на одной из разговорных сторон.
Ты мне хотя бы сообщение скинь,
Что на морозе быстро сел телефон.
Ты меня потом распеки, обвини
В тех грехах, о которых еще не знал.
Ты мне, главное, хоть потом позвони,
Как с другой планеты, через один квартал.
В это дымящееся время, пробирающее до костей –
В это время новости, как огонь и лед.
Потому что нет хороших у меня новостей,
Никаких нет – интернет не работает, не дает.

Нет, не проще сесть в троллейбус и друг друга найти,
Чем выпрашивать квадратики у дохлой сети.
В этой маленькой коробочке бессмыслен радар –
Там по твоему району наносят удар.
А квадратики спустились до самого дна...
И все кажется, что в сводках ты будешь одна...
...А потом ты позвонишь: «Какого рожна?»
Все ты наперевыдумывал, трубку не брал.
Я была в супермаркете, нас в подвал,
Там противно, так свет экономный моргал.
Куда били, не знаю, разбитые два окна.
Я стою выбираю, мне твой нужен совет
И займи сто рублей с рассрочкой на сто лет.

План неведомого города
На неведомой земле
Нарисован лапкой холода
На трамвайном на стекле.
Может, их границы внешние
Снежные
Каждодневно не бомбят?
Я смотрю на них с надеждою,
Но насквозь проходит взгляд,
Где у нас другой расклад:
Тут враги побед не празднуют,
Тут мой город ленинградствует
Сколько лет уже подряд.

Громыхало по-январски жарко.
В жесткости работы боевой
Исправлял прицельную помарку
Новый беспилотник внеземной.

Даже мы, обстрелянные души,
Воробьи бывалые войны,
Удивлялись – кто и чем там глушит,
Что там за стволы наведены.

Никуда никто не разбегался,
Вовремя и слаженно пел хор.
Наверху небесный полк держался
От иных времен до этих пор.

Грохотала праведная сила.
Новости шумели каждый час.
И за цепь, перехватив кадило,
Батя правил ладана запас.

Обходил то влево он, то вправо
Образы иконные отцов.
Обходил, как будто бы заставы,
Будто строй заслуженных бойцов.

А когда пропели: нету смерти,
Потребится смерть, уйдет беда –
Громыхнуло так, что в аде черти
Бодро разбежались кто куда.

Скоро скажут: отворите двери,
Час пробил сурового Суда.
Нынче в логово загнали зверя
И уже ударили туда.

Покидайте ваши катакомбы –
Трубами оплетенный подвал.
На людей не будут падать бомбы,
Чтоб никто уже не умирал.

Утирайте под глазами слякоть.
Ободряйся, сердца скучный стук.
Больше людям не придется плакать
И терять любимых и подруг.

Береги нас, наша оборонка!
Вышний и земной дивизион.
В аде наблюдается воронка,
И весна теснит со всех сторон...

Анна МАТВЕЕНКО

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

ЖАБКА

– Лёха, очнись, Лесенка смотрит! А ты ворон ловишь! – Ярик активно пи- хал приятеля в бок.

Лёшка испуганно вздёрнул голову и попробовал навести на резкость сли- пающиеся глаза. В сон на классном часе, который в школе ставили только первым уроком, клонило невыносимо. А выспаться восьмиклассник Алексей Алексеевич Рагозин не успел: с севера под утро опять забухало, младшая се- стрёнка раскапризничалась, и самая сладкая рассветная дрема ускользнула безвозвратно.

В принципе, звуков разрывов Лёшка давно почти не боялся: привык за столько-то лет отличать «плюсь» от «минусов» и далёкое – от близкого. Эти «плюсь» были далёкими. Он и не проснулся бы, конечно, но Катюшкин сон был очень чутким, а плакала младшая Рагозина громко. Никакая подушка на ухо не спасала. Да только вставать, чтобы поплотнее закрыть дверь в свою комнату – значит, пробудиться окончательно. То на то и выходило: плача поч- ти не слышно, но уже не заснёшь!

В общем, не добрал сна Лёха. И ждала его за это кара неминуемая.

Алеся Александровна (или Лесенка, как звало её за глаза подрастающее поколение) тоже не любила первые уроки. А ещё она, в отличие от Лёшки и большинства его приятелей, к звуковому сопровождению донецких буд- ней так и не привыкла и в его особенностях не разбиралась. Далёко, близко, «к нам», «от нас» – Лесенка одинаково вздрагивала, крепче сжимала в тон- ких пальчиках ручку и слегка запинаясь, если о чём-то рассказывала. Рас- сказывала она, впрочем, по признанию всех, интересно и предметом своим была увлечена. Даже непростой 5-Б, которым «наградили» новенькую био- логичку, смогла заинтересовать. За три года потихоньку прикрутила гайки, и коллектив шепутных школяров, посопротивлявшись первое время, принял молодую «училку», прекратив её троллить по каждому поводу. Поняли – бес- полезно. И даже чревато неприятными последствиями в виде внеплановых бесед с родителями.

Нет, Лесенка никого в подобных беседах не ругала и даже как бы по головке гладила. Но вот только выходило это у неё так хитро, что родители на чадушко начинали вопросительно поглядывать и домашние задания проверять с утро- енной силой, а само чадо почему-то ощущало себя дурак-дураком. «Да ну её лесом такую похвалу! – думало после подобных обсуждений своих талантов чадо. – Лучше, чем полным лохом выглядит, лишний раз параграф прочи- таю и Ольку на перемене за косу дёргать не буду!»

Но любой человек, как известно, далёк от идеала. Детвора ещё с пятого класса подметила, что в начале учебного дня у Лесенки настроение радуж- ным не бывает, и в это время награждает она отвлекающихся от темы зако- выристыми вопросами. Если же ночь была ещё и «шумной», первые уроки для зевак становились просто опасными. Не имело значения, биология это или тематический классный час. За прошедшие годы ничего не изменилось.

Так что Лёшка попал...

– Алексей, напомни, о чём и почему мы сегодня ведём речь? – Алеся Алек- сандровна жестом остановила Гелю Ладонникову, читавшую у доски доклад. Гелькин бубнёж и был основной причиной того, что Лёшка начал клевать

носом. Ну не умела Ладонникова декламировать с выражением! О чём бы ни рассказывала – спать хотелось неудержимо.

– Об угледобывающей промышленности, – сокрушённо сказал Лёха и встал. Тему он помнил хорошо. Совсем недавно всей семьёй отпраздновали День шахтёра, потом был памятный День освобождения Донбасса. Класный час Лесенка приурочила к этим датам. Разве забудешь?

– Так почему мы сегодня о ней говорим? – продолжала докапываться Лесенка.

– Потому что каменный уголь – главное богатство нашего края, – со вздохом изрёк Лёха.

– А что ещё тебе известно? – Лесенка не унималась.

Лёшка мог бы сообщить о добыче угля многое. Прадеды его работали на шахтах: один – проходчиком, другой – маркшейдером. Об их нелегком труде вспоминали и мать, и отец, и бабушка. Из окна был виден террикон, а печку в летней кухне до сих пор при необходимости использовали, несмотря на то, что их частный дом давно был газифицирован. Но рассказывать обо всём об этом просто не хотелось. Личное это было. И Алексей, понурившись, поведал:

– Мне известно, что каменный уголь образовался в каменноугольный период.

В классе кто-то негромко фыркнул. Лесенка слегка нахмурилась.

– Да, негусто у тебя с информацией, Рагозин! Ну что ж, если знаешь, что уголь образовался именно в каменноугольный период, то следующий класный час готовишь ты. Расскажешь, что из себя каменноугольный период представлял. Заодно и свой кругозор расширишь. Садись!

Лёшка обречённо стёк на место. Лесенка своих заданий не забывала и требовала, чтобы к их выполнению относились творчески.

– Ну, Лёха, ты и влип! – прошептал Ярослав. – Что делать будешь?

– Влип, – тоже шёпотом согласился Лёшка. – Думать буду, чтобы перед родителями хвалить не начали...

Ярик промолчал и сочувственно скривился.

Дома вкусно пахло котлетами и борщом. Бабуля замешивала тесто на пироги. Яблоки, уже почищенные, порезанные и посыпанные сахаром, стояли в стеклянной миске на краю стола, прикрытые чистым полотенцем. Лёха не удержался, отвернул холстинку и стянул пару долек. Баба Лена строго прикрикнула:

– А ну! Руки от начинки убрал, помыл, и – за стол! Нечего аппетит перебивать, сейчас тесто подходить поставлю и первого тебе налью!

– Ба, я сам борща возьму. Не маленький! – Лёшка улыбнулся и черпанул половником густое ароматное варево. Плюхнул сверху пару ложек сметаны и залюбовался получившимся натюрмортом.

Елена Семёновна проследила, чтоб внук не забыл взять к борщу краюшку хлеба и зубок чеснока, но ворчать не перестала:

– А раз не маленький, зачем сладкое перед едой в рот тянешь? Чтобы аппетит перебить?

– Нет, чтобы неприятности заесть! – с набитым ртом промычал Лёшка. Борщ у бабушки всегда получался вкуснющий, не оторвёшься!

Баба Лена укутала старым пуховым платком кастрюлю с тестом, вытерла руки и под села к столу. Посмотрела внимательно на внука и потребовала:

– Вот с этого места поподробнее.

– Сейчас, доем только!

Лёша дособи́рал оставшуюся в тарелке гу́щу, вздохнул и приступил к рассказу об утренних событи́ях и их далеко идущих последст́виях. Бабу́ле он доверя́л. Мама, узнав о случившемся в школе, нача́ла бы суети́ться и волну́ваться, отец – недово́льно хмури́ться. А бабу́шка всегда споко́йно выслуша́ет и зачасту́ю даст дельны́й совет.

Вот и на э́тот раз Елена Семёновна просто пожа́ла плеча́ми:

– Не ви́жу ника́кой пробле́мы. Инте́рнет на что?

– Ба, ты не понима́ешь! Лесенку обы́чный рефе́рат или скача́нная пре́зентация не устро́ят! Ей что-то особе́е тепе́рь подава́й!

– Не Лесенку, а Але́сю Але́ксандровну! – Баба Лена укори́зненно погрози́ла Лёшке пальце́м. – Чтоб её всё устро́ило, добавь ка́кую-нибу́дь наглядную вещь. Тогда́ не то́лько послу́шать и глаза́ми посмотре́ть, но и рука́ми потро́гать можно бу́дет. И ребя́т, и клас́ную свою́ заинтере́суешь.

– Угля, что ли, на уро́к прита́щить? Да кто его у нас не ви́дел?! – Лёшка недоуме́нно пожа́л плеча́ми.

– Уго́ль то́же можно. Но не просто́й, а с отпеча́тками. Листья́, кора... То́лько та́кой уго́лек най́ти сейча́с ты вряд ли смо́жешь. Эх, жа́ль, Катю́ша наша́ пошали́ла не во вре́мя! Как раз коллеќция твое́го праде́да пригоди́лась бы!

Лёша вспо́мнил, что ви́дел раньше бере́жно храня́щиеся на полочке в ба́бушкиной комна́те чёрные пласти́нки с резны́ми отпеча́тками. Был там, ка́жется, и ребри́стый серы́й цилиндрик – осколо́к дре́внего окамене́вшего хво́ща. Да вот то́лько прошлой зимо́й сестре́нка, оставле́нная без пригля́да на полчаса́, распихала́ всё э́то бога́тство по карма́нам шубейки́, а пото́м разбросала́ на прогу́лке по сугроба́м. Ни́кто и внима́ния не обрати́л, что за ка́мешки́ она по сторо́нам ки́дает. А ко́гда хвата́лись – бы́ло поздно́. Руга́ть ма́лую не ста́ли. Пожа́рили, объ́яснили, что непра́вильно сдела́ла, но уго́льков тех та́к и не на́шли.

– И что мне де́лать? По́йти в сарайчи́к, в антра́ците покопа́ться? – уны́ло вопро́сил Лёшка.

– Е́щё не хвата́ло! Отмы́вай те́бя пото́м, поросё́нка! – засме́ялась бабу́шка. – Да ты там ни́чего и не отка́пашь, уго́лек то́т мелко́ват. А вот на Жа́бку сходи́ть можно́, на поро́де отпеча́тков поиско́вать.

Лёшка посмотре́л в окно́. Жа́бка на фо́не неба́ вырисовыва́лась оче́нь че́тко. Стары́й невысо́кий терри́кон де́вятнадцато́й ша́хты бы́л ви́ден почти́ со всех то́чек посёлка́. Закры́ли ша́хту да́вно, а верху́шку терри́кона, как води́тся, сре́зали, что́бы умень́шить горе́ние поро́ды. Да то́лько не со́всем уда́чно сре́зали: спёкши́йся в глубине́ в моно́лит терри́кон бу́льдозера́м подда́вался пло́хо. Тепе́рь на верши́не красова́лась огромная́ причудли́вая фигу́ра: дра́кон – не дра́кон, ящери́ца – не ящери́ца. «Жа́бка!» – реши́ли в конце́ концо́в жи́тели Рутче́нковки¹ и на э́том успо́коились. За го́ды терри́кон подза́рос травой́ и дере́вьями, на нём гне́здились́ пти́цы, жили́ зайцы́, доказы́вая своё́ существо́вание сле́дами по зимне́й поро́ше. У скло́на вы́бился родни́чок и разли́л озерцо́-болотце́, по весе́не огла́шавшее́ всё окрест́ громким ля́гушачьи́м ором и нежны́ми треля́ми настоя́щих жа́б. Обви́ли терри́кон тропи́нки и да́же ши́рокие доро́жки, протопта́нные но́гами и уката́нные шина́ми велосипе́дов – хоро́шо бы́ло на верши́не! Ве́тер, кри́ки стри́жей и наде́жный ка́менный за́щитник, снисходи́тельно визи́рающий́ десяти́летия́ми на су́ету у сво́его подно́жия.

Та́кие ме́ста зна́ющие лю́ди называ́ют ме́стами си́лы.

Лёшке подо́бные сло́жности в голо́ву не приходи́ли, но на терри́кон он взби́рался́ неоди́кратно. Благо́ – со́всем ря́дом с домо́м! Бабу́лины́ сло́ва заста́ви-

¹ Рутче́нковка, Рутче́нково – рабо́чий посёлк в Ки́ровском райо́не го́рода До́нецка.

ли его призадуматься и вспомнить, что на красноватых плитках выгоревшей породы что-то необычное краем глаза он вроде замечал.

– Ба! Так давай я сегодня туда смотаюсь! Может, и найду чего!

– Куда торопишься? Неделя впереди, ещё успеешь!

– Я – на разведку! Найду отпечатки – хорошо. А если нет – время на поиски останется. Ты сколько раз говорила, что дело не стоит откладывать в долгий ящик?

– Ох, шило ты, Алексей! – баба Лена только головой покачала. – Ну смотри, вольному – воля. Только вернись до полпятого. Тебе ещё Катеньку из садика забирать, не забыл?

– Я на велике по-быстрому! На связи буду! – Лёшка сорвал с вешалки пайту, запахнул неразлучный андроид в карман, закинул на плечо старенький рюкзачок и вылетел за дверь.

Елена Семёновна махнула рукой, улыбаясь вслед внуку, и принялась выпутывать кастрюлю из платка: тесто подошло. Как раз к Алёшину возвращению и пирожки поспеют!

Грунтовка негромко шуршала под шинами потрёпанной «Деснь». Сентябрь и вообще выдался жарким, а сегодня в воздухе духота ощущалась особенно. Лёшка крутил педали, жалея, что переутеплился. Когда начался склон, стало совсем невмоготу.

Затормозил, соскочил с велосипеда и стянул пайту, повязав на плечи. Сразу полегчало. В седло снова садиться не стал, привычно повёл велик рядом.

Тропинка стала круче, ближе к вершине подул ветерок, и разгорячённый ездой Лёшка теперь уже слегка ёжился под налетавшими порывами. Но до Жабки было уже рукой подать, и рыжая, крошащаяся стена вскоре заслонила ветер.

Лёша аккуратно прислонил к жабкиному боку велосипед и огляделся.

Крыши частного сектора, многоэтажки Текстильщика¹, далёкие конусы терриконов Трудовских² – всё было видно как на ладони. Мирно шелестели листья проросших на склонах тополей, поодаль суетилась трясогузка, квакали внизу, в болотце, лягушки. «Что это они расшумелись вдруг? К дождю, что ли?» – подумал Алексей и с подозрением покосился на темную облачную полосу у горизонта. «А! Успею!» – мысленно отмахнулся и принялся за увлекательный поиск следов каменноугольной растительности...

...Когда первая увесистая капля шлёпнула по темечку и нагло сползла за шиворот, рюкзак, набитый пластинами породы, уже ощутимо оттягивал плечо. Лёшка поднял голову и ахнул: азартно раскапывая слоющиеся кирпично-красные груды, он не обратил внимания, как тёмная облачная полоска превратилась в здоровенную сизую тучу, нависшую прямо над терриконом. Солнечные лучи ещё пробивались с запада, но стало понятно, что грибным дождиком дело не ограничится, и до ливня домой он доехать не успеет.

Алексей подбежал к велосипеду и потащил его в единственное возможное укрытие.

Дождь ударил стеной. Под нависающую «морду» Жабки капли и брызги не долетали, но Лёшке было очень неудобно: резко похолодало. Не спасала даже снова надетая пайта. Блеснуло, вдалеке заворчало...

1 Текстильщик – самый крупный спальный район Донецка. Тоже находится в Кировском районе города.

2 Трудовские – рабочий посёлок рядом с одноимённой шахтой. Находится на самой окраине Донецка, в Петровском районе города.

Мобильник был быстро отключен и засунут в отодвинутый подальше рюкзак. «Бабуля будет волноваться», – успел подумать Лёшка, и тут ослепительный световой столб встал перед глазами, и грохнуло так, как будто обвалилась половина террикона...

...Сознание слегка плыло, а за закрытыми веками всё вращались и вращались огненные круги. Почему-то казалось, что он лежит на полке в бане. Ходили они в парную пару раз с отцом. Да только сейчас полок попался какой-то неудобный, и пахло не берёзовым листом и мятой – грибной прелью и, почему-то, тухлыми яйцами. А ещё кто-то шлёпнул Лёхе на грудь тяжелую мокрую подушку и металлическим фиксатором сверху придавил, чтобы не сползла.

Лёшка застонал, завертелся, чтобы выбраться из захвата и плюхнулся во что-то жидко-липкое. Из-под железки вроде выполз, но подушка никуда не делась. «Какая баня? Какая подушка? Я же на терриконе!» – постепенно стал соображать Алексей. Стало ему совсем не по себе.

Огненная круговерть прекратилась, слёзы наконец-то перестали течь из-под век. Лёха осторожно приоткрыл глаза... И ошарашено выдохнул:

– Ну ни фига ж себе!!!

Ничего знакомого вокруг не было. И никакой бани, понятное дело, тоже не было. Сидел он в большой грязной луже, подпирая осклизлый полугнилой ствол, с которого и свалился, брыкаясь. Откинутый в сторону «железный фиксатор» – велосипед – валялся рядом. И видны были окрест только такие же лужи, затянутые спутанными косицами тины, бочаги поглубже, с бульканьем выпускающие пахучие пузыри, да бесконечные зеленоватые стволы. В рёбрьшко, в ромбик, волосатые... Шелушащиеся, со свисающей лохмами корой. Здоровенные, подпирющие серое низкое небо, с метёлками или узорными «пальмовыми» листьями наверху, скрученными улиткой. А иные – похожие на сосенки без иголок, с толстыми изумрудными безлистными ветвями вращающемуся.

Лёшка отколупал от бревна полоску, рассмотрел сетчатый рисунок, машинально сунул ошмёток коры в карман. Парнишку передёрнуло. Он вспомнил, где видел нечто подобное: на картинке учебника ботаники 6-го класса, когда изучали они высшие споровые растения. И период. Тот самый...

Начался дождь. Ручейки потекли по стволам. Грудь давило всё сильнее. Злодейской подушки, естественно, не было. Был воздух: густой, тяжелый, мокрый. Он с трудом заходил в лёгкие, и выталкивать его из себя тоже было нелегко. Даже до дождя казалось, что дышишь водой. Лёшка задыхался, и не только от жаркой духоты. Запахи в «лесу» стояли резкие, удушающие. Начинала кружиться голова.

Стрекозу размером с небольшой беспилотник, которая промелькнула меж «деревьями», громко треща прозрачными сетчатыми крыльями, Лёха почти безразлично проводил взглядом. «Если тут такие стрекозы, то какими же будут комары? – подумал вяло. – Впрочем, теперь всё равно. Родных жалко...»

Мужчины, конечно, не плачут, но в эту минуту так хотелось наплевать на правила! Себя тоже было жалко. И даже очень.

Стрекоза вернулась, зависла над ближним бочагом, засмотревшись на пришельца. В фасеточных, переливчатых даже в полутьме глазах размером с хороший кулак отразились сотни маленьких человеческих фигурок. Красиво это было. Даже впавшего в уныние Лёшку проняло.

А потом тоску пинком вышибла из организма запредельная доза адреналина.

Из бочага в потоках грязи и тины поднялась ОНА. Жабка. Хлопнула похожая на приплюснутую крокодилью пасть, и стрекоза исчезла. Над болотистыми топами разнеслось торжествующее:

– Ва-а-а-к-вааааа!

И на Лёшку уставились совсем другие глаза. Выпученные. С вертикальным пульсирующим зрачком. Глаза, в которых не было ни капли разума, но прослеживался тупой интерес: «А съедобно ли это?»

Лёха вскочил (откуда силы взялись!) схватил велик, отгородившись им от твари, и заорал изо всех сил:

– А ну, пошла отсюда!

И события понеслись вскачь.

То ли акустическую волну Лёшка направил удачно, то ли ему, как и тем, что в поговорке, просто повезло, но ближайшая кривоватая «ёлочка», окончательно проиграв земному притяжению и дождю, стала заваливаться набок. Жабке досталось толстеньким стволиком как раз по плоскому, слегка поблёскивающему мелкими редкими чешуйками, черепу. А Лёхе – вершинкой. Касательно, по плечу. Он снова шлёпнулся в жидкую грязь. И не успев обрадоваться, что легко отделался, увидел ветвистую огненную сеть, упавшую, казалось, на половину каменноугольной чащобы. Грохнуло, заложило уши, потемнело в глазах...

Пятой точке было жёстко и колко. То ли в голове, то ли снаружи, ровно и шелестяще шумело. Рама велосипеда чувствительно врезалась в рёбра.

– Опять... – жалобно простонал Лёшка, осторожно приоткрыл глаза...

И радостно завопил:

– Йес! Йесс!! Йессс!!!

Сидел он под мордой Жабки, основательно придавленный великом. Ливень заканчивался, переходя в обычный дождь, и в разрывах туч на востоке уже проглядывала лазурь. Метрах в десяти-пятнадцати ещё дымилась неглубокая воронка – место, куда ударила молния. Внизу громко квакали лягушки.

Лёшка отодвинул транспортное средство, уважительно покосился вверх на нависающую над ним здоровенную «голову» и пробормотал себе под нос:

– Так вот ты какой, северный олень...

Он ещё немного посидел в гроте, с наслаждением вдыхая обычный донецкий воздух. Пах этот воздух не болотом, а прибитой дождём пылью и мокрой землёй. И чуть-чуть – бензином и дымом. А потом, кряхтя, поднялся, ухватился за руль, нацепил на плечи рюкзак и потихоньку поплёлся вниз, не ожидая пока утихнет морось. Вымокнуть ещё больше было невозможно. Садиться в седло он не рискнул, а домой вернуться следовало вовремя.

Лёшка осторожно спускался по мокрой тропинке и думал, что бабуля, конечно, отругает его за изгвазданную одежду, но потом обязательно накормит яблочной сдобой. Он расскажет ей сон, который привиделся под шум дождя: про древние «деревья», стрекозу и «жабку». А в классе будут слушать о том, как чувствовал бы себя человек, попавший в каменноугольный лес, и рассматривать отпечатки листьев, опавших миллионы лет назад, но оставивших следы на породе старого террикона.

Только кусок коры, который лежал в кармане мокрой пайты, он спрячет и никому не покажет. Всё равно не поверят. А жаль.

– Нужно срочно изобретать машину времени, – сделал вывод Лёшка и покатил к дому от подножия Жабки старенький велосипед «Десна».

Владислав РУСАНОВ

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Вальс обречённых

Нас не язвите словами облыжными,
Жарко ли, холодно? По обстоятельствам...
Кто-то повышенные обязательства
Взял и несёт, а мы всё-таки выживем.

Мальчики с улиц и девочки книжные...
Осень кружится в кварталах расстрелянных.
Знают лишь ангелы срок, нам отмеренный,
Только молчат, а мы всё-таки выживем.

Не голосите, холёно-престижные,
Будто мы сами во всём виноватые.
На небе облако белой ватой
Мчит в никуда, а мы всё-таки выживем.

Не разобраться, что лучше, что ближе нам?
«Шашки подвысь и в намёт, благородие!»
Нам смерть на Родине, вам же – без Родины.
Вот как-то так... А мы всё-таки выживем!

2014

Когда в эфире что ни час
бурлит злословье,
покрепче зубы сжал Донбасс,
стоит несломлен.

Но мы услышим рёв машин
и рокот траков,
и частой дробью калаша
поддержат драку.

Когда исчадий Сатаны
оскал кровавый,
и что ни день кошмар войны
приходит в яви,

Тогда российского орла
взметнётся знамя,
и в небе синем два крыла
плывут над нами.

когда безжалостные дни,
и ждём мессию,
Россия, руку протяни!
Приди, Россия!

Неудержимо на закат
волна победы
пойдёт, как много лет назад
шагали деды.

2022

Ангелы Донбасса

Маленький шахтёрский город,
пограничный с Россией.
Здесь
из окон пятиэтажки
небо такое синее.
Мальчик клеил из картона модели,
он мечтал в океане
водить каравеллы.
Он бредил парусами,
хранил портрет Колумба,
изучал такелаж, галсы и румбы.
Он остался под обломками
рухнувшего здания.
Украинский лётчик доложил
о выполнении
задания.

Самая обычная младшеклассница
знойным
луганским
летом
упрямо ходила в ДК,
занималась балетом.
Она крутила фуэте,
она стояла на пуантах,
легко различала аллегро и анданте.
Осколок прошёл навывлет,
когда по Камброду
отработали украинские
миномёты.

Он мог бы стать актёром,
врачом,
инженером,
шахтёром,
пилотом...
Просто парнишка ещё не определился
с будущей работой.
Он часто сбивал коленки,
ругался со сторожами,
прогуливал уроки,
иногда курил за гаражами.
Скорая не успела помочь
даже просто уколом,
когда он зацепил растяжку
по дороге в школу.

Первого сентября
они входят в райские классы
и садятся за райские парты.
Белые.
Ангелы.
Донбасса.

2017

Дикое Поле

Мы – дети Дикого Поля,
разбойничьей, злой удачи.
Мы малочувствительны к боли,
мы редко и скрытно плачем.

Несли нас пегие кони,
земля под копытом горела,
умели пустою ладонью
отбить печенежьи стрелы.

Теперь наши степи – пашни,
нарыты в них шахты-норы,
натяканы телебашни,
куда ни поедешь – город.

Теперь мы не головы рубим,
а рубим горячий камень.
Дымятся заводов трубы,
гремят и кузни, и станы.

Но войны степным пожаром
в начале нового века
пылают заревом ржавым,
и льются из крови реки.

Ни выкрики конной лавы,
ни поступь цепи пехотной...
Здесь делят виновных и правых,
на русских идёт охота.

Здесь снова до смерти спорят
селяне и рудокопы,
до пресного, мелкого моря
тянутся нитки окопов.

Попробуй пустою ладонью
отбить осколок снаряда.
И скачут пегие кони,
и степь, словно простынь, смята...

Попробуй не чуют боли,
попробуй не видеть горя
в пределах Дикого Поля
у малосолевого моря.

2019

Поля надели маскхалаты,
вороний грай.
Глядят расстрелянные хаты
за небокрай.

Торчат, чернея, дымоходы,
как в небо перст.
День ото дня и год от года
неси свой крест.

И ждут почти что без надежды
бойцы приказ,
который, получив депешу,
комбат отдаст.

И потекут, прорвав барьеры, –
долгой тоску! –
Рекой стальной БТРы
по большаку.

Поддержат братьев батареи
стеной огня.
Победа воинов согреет
к исходу дня.

Рванёт на всю, героев встретив,
гармонь меха,
И расцветут улыбкой стрехи
разбитых хат.

2021

Татьяна СТОЛЯРОВА

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

ОГНЕУПОРЩИК

*Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие – как часовые.*

В. Высоцкий

Этот город даже не был Ему родным. Он появился на свет далеко отсюда, в Смоленской губернии. Но семья приехала сюда в голодные годы, и это семью спасло – здесь росла кукуруза. Он менял на станции Майорск мешки с початками на соду, мыло и другие необходимые вещи – помогал матери. Поэтому уважал эту землю и был ей благодарен.

А потом воевал за неё. Горел в танке. На спине до самой смерти сидел шрам от ожога.

– Папа, – спрашивала дочь. – Почему ты не рассказываешь о войне?

– А что я буду рассказывать? Как я в окопе с товарищем сижу, а он вдруг на меня валится, и я обнаруживаю, что у него головы нет? Или как я по трассе на танке еду, а на проводах человеческие кишки гроздьями висят? Ничего красивого на войне нет – грязь и кровь!

Позже Он встретил здесь свою судьбу. Лену, похожую на Любовь Орлову и посвятившую всю себя любви к мужу.

Работала она воспитателем в детском садике. Прорабатывала горы литературы – по детской психологии, развивающим играм... Но всё о ней может сказать эта история. Однажды Лену вызвала директор сада. Ненадолго, отсутствовала она не более десяти минут. С детьми оставалась няня. Детей нельзя оставлять одних, ни при каких обстоятельствах. По служебной инструкции и в соответствии со здравым смыслом.

Когда Лена вернулась, няни не было. Куда её унесло – хрен знает, но детки нашли себе занятие. Двое повисли на двери, ведущей в противоположную комнату, и катаются взад-вперёд. А одна девочка держится за косяк двери так, что закрывающаяся дверь вот-вот разломит её пальцы.

Лена, не раздумывая и не колеблясь ни секунды, летит через всю игровую комнату и единственное, что успевает – вставить в щель собственную руку.

Врачи еле собрали из осколков безымянный палец. От ампутации спасло обручальное кольцо, сплюснвшееся до очертаний скрепки. И потом палец был искривлён, и Лена носила обручалку на среднем.

Девочка осталась бы без кисти руки.

Он яростно учился, мучительно вспоминая школьную химию. Вообще-то раньше мечтал быть геологом. Но ведь металлургия и огнеупорная промышленность не так уж далеки от геологии?

Родители Лены помогли выжить.

Родились дети, сын и дочь. Он очень хотел, чтобы дети выучились.

А сам стал инженером-огнеупорщиком. В Донецке имелся филиал Всесоюзного Ленинградского института огнеупоров – тогда ещё был не Санкт-Петербург, а Ленинград. Пришлось ездить по всему Союзу с опытными партиями изделий. Огнеупоры нужны на каждом метал-

лургическом заводе – такова специфика промышленности. На донецкий адрес приходили неподъёмные посылки с керамикой и силикатами.

– Папа, что тут? – важно спрашивала дочь, указывая пальчиком на очередную посылку, отправленную начальником со смешной фамилией Материкин. – Пробки, трубки или стаканы? Опять Материкин прислал?

Дочка визжала от восторга, когда Он возвращался домой из бесчисленных командировок. Привозил всегда что-то радостное – миниатюрные ёлочные игрушки... Яркие апельсины в сетке... Московские бублики – нигде таких не пекли! Орехи из Молдавии и арахис из Казахстана!

– Папа, папа приехал!

И всегда к Новому году успевал достать ёлку, как бы трудно это ни было! Дочь сидела под ёлкой, жевала иголки – ей это безумно нравилось – и сочиняла сказки, персонажами которых были игрушки, привезенные папой.

А книжки, которые Он тащил через всю страну – отдельная история!

– Так, русские народные сказки... Братья Гримм... Греческие мифы! Французские легенды!

Сын вырос и высшего образования не захотел. Просто работал токарем, хотя много читал, очень любил кино и обладал недюжинной эрудицией. Дочь выросла и училась как проклятая, потому что вбила себе в голову, что сделает большое открытие в генетике. Ну и хорошо. Пусть делает. Он и сам мечтал о многом в своё время. Хотел построить подводную лодку и плавать, как капитан Немо. Открыть таинственный остров, как капитан Грант. Летать на другие планеты, как капитан Бартон...

Ну, Бог с ними, с капитанами. Он делал кирпичи, стаканы и трубки. Для донецкой металлургии.

На пенсию долго не уходил, потому что не знал, как обходиться без работы. Потом, когда всё же вышел, говорил: «Ремонт меня спас. Иначе не смог бы».

А когда умер, шли уже девяностые. Бывало, что и болтушку из муки с Леной ели. Дочка, оказавшаяся по распределению вместо исследовательского института в школе посёлка Зайцево, подбрасывала картошки. Но гордые родители помощь не приветствовали – это мы, дескать, должны детям помогать, а не они нам!

Он сидел за столом на кухне и смотрел в окно. И вдруг сказал:

– Это всё из Космоса...

И повалился набок.

Дочка в этот момент спала, в свой выходной отсыпалась. И снилось ей, что на пороге папа, приехал, как когда-то из Ленинграда, с полной сеткой оранжевых апельсинов!

– Папа, папа приехал!

Под Его гроб жена постелила лучшее покрывало. То, которое на диване лежало лишь по большим праздникам. Она бы и сама в этот гроб легла, если бы могла. И ушла в себя на долгих одиннадцать лет – столько ей суждено было прожить без Него...

А Он не ушёл, оказывается. Чувствовал – что-то не так, что-то незревает, уходить нельзя! Придётся помочь детям, они здесь остались, и не только они!

На Щегловке скучно и пусто. Не лучшее кладбище, но на тот момент выбора не было. Участок со свежими могилами, ещё не обсаженный деревьями. Со склона церковь Макеевскую видно.

Ждал Он Лену и дождался. Лежали они рядом, как и хотели. Дети выполнили её просьбу – положить в гроб Его письма. Которые Он ещё со сверхсрочной службы ей писал.

А вот и началось. Со Щегловки было слышно сразу же. Аэропорт недалеко... Дочь ехала с работы и увидела столб дыма над аэропортом.

Через два месяца она шла по бульвару Пушкина. Когда-то отец Лены, главный инженер службы зданий и сооружений Донецкой железной дороги, проектировал этот участок бульвара и зданий. Когда-то мамыны родители там и жили. А сейчас бульвар пуст, хоть криком кричи. Витрины магазинов закрыты щитами. Она шла оплатить интернет – в компании «Матрикс», едва ли не единственной, которая не сбежала из Донецка.

– Тюк-тюк...тюк-тюк... – стучали её каблуки по пустому бульвару. Эхо било в голову. Отзывались лишь далёкие разрывы – что там происходит? – А кто ж его знает...

«Как же ей страшно», – подумал Он. Помочь им, во что бы то ни стало!

Ей и было страшно. Всё валилось из рук. Не хотелось ни готовить, ни убирать. Она часами сидела на полу в спальне и смотрела на библиотеку, которую начал собирать отец, а она подхватила. Когда книги стали доступны, покупала с жадностью, не жалея денег. Сейчас здесь было около четырёх тысяч томов.

Дом могут разбомбить. Книги сгорят.

Её вводили в ступор два факта. Во-первых, значит, государство может вот так просто решить убить часть своих граждан, пригнать войска и начать стрелять по городам? И никому за это ничего не будет? Так можно?

А во-вторых, те кумиры, которых эти люди любили, на концерты которых стремились попасть, фильмы с участием которых обожали, тоже почему-то решили, что их надо убивать. Макаревич давал концерт перед украинскими солдатами, а в подвале соседнего здания сидели избитые, измученные ополченцы. Наверное, им было слышно.

А когда-то они всем классом писали в «Комсомолку» письмо. В защиту «Машины времени». После разгромной статьи «Рагу из синей птицы».

Донбасс должен выстоять в огне. Здесь огнеупорные люди как живые, так и уже умершие!

Поднять всех. Всех, кто может помочь.

Вначале к тем, кто работал на Донецком металлургическом заводе. Лежат они не так уж далеко. Тут же, Щегловка. Или Мушкетово.

– Папа, пойдём бабочек ловить?

В посадке, по дороге на кладбище, где похоронены бабушка с дедом, летали самые красивые бабочки. А ещё там падали жёлуди с дубков, гладкие, как полированные! И вдоль железнодорожной насыпи почему-то были насыпаны ракушки – откуда их привозили, почему именно морские ракушки? Так весело было их собирать!

Ещё запомнилось, как после весенней прогулки несли с мамой букет цветов абрикоса. Абрикосов сажали много, летом многие даже варили из них повидло, хотя чаще всего плодики были жилистыми – дички! Но сколько радости доставили тогда эти цветы!

– Привет, Андреич, сто лет не виделись! Ты когда... того... тоись?

– Давно, Михалыч, давно... Что думаешь?

Этот старик был похоронен на «Красной звезде». Хороший старичок, бывший партизан. После войны проработал на заводе до самой пенсии.

Дочь Он как-то привёл – показать цех. Внутрь, конечно, не пустил. В невыносимой жаре более пятидесяти градусов могли находиться лишь привычные ко всему, огнестойкие плавильщики. Но слябинг был открыт, и хорошо было видно, как поток, сияющий огненной радугой, медленно застывает и превращается в аккуратный брусок.

Михалыч однажды спас весь цех. От взрыва. Однажды туда приволокли вагон металлолома.

А у старого партизана глаз-алмаз!

– Стойте, ребята! Стойте, нельзя это в печь! – заголосил он, бросаясь наперерез вагону.

Оказалось, среди металлолома лежит мина. Врежён Великой Отечественной. Неразорвавшаяся.

Разворотило бы всю печь. Как бы не весь цех.

Как только старичок её углядел?

– Что делать будем, Михалыч?

– Как что? Стоять! Насмерть!

И удалился. В сторону мемориала павшим воинам «Живые – бессмертным». Где ж ещё витать духам защитников завода?

А теперь доломить. Без них огнеупорщикам никак.

Да, Никитовский завод давно не работал. Мало того – сейчас там стояли «воины света».

Сюда Он когда-то приезжал за опытными партиями изделий. А потом дочь какое-то время работала в школе, где учились дети рабочих.

Посёлок Зайцево... Скоро его практически сравняют с землёй. Интернет обойдут многочисленные фото разрушенной школы. На одной такой фотографии виден учебный плакатик из кабинета химии и биологии – «Эвгена зелёная»... Эвгена – на полуразрушенной стене... Ученики дочери рисовали. Памятник воинам-освободителям во дворе школы покроется шрамами от многочисленных осколков, но выстоит.

Пострадает и мемориал за речкой Бахмутом, где каждый год ко Дню освобождения Донбасса проходили торжественные линейки...

Вышла старушка Вера Терентьевна.

– Всю жизнь тут отпахала, – проворчала она. – Вот уж не думала, что снова воевать придётся!

Бабушка обожала свой огород и внуков, тоже когда-то учившихся в школе, от которой теперь осталась бетонная коробка.

– Что делать будем?

– Стоять! Насмерть! Нам-то уж всё равно! Не волнуйся, Андреич, я всех соберу!

А впереди было очень значимое... Едва ли не главное.

Саур-Могилы.

Как мало холмов в Донецкой степи! Она, конечно, не ровная, как столешница. Скорее, волнообразная. Курганы ещё иногда попадаются. Возможно, под ними спят скифские воины. Иногда археологи находят рядом с останками – не золото, нет. Мечи, наконечники стрел. Посуду. Бусы. Под Макеевкой даже обнаружили могилу жрицы – или ведуньи? У неё было бронзовое полированное зеркало. Огромная по тем временам редкость. Наверное, хозяйка предсказывала будущее. Что видела она в том зеркале, что могла предугадать?

Вряд ли это были наши предки. Племена кочевые, прошли и ушли. Но, может быть, они всё же считали своими земли, по которым кочевали?

А Саур-Могила гордо возвышается над равниной. Она здесь – царица. Ключ от Донбасса.

И хоть основной обелиск мемориального комплекса отливали в Киеве, по проекту киевских же архитекторов, пилоны и горельефы, изображающие реальных героев – артиллеристов, пехотинцев, танкистов, изготовили всё же здесь, на родине. На Макеевском трубно-механическом заводе. Из железобетона и гранита. То есть – тоже огнеупорные!

И лежат под мемориалом две сотни неизвестных воинов. Прорвавшие оборону Миус-фронта и овладевшие высотой. Положившие начало освобождению Донбасса. Сто тридцать два были захоронены после войны. Останки ещё восьмидесяти найдут уже после разрушения комплекса.

– Мы встанем, – отвечали они. – Встанем снова. Насмерть. А как иначе?

– И мы встанем, – раздалась другие голоса. И ещё... и ещё...

– А про нас забыли?

Это услышали про беду воины, павшие в битве на Калке. И пришли из дальней тьмы.

– А мене чи візьмете? Чи прокленете?

– А это кто ещё?

– Та Сава ж я, казак, тезка Могили нашої. А це брат мій, Леонтій. Ми звідси татар відганяли! А тепер...

– Что ж, Сава, братья-то твои творят? Казаки запорожские?

– Та які ж то запорожці, тьху на них! Коли ж то запорожці на своїх йшли?

С каким восторгом читали мы когда-то про подвиги казаков! И гордились братством украинского и российского казачества.

Оказалось, мы – не братья. А когда-то на тот же мемориал вместе и средства собирали, и проектировали его.

Ну, если уж и Сава...

Да и не только Сава. В темноте замелькали уж вовсе немислимые тени.

Скифы! Скифы всё же пришли! И ведунья стоит впереди всех с зеркалом в руках. Наша ведь, макеевская.

– Мы в убежище пошли! – кричал в это время Его сын сестре по телефону. – Гладковку бомбят!

Из трубки выло и грохотало.

– Ой, Сашенька, иди скорее!

В те дни серьёзно пострадает Краеведческий музей. Обрушится крыша левого крыла, повредив чучело мамонта. Погибнут многие экспонаты. Чудом выживет Рыжий – кот, общий любимец, и с тех пор будет носить под шкурой осколки, которые ветеринары побоятся удалять.

Кота-то за что? Сепаратист?

И хотя переходила высота несколько раз из рук в руки, но ополченцы пошли вперёд. И закрепились окончательно. Как мало их осталось после многочасового боя! А они, пользуясь чудом сохранившейся мобильной связью, вызывали и вызывали огонь на себя. Чтобы не дать врагу подняться по склону. Иногда и не разобрать было, чьи снаряды рядом ложатся – свои или вражеские.

Но мелькали рядом тени и отводили снаряды от воинов. Сколько могли. Насколько хватало их призрачных сил. Падали гранитные плиты, крошился железобетон, а люди стояли. И продолжали призывать огонь.

Неожиданно пришлось павшим столкнуться ещё с одной напастью. Рядом с осаждавшими высоту замелькали совсем другие тени – чёрные,

липкие. Потому что эта земля хранила кости не только защитников, но и захватчиков. Тех, кто пришёл, неся смерть и злобу, и остался гнить в забвении.

Вылез из могилы фашизм, протянул свои жадные щупальца в умы и души. Долго ждал и дождался...

Пришлось призрачному воинству отвлекаться, отбивая атаки чёрных теней. Правда, сил у тех было не так много – слишком уж прогнившими оказались эти души.

И Он не отставал. Где-то рядом душа Лены истекала слезами. Опять, опять война! Которую Он ненавидел. И верил, что она не вернётся на эту землю.

Вернулась. Не добились гадину. Снова окопы, снаряды и рваные куски тел человеческих...

Прилетал штурмовик, навредить успел, но был ослеплён ведуньиным зеркалом, развернулся, ушёл и был сбит под Макеевкой. В верном направлении отправила.

Потом ополченцы будут рассказывать журналистам о том, как мелькали рядом с ними непонятные отблески, дым свивался в странные фигуры. Наверное, чудилось среди непрерывных вспышек и взрывов. Или не чудилось?

А когда, наконец, все атаки были отбиты, и дымное облако рассеялось, с вершины стало видно море. Наше, Азовское, родное!

Дочка мечтала о море, хотела когда-нибудь увидеть океан. Но в детстве и Азовское море выглядит океаном, а счастья уж точно приносит не меньше. Ракушки, уже не с железнодорожной насыпи, а из самого моря. Разноцветные камушки, некоторые волшебные, с дырочками. Тёплая вода, в которой можно сидеть сколько угодно, и не простудишься. Волны, на которых можно прыгать, как на батуте. Ямка с голубой глиной, про которую говорят, что она помогает при болезнях суставов. Вот сколько чудес!

А взяв Саур-Могилу, на побережье вышли очень быстро. Да, потеряли его значительную часть. Но хотя бы Новоазовск наш, хотя бы Седово!

Он потом очень жалел, что не попал в Мариуполь, не поднял своих и там. Ведь сколько раз был и на Азовстали, и на заводе имени Ильича!

Не надо было останавливаться тогда... Но уж очень больно резануло.

На линии пересечения возле Волновахи тётка, предлагающая комнаты для коротающих ночь в очереди, громко заявила:

– Только и жить стали, как эта война пришла! Хоть бы длилась по дольше! Дай Бог здоровья тому, кто её начал!

Какой, интересно, Бог у этой тётки? Видела ли она хоть раз дом, развороченный снарядами? Или детей, сутками не вылезающих на солнечный свет, потому что надо прятаться в подвале от обстрелов? Слышала ли вой матери, откапывающей из-под развалин тело собственного ребёнка?

Наверное, нет. Потому что наши снаряды в сторону жилых домов не летают.

Не все, значит, у нас огнеупорные. Есть и те, чей уровень – корыто. И всё равно, кто в него наливает сытные помои, замешанные на чьей-то крови.

Дочери довелось как-то беседовать с группой психологов, оказывавших помощь детям из Широкино – когда там ещё кто-то жил. Потом в посёлке то менялась власть, то он оказывался в серой зоне, пока не опустел окончательно. Узнала много интересного. Например, о сущности человеческой.

Психологи организовывали игры с детьми, пытаясь как-то снять стрессовые состояния. И заметили, что одну девочку в игру не берут. Не хотят.

Стали выяснять, в чём же дело. Выяснили.

– А почему в наши дома попали, а у неё целый?

В качестве тестового задания детям раздавали картинки с силуэтом человека. Как раз после того, как посёлок в очередной раз перешёл от украинцев к ополченцам. Нужно было закрасить силуэт в цвета, символизирующие чувства, которые этот человек вызывает. Образцы цветов были приведены тут же. Но один из мальчиков даже не посмотрел на них. Он просто взял чёрный карандаш и заштриховал всего человека.

– А почему ты так сделал?

– Он плохой. Он у меня забрал.

– Что забрал?

– Я не помню...

То есть «воины света» попросту вынесли из домов всё стоящее. Какая-то вещь была так дорога мальчику, что психика вытеснила память о ней. Чтобы не сойти с ума от потери.

И в Иловайском котле, и в Дебальцевском души витали над битвой. И враг замирал в ужасе, внезапно увидев перед собой обнажённого по пояс скифа с копьём. Или красноармейца с пятиконечной звездой на головном уборе.

Краматорск, Константиновка, Славянск остались «на той стороне». Ситуация вначале затормозилась. Потом была заморожена. Но души никуда не ушли. Они ждут, когда и где понадобится их помощь.

Потому что Донбасс не может быть расколот. Не может он быть и отделён от России. Именно на Константиновском заводе «Стройстекло» было сварено рубиновое стекло для кремлёвских звёзд. Оно выдерживает ветер и мороз, дождь и снег; выдержало и перестройку, и раскол Союза. Выдержит, что бы ни случилось. Наверное, тоже сверхпрочное, как всё донбасское.

Донбасс – сердце России.

Пока Донбасс стоит – и России быть.

Наши предки позаботятся.

И Огнеупорщик тоже здесь.

А потом пришёл сын.

– Вот, па... И я уже здесь. Помогу, чем смогу.

– Да что ж ты так рано?!

– Получилось так, извини. Тромб.

– Как же она там одна?

– Ничего, справится. Я ей звонить буду!

– Сашенька, Сашенька! – кричала его дочь. – Это ты?! Сашенька!

– Танька, ты что психуешь! Не смей! Сегодня тринадцатое ноября! Каждый год в этот день будешь мне рассказывать, что сделала за год!

– Саша, ну а ты там как?..

Заминка.

– Ну... место хорошее...

– Место хорошее, а тебе-то как там?!

– Хотел бы я тебя видеть рядом... но тебе сюда не надо!
– Сашенька, я понимаю, что мне туда не надо... Но вот ты там, уже всё знаешь. Скажи, что будет?

Щелчок в трубке.

Женский голос.

– Вы там с ума сошли, что ли! Мы только по одной минуте разговаривать разрешаем! Он вам ничего больше не скажет!

– Девушка... девушка, я понимаю, что Вы – Ангел. Но раз мы уже с Вами говорим... Папе... папе привет передайте! Только не забудьте! Пожалуйста!

Вячеслав ТЕРКУЛОВ

г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Снова о дожде

И снова в Донецке танцует по улицам дождь.
Начало положено: март, перекрёсток, машины.
И свет фонарей, и как будто кружит балерина
Свои фуэте по бульвару, а твой макинтош –

Твой плащ набирается силы весенних дождей.
Ты снова включаешь свой вечер настольною лампой
И смотришь на мир незатейливым Форрестом Гампом,
И мир отвечает заботой обычной своей.

И жизнь не кончается, благодаренье дождю,
В застывшем на время прощёном твоём воскресенье.
Звенит колокольня в дожде её первом весеннем.
И радуется взор балерина батманом тандю.

Да, ты, безусловно, ещё в закулисы не вхож,
Ты просто предчувствуешь новое счастье балета,
Ты целую зиму мечтал вождеденно об этом,
И в этой донецкой премьере за окнами дождь.

Я закурю. Закончится война,
По улицам пройдут войска, и ночью
Все также будет виден из окна
Весь этот мир, усталый и порочный.
Соседский заиграет патефон
Какую-то мелодию из детства.
И всё пройдёт, как марево, как сон,
Без осязуемых смыслов и последствий.
Я закурю. Бессонный интернет
В компьютере запомнит всё, что нужно,
И всё, что нужно, он сведёт на нет,
Оставив только то, что равнодушно
Признает верным. Кончится война.
Закончатся слова и недомолвки,
Но как обычно виден из окна
Ночной туман. Пустынной остановкой
Ночной троллейбус брезгует. Звенят
Под напряженьем голые троллеи,
А небо завершает звездопад,
Погасших звёзд ни капли не жалея.
Я закурю. В предвосхищенье сна
Я закурю, усталый и голодный.
Ну что ещё? Закончилась война.
И город спит всемирно, всенародно.

В Донецке дождь

В Донецке дождь – плащи, дождевики,
Беспрецедентных зонтиков стихия:
Штрихованные улицы хмельные –
Гравюрами неопытной руки

Троллейбусы, маршрутные такси...
Прохожие в переплетенье улиц
Бегут к машинам, под дождём сутулясь,
Сжимая мелочь нужную в горсти.

Дождь без труда нарисовал Собор,
Рисует нищих по дороге к рынку,
Цветочных будок пёстрые картинки
И чей-то торопливый разговор.

Дождь по проспекту движется к реке,
В ней ощущая родственную душу,
Дождь многолик, исполнен всякой чуши –
Он протестант, безбожник, саддукей.

А ты так юн, тебе семнадцать лет,
Ты только что вернулся из Алушты,
И дождь пошёл легко, великодушно,
Вплетаясь в дым отцовских сигарет.

Откроешь форточку, чтоб подышать грозой
И ощутить дождя солёный привкус,
И осознать, что жизнь не получилась,
И посмеяться над самим собой.

А дождь стучит морзянкою морской
О кораблях, финвалах и касатках,
О странных снах, придуманных украдкой,
О безуспешной жизни городской.

И запах кофе, сдобы аромат,
И улица Артема за окошком...
И нежный лепет как бы понарошку,
Пока не слышен грохот канонад.

День отшумит, день превратится в ночь,
Погаснет свет и силуэты в окнах...
И запах роз, и дождь пришёл с востока.
Ты выйдешь из дому, куда-нибудь зайдёшь.

И в этот миг ты многое поймёшь.
Повесив плащ, промокший церемонно,
Ты повторишь кому-то тихо, сонно:
Есть город, есть Донецк, в Донецке – дождь.

А у нас тут Донецк

А у нас тут Донецк, полдесятого, август, пора
Выходить на балкон для последней ночной сигареты.
Недописанный текст полушёпотом ищет слова
Для грядущего утра, и весь в ожиданье ответов
На вопросы, которые были поставлены вскользь.
А у нас тут Донецк в обрамленье бульваров бессонных,
Зацелованных пар, и почти что мифических роз,
И заброшенных шахт, и незримых ночных терриконов.
А у нас тут Донецк, ощутимый в дыханье твоём,
В твоих тёплых губах, в расстояниях и расставаньях.
Этот город уставший и этой реки монохром
Одеваются осени пёстрой обыденной тканью.
А у нас тут Донецк, сохраняющий детство моё
В ощутимой на кончиках губ еле слышимой речи.
Ничего не понятно, и Бог с ним, мы переживём,
А у нас тут Донецк, и от этого, кажется, легче.

Донецк

Просёлочная боль – осколочная боль
Реки,
несущей кровь
моим заводам,
В непрожитом году порождена тобой
Жизнь города и моего народа.

Мой город, мой Донецк (четырнадцатый год),
Пустынный
и измученно красивый,
Я помню о тебе: во мне ещё живёт
Твоих дворов истерзанная сила,

Твой трепет тополей под грохот вдалеке,
Под вой сирен и брошенность молчанья.
Мой город, я тебе гадаю по руке,
Промокнув под донецкими дождями.

Я нагадаю всё: я нагадаю мир,
Я нагадаю улиц многословье,
Вечерний полумрак неброшенных квартир,
Наполненных безудержной любовью.

Я нагадаю дождь, я нагадаю снег,
Покой беззвучных городских бульваров,
Я нагадаю грусть, я нагадаю смех,
Театра площадей репертуары...

И будет жизнь идти, как часики идут,
В секундах растворяя бесконечность...
Ты Родина моя, мой истинный уют,
Моя судьба – нагаданная вечность...

Дождливое утро и море сонное,
И жизнь, проживаемая
Кое-как...
Какая там, к чёрту, твоя Барселона?
Судак...

Извечная мука летнего пляжа:
Встречать привезённые города.
Я сонный, небритый, мне кажется даже,
Что я таким же буду всегда.

Прохладной воде отдавая сердце,
Предчувствую музыку первооснов:
Последнего дня мимолётное скерцо
Важнее значительно тысячи слов.

Я завтра уеду, пойду по следу
Ушедших ранее. В пух и прах
Мои войска разгромило лето.
В оставленных мной городах

Под гулкий топот отрядов конных
Погибнет взлелеянный мною юнец.
Какая там, к черту, твоя Барселона?
Донецк.

Мой дождь идёт над городом моим,
над Крытым рынком, над ночным бульваром,
Над площадью... Моим влюблённым парам
Не страшен Рим, как и не страшен Крым.
Судьба моя туманна и страшна,
Сто лет прожив в несочинённых книгах,
Я жизнь служил, барахтаясь в интригах,
Но это, право, не моя вина.
А дождь идёт, смывая все следы,
Стучась в окно, как путник запоздалый,
Сегодня ночь в своих делах усталых
Забылась в обрамленье суеты,
Не зная ничего о том, что днём
Горел мой город медленной свечой,
горел мой рынок и мои проспекты,
мой город, измождённый и раздетый,
Горел, горел свечой за упокой.
А я лежу, не глядя в потолок,
Считаю протяжённые минуты...
Горит мой город, дождь идёт, как будто
Свеча горит, и это видит Бог.

Литературная хроника

Июнь

Тюменская делегация приняла участие в Международном книжном фестивале на Красной площади Москвы. С презентациями своих книг перед московскими читателями и гостями столицы выступили Почётный гражданин Тюменской области Анатолий Омельчук, известные прозаики Сергей Козлов и Леонид Иванов.

В Ишиме наградили победителей Международного литературного конкурса им. П.П.Ершова.

В этом году литературной премии им. П.П.Ершова удостоены москвич Владимир Дмитриев за книгу «Гроза двенадцатого года» о войне 1812 года, тюменская поэтесса Антонина Маркова за повесть «Томка» о детях Великой Отечественной войны. Лауреатом стала также детский писатель из Москвы Светлана Вьюгина с книгой рассказов «Сибирский валенок». Ирина Дружаева из Городца Нижегородской области с книжкой «Хозяйка Спасского озера. Заволжские сказки».

Игорь Сенников из Москвы поведал о командоре Витусе Беринге и Великой Северной экспедиции 1733–1743 годов в книге «К неведомым берегам двух океанов». Виктор Лунин сделал прекрасный перевод малоизвестного у нас английского классика французского происхождения Де Ла Мэра «Песня сна».

Ещё одним лауреатом стал Зульфат Хаким из Казани за «Легенды Туган Батыра».

В Московской арктической библиотеке прошла встреча читателей с тюменскими писателями.

Певец Арктики Анатолий Омельчук два десятка лет жил в городе на Полярном круге – Салехарде. На Полярном круге родились его дети, и даже работая на юге области, Омельчук не расставался с Севером, постоянно летал в командировки. Большая часть из его 55 книг посвящена именно Северу. Заполярью.

Леонид Иванов в Сибири оказался случайно. Но с Заполярьем был знаком ещё по службе в армии на Кольском полуострове. Да и работая главным редактором Тюменского телевидения, а затем корреспондентом газеты «Труд», немало поездил по северным территориям, побывал в со-рока с лишним странах.

Это уже не первая встреча сибирских писателей с московскими читателями.

Июль

Шестичасовой литературный марафон прошёл в Тюмени в День города. Он стал ежегодным и называется Пикник книг. Помимо выступлений писателей в огромном шатре, спасающем от солнца и непогоды, тут же – на одной из площадей в центре областной столицы была развёрнута и торговля литературой, где в палаточных павильонах разместили свою продукцию магазины и издательства. В этом году участие приняло даже одно известное издательство из Москвы.

Сквозная тема Фестиваля – «Город в книге. Книга в городе» – находит отражение на каждой из шести площадок: «Литературный павильон», «Мастерская читателя» и «Лавка тюменского писателя», «Книжная ярмарка» и «Кабинет краеведа», «Литературный дворик».

Август

В режиме видеоконференции состоялась встреча тюменских и луганских писателей. Руководитель Тюменского регионального отделения Союза писателей России Леонид Иванов рассказал, что в очередном номере литературно-художественного альманаха «Врата Сибири» 40 страниц выделено для писателей Донецка. Такую же подборку он предложил подготовить и луганским авторам. Также тюменцы предложили одну из Литературных страниц, что выходят два раза в месяц в газете «Тюменская область сегодня», посвятить творчеству краснодонских поэтов.

Краснодонские литераторы подчеркнули необходимость говорить откровенно о происходящем на Донбассе и многочисленных жертвах ВСУ, чтобы будущие поколения знали правду о массовой трагедии народа, который не захотел подчиняться фашистскому режиму современной Украины.

А на дальнейшую перспективу литераторы договорились обменяться писательскими десантами.

Сентябрь

В Тобольске создано отделение Совета молодых литераторов.

Отделение СМЛ, базой для работы которого стала научная библиотека историко-архитектурного музея-заповедника, возглавила прекрасный педагог и организатор, автор рассказов и стихов Марина Никогосян.

После торжественного открытия отделения СМЛ, в который вошли старшекласники и студенты Тобольска, началась работа «Круглого стола» на тему: ««Развитие литературы в малых городах» с участием руководителя СМЛ СПР, российского прозаика, литературного критика Андрея Тимофеева, руководителя Бельмасовского фестиваля, кузбасского поэта Дмитрия Филипенко, поэта и прозаика Татьяны Солодовой.

Второй день работы был посвящён творческой учёбе. Занятия с молодыми литераторами вёл поэт Дмитрий Филипенко.

В древней столице Сибири Тобольске прошёл книжный фестиваль в рамках федеральной программы «Книги в городе».

В рамках фестиваля сибирских историй «Книги в городе. Тобольск» прошли десятки мастер-классов с участием известных московских издателей и писателей. Впервые в программу были включены и тюменские авторы. Автор более 50 книг документальной прозы, Почётный гражданин Тюменской области Анатолий Омельчук представил книгу «Россия начинается с Восхода: размышление азиата в первом поколении».

Руководитель регионального отделения СПР, прозаик Леонид Иванов, произведения которого выходили в свет в издательстве «Вече» в серии «Сибиряда», презентовал для тоболяков и гостей города литературно-художественный и историко-краеведческий альманах «Врата Сибири».

Октябрь

В Тюмени прошла встреча главы города с тюменскими писателями.

По ходу беседы были подняты возможности оплаты выступлений писателей в библиотеках, возрождения единственного в городе журнала «ЛиК» – (литература и краеведение), вопросов сотрудничества писателей с учреждениями образования и молодёжных центров. Принято также решение об учреждении литературной премии «Человек труда», детали этого проекта предложено обсудить в рабочем порядке.

Участники встречи назвали её конструктивной и своевременной. Поднятые вопросы Руслан Кухарук взял под свой личный контроль.

На прошедших в Тюмени XXII Филофеевских чтениях митрополит Тобольский и Тюменский Димитрий вручил награды победителям очередного Филофеевского конкурса духовно-нравственной литературы. В этом году снова участие в нём принимали писатели практически со всей России.

Первое место, впервые за время конкурса, получил тюменский писатель Аркадий Захаров. Председатель жюри конкурса, владыка Димитрий, вручил ему премию, диплом, медаль Филофея Лешинского I степени и памятный подарок. Медали и памятного подарка удостоены лауреаты премии Ирина Ордынская и Василий Киляков из Москвы, а также Андрей Новиков из Липецка. Несколько писателей из разных городов России удостоены Архиерейской Грамоты за высокохудожественные произведения духовно-нравственного содержания.

В литературно-краеведческом центре прошло общее отчётно-выборное собрание Тюменского регионального отделения Союза писателей России.

В четвёртый раз подряд Председателем Правления избран Леонид Иванов. В Правление также вошли Антонина Маркова, Юлия Елина, Сергей Козлов и Ирина Катова (Андреева).

Ноябрь

В областной научной библиотеке им. Д.И.Менделеева состоялось торжественное награждение победителей очередного Межрегионального конкурса «Книга года».

Книгой года эксперты и члены жюри назвали прекрасно иллюстрированный графический роман номинанта Нобелевской премии Анны Неркаги с Ямала «Анико из рода Ного».

В числе лучших названы также книги Михаила Федосеевского, Андрея Маркиянова, Анатолия Омельчука, Сергея Козлова и сборник статей и очерков о писателях «Имена и книги» (составитель Леонид Иванов).

Коротко об авторах

АКИМОВА (ЧЕТВЕРИК) Вита Анатольевна. Родилась в 1986 году в украинском городе Нежин. В Надыме с двух лет. Заочно окончила Московский психолого-социальный институт. Работала корреспондентом в городской газете «Рабочий Надыма». Участница Всероссийского совещания молодых писателей в городе Каменск-Уральск в 2015 году. Стихи публиковались в четвёртом и пятом выпусках надымского альманаха «Окно на Север», в тюменском альманахе «Врата Сибири», в Антологии ямальской литературы, в журнале «Северяне» и других СМИ. Лауреат литературного конкурса на премию губернатора ЯНАО в номинации «Дебют» в 2017 году.

АНДРЕЕВ Андрей Владиславович. Сторож, дворник, грузчик, продавец, менеджер по рекламе... Сам про себя Андрей Андреев говорит: «Кем я только ни работал!» Окончил Тюменский индустриальный институт и сразу начал работать в бизнесе. Много лет возглавляет сеть магазинов «Молоток». Увлекается путешествиями, о своей поездке с другом по Америке написал книгу очерков. Пробует свои силы в прозе. Живёт в Тюмени.

АНАШКИН Эдуард Константинович. Член Союза писателей России, прозаик и эссеист, литературный критик. Родился в 1946 году в Читинской области. Автор книг «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплет», «Под крылом Пегаса», вышедших в Самаре и Москве. Лауреат Самарской региональной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат Всероссийской премии «Имперская культура». Живет в Самарской области.

ЗАХАРОВ Аркадий Петрович (псевдоним Иван Разбойников, 27 июня 1944, г. Нижневартовск) – писатель.

Работать начал с 15 лет рабочим гальвано-штамповочного завода (1959). Окончил Тюменский лесотехникум по специальности «техник-механик», в 1972 году окончил заочно факультет трудового и гражданского права в Высшей школе профсоюзного движения в г. Москве. Позднее, в 2001 году, Аркадий Петрович окончил Уральский политехнический институт по специальности инженер-экономист. Работал в городских учреждениях Тюмени.

Лауреат Литературной премии Уральского федерального округа. В 2018 году награжден медалью имени Акинфия Демидова. Награжден золотой медалью «Василий Шукшин» (2019). Член Союза писателей России (1999). Живет в Тюмени.

ЗУЕВА Тамара Трофимовна. Автор трёх поэм, новелл в стихах, пяти поэтических сборников. Сотрудничает с молодыми поэтами Республики Дагестан. Стихи – подстрочные переводы с аварского языка печатаются в региональных альманахах, в СМИ Республики Дагестан. Тамара Зуева публикуется в коллективных сборниках проекта «Библиотека современной поэзии», в региональных альманахах. Образование высшее. Живёт в Нижневартовске. Член Союза писателей России.

КАПИТАНОВА Елена Сергеевна. Родилась в селе Цингалы Ханты-Мансийского района. По первому образованию журналист, по второму –

библиотекарь, Елена занимается рекламой городских библиотек, работает в отделе по связям с общественностью. Активная участница литературного объединения «Югорские ваганты». В этом году выпустила совместный сборник стихотворений «НасТРОЕНИЕ» с Анастасией Сенькиной и Павлом Черкашиным, а также стала инициатором выпуска коллективного сборника стихов и прозы авторов-девушек из Ханты-Мансийска «Матрёшки online».

КОЗЛОВ Сергей Сергеевич. Окончил Тюменскую среднюю школу №25 и музыкальную №1, служил в армии, окончил Тюменский госуниверситет, работал учителем истории в средней школе №40 г., директором средней школы в пос. Горноправдинск Ханты-Мансийского района, преподавал на кафедре журналистики Югорского государственного университета (доцент). С 2008 по 2010 г. – главный редактор окружной общественно-политической газеты «Новости Югры». С 2011 г. был депутатом Тюменской областной Думы. Автор двух десятков художественных книг, некоторые переведены на сербский, греческий, болгарский и азербайджанский языки. Лауреат международных и всероссийских конкурсов. В 2022 году получил звание Почетный работник культуры и искусства Тюменской области. Живет в Тюмени.

КОРОТАЕВА Алла Анатольевна. Родилась в городе Умань, Украина. С 1975 года проживает в России, на данный момент в городе Тюмень. Образование экономическое. В настоящее время пенсионер. Ветеран труда. В 2021 году участник Шоу-Кейса тюменских театров как автор, режиссёр и исполнитель с проектом, отмеченным экспертами и вошедшим в репертуар МТЦ «Космос». В настоящее время принимает участие в театральных и околотеатральных проектах.

Стихотворные строки стали приходить в зрелом возрасте.

Первые печатные публикации с конца 2020 года на портале stihi.ru
<https://stihi.ru/avtor/collomon>

В 2023 году выходит сборник стихотворений «Я+ТЫ=ВОЗМОЖНО...»

КРЮКОВА Елена Николаевна. Родилась в Самаре. Прозаик, поэт. Член Союза писателей России. Окончила Московскую консерваторию и Литературный институт им. А.М. Горького. Автор книг стихов и прозы (стихи: «Колокол», «Купол», «Сотворение мира», «Зеркало», «Ледоход», «Океан», «Колизей», «Реквием», «Знак огня»; романы: «Юродивая», «Царские врата», «Пистолет», «Врата смерти», «Ярмарка», «Dia de los muertos», «Тибетское Евангелие», «Русский Париж», «Старые фотографии», «Беллона», «Рай», «Безумие», «Солдат и Царь», «Евразия», «Побег», «Земля», книга рассказов «Поклонение Луне» и другие книги). Живет в Нижнем Новгороде.

МАНАЕВА Галина Петровна. Родилась в районном центре Нижняя Тавда Тюменской области. Окончила Уральский государственный университет имени А.М. Горького, факультет журналистики. Член Союза журналистов России, Союза русских писателей Восточного Крыма. Основатель и редактор ряда региональных изданий. Автор многочисленных публикаций, исследований в научных, литературно-художественных, краеведческих изданиях Крыма, Тюмени, Одессы, Приднестровья. Дипломант XII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь – 2021».

Автор книг «Жизнь как многообразие опыта» (2016), «Феодосия Серебряного века» (2017). Награждена общественной медалью РФ «За заслуги в культуре и искусстве», почетными грамотами, благодарственными письмами ведомственных организаций и профессиональных творческих союзов.

МОЛДОВАНОВ Владимир Валентинович. Родился в 1965 г. в с. Усалка Ярковского района Тюменской области.

Окончил Тюменский сельскохозяйственный институт (1989), Тюменский государственный университет (2002).

Первые стихи написал в 1990 году. В 2019 году, после 29-летнего перерыва, возобновил литературную деятельность.

В 2021-2023 годах отдельные стихи (как для взрослой, так и для детской аудитории) вошли в поэтические сборники разных издательств, публикуется в региональных периодических изданиях.

Неоднократный дипломант и лауреат всероссийских поэтических конкурсов в детской и взрослой номинациях.

Живет в Тюмени.

МОСКОВКИН Владимир Васильевич. Родился в Тюмени. Доктор исторических наук, научный сотрудник сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета. Рассказ «Фронтовичка» – один из первых литературных опытов. Живет в Тюмени.

МЯЧИКОВ Сергей Анатольевич. Родился в 1970 году. С рождения живёт в Тюмени. Закончил Тюменский государственный университет по специальности «Математика». С середины 1990-х годов работает в системе Центрального банка Российской Федерации. С 2001 года увлекся авторской песней. Сначала пел чужие песни, через несколько лет общения в бардовских кругах начал писать свои. В 40 с небольшим лет закончил Тюменский колледж искусств (народные инструменты, специализация «Гитара»). Песни пишет на свои стихи. Лауреат региональных и всероссийских фестивалей авторской песни. Автор поэтического сборника «Столик с видом на море», куда вошли лирические стихотворения, тексты авторских песен, цикл «Признание Женщине» и другие произведения.

НЕУДАХИН Валерий Федорович. Родился в 1955 году в городе Бийске Алтайского края. После окончания школы связал судьбу с армией. Прослужил 28 лет, по увольнении работал в кадетской школе.

Много путешествует по Горному Алтаю, в походах находит истории и легенды и рассказывает читателю.

Автор семи книг. Рассказы печатались в различных журналах и альманахах. Лауреат Православной литературной премии имени святителя Макария митрополита Алтайского – 2022 года, победитель литературного конкурса «Югра. Это моя земля», дипломант Международного литературного конкурса Агнии Барто в номинации «Проза».

НИКУЛИНА (ПОНОМАРЁВА) Надежда Александровна (1970 г.р.).

Кандидат филологических наук, доцент. Родилась в г. Тюмени, раннее детство провела в сибирской деревне Королёво (Гольшмановский р-н., Тюменская обл.), окончила среднюю школу №1 в р.п. Гольшманово, а затем Тюменский государственный университет. После университета пре-

подавала литературу в Тюменском государственном институте искусств и культуры, в Тобольском государственном педагогическом институте имени Д. И. Менделеева. В настоящее время проживает в г. Тюмени, работает в Тюменском индустриальном университете.

Поэтом себя не считает, пишет для друзей в ВК.

САЗОНОВ Геннадий Алексеевич. Родился на станции Пожитово Торжокского р-на Тверской области. Писать стихи начал в 7 классе Макарьинской школы. В 1967 году окончил с серебряной медалью среднюю школу №35 г. Торжка (ныне гимназия №7), устроился в районную газету, затем получил диплом на отделении факультета журналистики Ленинградского университета. Работал в городских, областных и центральных газетах в Ярославле, Череповце, Вышнем Волочке, Твери, Оренбурге. Геннадий Сазонов – писатель и поэт, журналист, краевед, историк, член Союза писателей России, лауреат ряда премий и конкурсов, в том числе Литературной премии МВД СССР (1987), премии Фонда Артема Боровика (2011). Автор более 20 книг поэзии, прозы, публицистики. В 2011 году за повести «Нелидовский коридор» и «Ярче легенды» автор удостоен звания лауреата Всероссийской литературно-художественной премии «Золотой венец Победы» (Москва). В 2012 г. – лауреат премии «Слово к народу». Лауреат Филофеевской премии духовно-нравственной литературы.

СИМОНЯН Наира Аксановна. Поэт, переводчик, член Союза писателей Армении, член Союза писателей России. Родилась 30 июня 1971 года в селе Эштия Богдановского района (ныне Ниноцминда) в Грузии в семье учителей. Окончила филологический факультет Ереванского государственного педагогического института имени Хачатура Абовяна. Преподавала армянский язык и литературу в школах Армении и Грузии с 1993 года. Много печаталась в журналах, газетах, армянских и грузинских коллективных сборниках. Первая книга «Асупи цолк» («Блеск метеора») вышла в Ереванском издательстве «Наири» в 1997 году, затем там же – сборник стихов «Я не принцесса жизни» в 2004 году, «Ночные эскизы» в 2014 году (на армянском языке). С 2013 года является членом Сургутского литературного объединения «Северный огонёк», занимается переводами, развитием связей между армянской и русской литературой.

ТКАЧЕНКО Людмила Николаевна (Мила Романова). Имеет три диплома о высшем образовании и опыт практической психологии и работы с людьми, а занятия духовными практиками, многочисленные путешествия по миру и исследования человеческой природы помогли стать экспертом в базовых жизненных вопросах. Ее книги «Аленка» шоколадка» и «Маленький фараон», «Там, где живут облака» и «Лучшему городу земли посвящается...» пользуются широким интересом у читателей. В своих книгах она обращает внимание читателей на такие ценности, как любовь, дружба, предательство, рассуждает на тему жизни и смерти и помогает каждому понять что-то важное о самих себе. Живёт в Тюмени.

ЧАЙКОВСКИЙ Михаил Иванович. Родился 2 июля 1949 года в городе Плесецке Архангельской области. Окончил факультет иностранных языков Дрогобычского государственного педагогического института (1972 – «Немецкий язык»), Санкт-Петербургский педагогический университет по специальности «Переводчик английского языка» (2005).

Служил в рядах Вооружённых сил СССР в Германской Демократической Республике переводчиком. Работал учителем немецкого и английского языков в школах Днепропетровской области в Украине (1972–1989), учителем иностранных языков в средних общеобразовательных школах №5 и №2 города Когалыма (1989–1991), переводчиком ООО «КАТКонефть» (1991–2008) с немецкого и английского языков в области нефтедобычи – переводы технических текстов, участие в совещаниях, тендерах, сопровождение иностранных специалистов на месторождениях при проведении операций по гидроразрыву пласта, капитального ремонта скважин и подземного ремонта скважин. Был переводчиком с немецкого при строительстве нефтяных объектов, пивного цеха, авторемонтного цеха, переводил материалы медицинской, юридической, экономической тематики. Работал учителем английского языка в средней общеобразовательной школе №6 города Когалыма (2009–2010), преподавателем английского языка в English School города Когалыма (в 2011 г.).

В 2018 году Интернациональным союзом писателей издана повесть «Die Abenteuer der Auslaender in Westsibirien» («Приключения иностранцев в Западной Сибири») в авторском переводе на немецкий язык тиражом в 2000 экземпляров.

Опубликовано 13 сборников стихов, рассказов, повестей.

Член Российского Союза писателей.

ЮРЧЕНКО Станислав Георгиевич. Родился 18 июня 1948 года.

Стихи начал писать в школьные годы. В Советском с начала семидесятых активно работал в созданном при редакции районной газеты литературном объединении «Кедр», функционирующем и поныне. Большое влияние на его творчество оказали такие известные югорские поэты, как Евгений Вдовенко, Владимир Волковец, долгие годы проживавшие вместе с С.Г. Юрченко в одном поселке.

Член Союза писателей России с 2001 года.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках:

фотоиллюстрации из архива художника

На обложке:

Колокольчики. 1996. Холст, масло

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу –
Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издается при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.
Выходит два раза в год. Издается с 1999 года.

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
тел./факс: (3452) 49-00-18
e-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, оф. 410
Директор-главный редактор Шестаков Сергей Александрович
тел. (3452) 49-00-18, e-mail: editor@tumentoday.ru

Подписано в печать 20.11.2023 г.

Дата выхода номера в свет 14.12.2023 г.

Формат 70x108 1/16 Бумага ВХИ.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.

Тираж 2 000 экз. Заказ № 2697. Цена свободная.

Журнал отпечатан в типографии АО «ИИЦ «Красное знамя».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера: Созонов Владислав Юрьевич.

Корректор: Александрикова Александра Владимировна.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а.л., поэзия – 5 а.л., публицистика – 3 а.л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.

